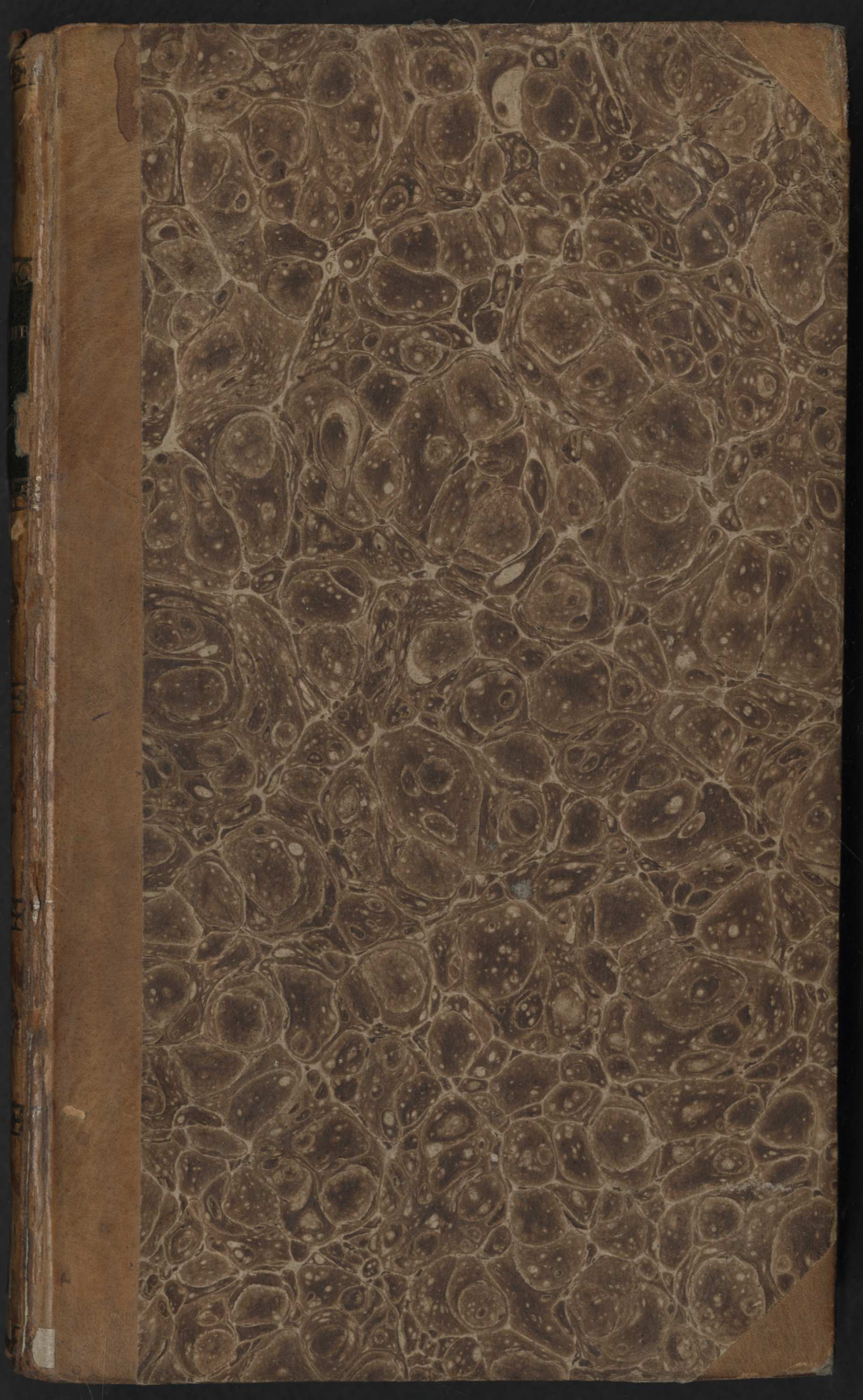


СЧАСТЛИВОЙ ФЛОРЕНТИНЕЦЪ,

или

ЖИЗНЬ

ГРАФА

ДЕ ЛА ВАЛЛЕ.

Сочиненіе Господина Маркиза д' Аржанса, переведена съ Французскаго языка.



въ Санктпетербургѣ
176[illegible].



СЧАСТЛИВОЙ ФЛОРЕНТИНЕЦЪ,

ИЛИ ЖИЗНЬ ГРАФА ПЇЕТРО ДЕ ЛА ВАЛЛЕ

ЧАСТЬ I.

Несчастїя и препоны, претерпѣнныя мною при начатїи жизни моей, были не менше случаями и къ благополучїю моему, въ которомъ нахожусь я нынѣ; и кажется, имѣлъ я нѣсколько печалей только для того, чтобъ

лучше узнать цѣну моего счастiя. Я родился въ Флоренцiи; отецъ мой, Графъ де ла Валле, будучи очень молодъ, вступилъ въ супружество съ одною женщиною, по единственной только причинѣ знатной ея природы. И какъ онъ великой былъ волокита, то имѣлъ къ ней большее почтенiе, недостатокъ же любьви своей награждалъ учтивостiю и хорошими обхожденiями. Госпожа де ла Валле съ своей стороны, не имѣла большей склонности къ своему мужу. И такъ, чувствовала она мало ево холодность. Честь, и здравое разсужденiе, были едины союзы брака, въ которомъ горячность столь мало участiя имѣла.

Отецъ мой препровождалъ многiе мѣсяцы каждаго года въ загородномъ своемъ домѣ близъ Флоренцiи. Онъ имѣлъ склонность ко уединенiю, любилъ науки, и въ отсутствiи, чтенiе составляло часть его упражненiй. Онъ препровождалъ время и въ насажденiи

садовъ

садовъ; и тутъ то любовь пришла вдругъ возмутить его, и вырвать изъ объятій спокойствія. Госпожа де ла Валле жила завсегда въ Флоренціи; а супругъ ее въ загородномъ домѣ лѣтнія времена препровождалъ одинъ. У садовника его была дочь именемъ Фіора, собою весьма пригожа и мила, да и разумомъ превосходила ея состоянію подобныхъ дѣвушекъ. Графъ видалъ ее всякой день, она помогала ему сажать цвѣтки: дѣлила съ нимъ стараніе въ расположеніи цвѣтниковъ, и скоро здѣлалась обладательницѣю его сердца.

Постоянной и уединенной нравъ господина де ла Валле усилилъ болѣе страсть его, нежелибъ оная веселостями и свѣтскими суетами истреблена быть могла. Молодая Фіора не примѣтила первыхъ угожденій своего любовника. Толикое разстояніе, казалось, удаляло ее отъ него, что она спустя уже нѣсколько времяни,

поняла часть того, что въ сердцѣ его происходило. Графъ былъ прекрасенъ, молодъ, и чину способнаго къ уласканію тщеславія Фіорина. Это правда, что онъ былъ женатъ. Сія препона удержала нѣсколько времяни его счастіе: однакожъ наконецъ, Фіора отдалася его произволеніямъ. Она часто видала любовника своего на единѣ, препровождала съ нимъ по половинѣ дня въ саду безъ всѣхъ свидѣтелей, кромѣ единой любьви. Сія обладательница не причиняетъ двумъ крѣпко плѣнившимся сердцамъ безпокойствія; но напротивъ того поощряетъ ихъ пользоваться случаемъ. Отецъ мой и Фіора послѣдовали ея совѣтамъ. Въ одинъ день, послѣ многихъ повтореній клятвъ о взаимной другъ къ другу вѣчной вѣрности, графъ де ла Валле получилъ послѣдніе знаки любви отъ любовницы своей: и по видимому, я то былъ плодъ первыхъ веселостей и нѣжныхъ восторговъ сихъ счастливыхъ любовниковъ; ибо девять

мѣся-

мѣсяцовъ послѣ того, Фіора произвела меня на свѣтъ.

Рожденіе мое служило новымъ союзомъ Графу де ла Валле: онъ чрезъ сіе прилѣпился болѣе къ своей дражайшей любовницѣ: извлекъ ее изъ прежняго ея состоянія, далъ ей въ Флоренціи домъ, и назначилъ доходъ, которымъ бы могла она жить такъ, какъ благопристойно драгой для него особѣ. Госпожа де ла Валле хотя и не не знала тайностей своего мужа; однакожъ, какъ она его очень мало любила, и что, естьли вѣрить злословію, была такого поведенія, которое требовало, чтобъ имѣла она нѣкоторую склонность къ другимъ, то оставила отца моего въ покоѣ, и во всю жизнь, казалася быть несвѣдомою о его тайныхъ поступкахъ.

Время не убавило страсти Графа де ла Валле, любовь къ Фіорѣ всякой день въ немъ умножалася. Я воспитанъ былъ при матери своей; и до четырнатцати лѣтъ не зналъ, отъ кого я родился. На

конецъ родитель мой, которой слылъ моимъ крестнымъ отцемъ открылъ мнѣ сїю тайну. Удивленїе мое было не непосредственно. Я бросился къ колѣнямъ его, и со плачемъ обнималъ ихъ. Онъ не могъ удержать слезы свои имѣя меня только единаго сына. Хотя онъ и не супругъ былъ матери моей, однакожъ тѣмъ неменѣе меня любилъ. Фїора находилась при семъ изъясненїи. Текущїе изъ глазъ ея слезы, и ласки, кои изъявляла она мнѣ въ сей нѣжной благодарности, тронули весьма чувствительно отца моего. Онъ отдалъ бы все то, что имѣлъ на свѣтѣ, для учиненїя меня плодомъ законнаго брака; однакожъ всѣ его желанїя не могли перемѣнить судбины моей: и по видимому казалося, что оная навсегда равною пребудетъ. Госпожа де ла Валле была столько же молода, какъ и мать моя. И такъ я со всѣмъ не могъ ласкаться, быть когда нибудь признаннымъ за законнаго сына.

Отецъ

Отецъ мой далъ мнѣ знать, что онъ назначиваетъ меня къ духовенству. Хотя мнѣ было только пятнатцать лѣтъ, однако я уже любилъ свѣтское обращенїе, и веселїя, а состоянїе, въ которое хотѣли заключить меня, казалося мнѣ ужаснымъ. Со всѣмъ тѣмъ надлежало мнѣ на то склониться. Мнѣ дали знать, что порода моя не дозволяетъ мнѣ избирать другой для себя части: и что могутъ мнѣ изспросить во владѣнїе большїя маетности и произвесть меня въ духовныя достоинства. Не столько убѣжденъ сими разсужденїями, какъ властїю отца моего, вступилъ я наконецъ въ Флорентинскую семинарїю. Перьвой годъ неволи моея показался мнѣ сноснымъ, но невозможно мнѣ было вознамѣриться прожить еще два другїе въ такомъ мѣстѣ, которое я почиталъ тюрьмою.

Я выходилъ иногда изъ семинарїи, для посѣщенїя матери моей. Отецъ мой, которой во время моего прихода за всегда у нее находился

дился, приказывалъ мнѣ имѣть терпѣніе, и окончить богословію. Я не смѣлъ отказывать его приказанію, но послѣ, когда возвращался въ мое уединеніе, чувствовалъ себя терзаема жестокими печальми.

Въ одинъ день препроводивъ послѣ обѣда часть времени съ моею матерью, возвратился я позднѣе обыкновеннаго, и пришедъ къ семинаріи, нашелъ у оной двери заперты, и какъ ихъ, по пробитіи нѣкоторыхъ урочныхъ часовъ, болѣе не отворяли, вознамѣрился я возвратиться домой, и тамъ дождаться утра. Идучи по улицѣ мимо опернаго дома, увидѣлъ я у воротъ премножество каретъ. Я отважился войти туда, и провесть остатокъ вечера. Въ Італіи духовенство, и знатнѣйшія онаго особы, не почитаютъ за важность, смотрѣть позорища. Главнѣйшіе въ Римѣ ложи заняты Кардиналами. Я вошолъ въ партеры, и сталъ довольно близко отъ театра, Опера уже была въ половинѣ, и я не зная содержанія и имени оной, спрашивалъ объ ней у стоящаго

ящаго возлѣ меня человѣка, которой просилъ меня, чтобъ на минуту отложить удовольствованіе моего любопытства. Вотъ, говорилъ онъ мнѣ, наиславнѣйшая изъ всей Италіи пѣвица, которая будетъ пѣть одну арію, сочиненную, какъ будто нарочно для ее голоса. Нина, такъ называли оную Актрису, пѣла въ самомъ дѣлѣ столь удивителъно, что съ сея минуты, почувствовалъ я въ сердцѣ своемъ глубокой ударъ. Во время остальныхъ дѣиствій оперы единственное мое тщаніе состояло въ превозношеніи Нины, когда она на театрѣ показывалась, а когда же за кулисы уходила, тогда спрашивалъ я о ея отечествѣ, жилищѣ и фамиліи, не зная точно самъ для чего спрашиваю. Я еще никакихъ справедливыхъ мыслей изъ того не заключалъ. Въ смущеніи моемъ сердце у меня трепетало, но я не могъ разпознать что во мнѣ происходило.

Я вышелъ изъ оперы, будучи, такъ сказать, пораженъ и отягощенъ

щенъ прекраснымъ взоромъ Нины, которой безпрестанно моимъ мыслямъ представлялся. И какъ пришелъ къ матери моей, то былъ столь объятъ моею новою страстїю, что едва могъ ей сказать, что двери у семинарїи были заперты. Чтобъ быть меньше принуждену, и имѣть въ размышленїи волность, пошелъ я спать не ужинавши. Мнѣ не было нужды притворяться для показанїя, что я нездоровъ, и что я имѣлъ нужду въ покоѣ.

Лищъ только я въ объятїяхъ самаго себя очутился, Нина представилась гораздо живѣе уму моему, и мечталася взору и слуху, Не возможно мнѣ было во всю ночь глаза закрыть. Я всталъ, едва лищъ разсвѣло; однакожъ свѣтъ не истребилъ смущенїй сердца моего. Я ужасался, какъ воображалъ, что опять запертъ буду въ семинарїи, и не увижу, можетъ быть, во всю жизнь того предмѣта, которой такъ много меня тронулъ: любовь здѣлала мнѣ мое состоянїе

вовся несноснымъ. раздраженъ страстію, и ненавистію которую чювствовалъ я къ жилищу моему, вознамѣрился его оставить, какіябъ мнѣ бѣды отъ шого ни приключились. Я не надѣялся, чтобъ родители мои согласились когда ни будь на мои намѣренія, и я понималъ, что оставя семинарію, надобно будетъ и ихъ мнѣ оставить. Всѣ сіи препятствія не могли отвратить меня. Единая мысль, чтобъ слѣдовоть за Ниною, которая, какъ меня увѣряли, долженствовала ѣхать на Моденскую оперу, совершенно склонила меня къ оставленію моего отечества.

Чтобъ скрыть мои замыслы, и ихъ съ большею безопасностію исполнить, возвратился я въ семинарію, провѣдавъ отъ многихъ актеровъ о точномъ времяни, въ которое Нина поѣдетъ въ Модену. Они обнадежили меня, что оперы въ Флоренціи въ восемъ дней окончатся, и она спустя послѣ того нѣсколько времяни отправится. Я употребилъ все сіе время на вымыселъ

мыселъ способнѣйшихъ мѣръ къ моему побѣгу. было у меня нѣсколько пистолей, потому что отецъ мой не рѣдко давывалъ мнѣ деньги, для покупки какихъ нибудь бездѣлокъ, которыя помогали мнѣ сносить мою неволю. И такъ, собралъ я маленькую сумму, которая служила мнѣ для дороги.

Когда уже заключилъ я, что время къ отъѣзду Нины приближилось, то просилъ у начальника семинарiи дозволенiя сходить къ родителямъ моимъ отъобѣдать, но вмѣсто того чтобъ къ нимъ итти, пошелъ я въ вольной домъ, для пробытiя тамъ до начатiя оперы. это послѣдней разъ, что она представлялась, и моя любезная Нина должна была скоро ѣхать. Я разсудилъ было предупредить ее моимъ приѣздомъ въ Модену; однакожъ, не возможно мнѣ было начать путь мой прежде, нежели имѣть веселье, увидѣть ее еще разъ. И такъ былъ я на оперѣ, гдѣ сердце мое получило еще новыя раны. Лишь дражайшая моя

любовница

любовница показалась, то почувствовалъ я сильное движенїе, которое неможно было мнѣ успокоить. Во все время оперы, едва могъ я опамятоваться, а вышедши оттуда, былъ еще въ пущемъ смущенїи предъ тѣмъ, которое причинилъ мнѣ перьвой взглядъ Нины. Надежда, что я буду ее видѣть въ Моденѣ съ лучшею вольностїю нежели въ Флоренцїи, утишила не много восторгъ мой. Я возвратился въ тотъ же вольной домъ, гдѣ часть дня пробылъ, а на завтрее, едва лишъ день показался, поѣхалъ въ Модену.

Я прїѣхалъ въ сей городъ за три или четыре дни прежде Нины. Тогда покинулъ я крагенъ и рясу, и перемѣня платье, перемѣнилъ и имя свое, чтобъ въ случаѣ, когда захотятъ свѣдать о мѣстѣ моего отсутствїя, меня не узнали. Отецъ мой называлъ меня Монталто: а я приложилъ себѣ имя Пїетро, кое мнѣ дано было при крещенїи, и прибавя къ оному

часть

часть имяни отца моего, назвался Пістроваль.

Я дожидался минуты той, въ которую Нина пріѣхать долженствовала, съ такою нетерпѣливостію, что едва могъ имѣть время, къ размышленію о томъ, что со мною будетъ, и что мнѣ предпріять должно къ сысканію случая съ нею видѣться, и ей дать знать о любьви, которую она въ меня влiяла. Пришло мнѣ на умъ вступить Актеромъ въ оперу. Я имѣлъ голосъ весьма пріятной, и зналъ музыку хорошо. И такъ препоручилъ себя директору театра, которой тѣмъ больше мнѣ обрадовался, что одинъ изъ его подчиненныхъ не удержалъ ему своего слова, и что онъ находился въ большемъ замѣшательствѣ, отъ котораго я благополучно его освободилъ. Онъ, можетъ быть, долженъ бы былъ отложить на три недѣли или на мѣсяцъ открытіе своего театра: а имѣя дозволеніе содержать оной только три мѣсеца тобы сія задержка была

была ему весьма безполѣзна. Я столько же радовался о совершенїи желанїя моего, сколько и онъ о моемъ предложенїи: и на завтрее пошелъ я на репетицїю, гдѣ, и приѣхавшая Нина находилась. Директоръ представилъ меня ей такъ, какъ вновь принятаго и имъ самимъ выбраннаго Актїора. Она была одѣта по обыкновенному великолѣпїю Италїянскихъ пѣвицъ. Онѣ получаютъ чрезвычайно великїя жалованья; и Фостинѣ даютъ до тритцати милїоновъ флориновъ, чтобъ только она, во время маслѣницы, пѣла въ Венецїи. Блескъ одежды придая новое сїянїе красотѣ Нины, едва не лишилъ меня возможности оказать ей нѣкоторыя довольно безпорядочныя учтивости. Я прїехалъ прямо изъ семинарїй; и до сего времяни, не имѣлъ ни какихъ порядочныхъ разговоровъ съ женщинами, отъ чего я скоро и онѣмелъ предъ Ниною, которая однакожъ, заняла мѣсто моего молчанїя. Она говорила мнѣ нѣсколько времяни, и подала

дала

дала способъ не много успокоиться отъ моего перьваго смущенія. Напослѣдокъ, разговоръ мой былъ уже нестолько тягостенъ; и какъ, оставалось еще съ часъ до начатія репетиціи, затѣмъ что актіоры не всѣ собралися, то старался я оказанную мною застѣнчивость поправить.

Всѣ мои учтивости показывали однакожъ меня семинаристомъ; и Нина, которой свѣтское обращеніе пріобрѣло легкую способность въ разговорѣ, поправляла, пріятными восхищеніями и многими разумными и живностью украшенными словами глупость и обремененіе моихъ учтивостей. Она легко примѣтила, что я еще мало привыкъ обращаться въ хорошихъ бесѣдахъ. Мой смущенной и робкой видъ увѣрилъ ее въ томъ тѣмъ больше, что она не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія на мое сердце. Посреди моего смущенія, разсмотрѣла она однакожъ, что разуму во мнѣ не недоставало; и взявъ уже нѣкоторое во мнѣ участіе, предлагала мнѣ,

какѣ новому товарищу, всѣ свои услуги, кои только оказывать можетѣ. Я поблагодарилѣ ее такими словами, которые показались мнѣ наипристойными, для изъясненія моей благодарности; и сѣ сего времяни, пользовался я даннымѣ мнѣ отѣ нее правомѣ.

Я часто посѣщалѣ ее: видалѣ всякой день на оперѣ; и старался показать ей моими угожденіями влїянную вѣ меня любовь. Нина была гораздо искусна, чтобѣ долго замѣшкаться вѣ открытіи моего сердца. Она столько любовь испытала, сколько мнѣ околичности и сокровенности оной страсти были неизвѣстны. Я любилѣ, и любилѣ сердечно. Вотѣ какое было мое состояніе; но Нина, которая, чрезѣ долгое употребленіе сей страсти, приобрѣла право обращать любовныя движенія сердца своего кѣ сторонѣ прибытка, не хотѣла примѣтить любьви, отѣ которой она не чаяла имѣть никакой прибыли. Она притворялася не разумѣть меня; и сѣ мѣсяцѣ

времяни всѣ мои старанія, кои употреблялъ я, чтобъ ей понравиться, были тщетны. Она убѣгала подать мнѣ случаи вольнымъ образомъ изъясниться. Хотя она и не думала слушать моихъ словъ, однакожъ радовалась что имѣла излишняго въ цѣпяхъ своихъ невольника, и не хотѣла вступить въ изъясненіе, котороебъ могло его у нее похитить.

Во время, когда я былъ въ столь мало отрадномъ состояніи, любовь здѣлала для меня вдругъ то, чего я ожидать не надѣялся. Нина зачала взирать на меня, и слушать слова мои. Я былъ молодъ и становитъ, и помалу принялъ на себя ту смѣлость, которой во мнѣ не доставало. Она почувствовала, что я приближался къ сердцу ее скоряе, нежели она думать могла: и я съ моей стороны примѣтилъ, что взираемъ былъ благосклоннѣе. Въ любьви успѣваютъ весьма скоро, когда только согласіе склонностей дѣйствуетъ надъ двумя сердцами: и я въ три дни

дни здѣлалъ больше успѣху, нежели во весь прошедшей мѣсяцъ. Я далъ знать Нинѣ о моей къ ней горячности; и разсказалъ ей то, что меня принудило вступить въ оперу. Такіе опыты нелицемѣрной любьви не остались безъ награжденія. Красы посвященныя театру умерщвляютъ мало своими строгостями любовниковъ, которые умѣютъ имъ понравиться. Нина, нравомъ не жесточае была своихъ подружекъ: и лишъ только сталъ я любимъ, то былъ совершенно и счастливъ.

Хотя счастіе мое мнѣ меньше труда стоило, нежели я надѣялся; однакожъ я не почиталъ ево менѣе великимъ: оно не было возмущаемо ревнивостію. Малое знаніе, приобрѣтенное мною въ семинаріи о женскихъ нравахъ, неподавало мнѣ средства думать, чтобъ Нина могла мнѣ присвоить совмѣстниковъ. Я бы готовъ клясться, что я одинъ былъ полюбовникъ котораго она любила; и можетъ быть втомъ не ошибался; одна-

кожъ, не одинъ я былъ изъ тѣхъ, коихъ она ласкала. богатой Аглинской господинъ, почиталъ изъ давна имѣть право надъ сердцемъ Нины. Я не знаю имѣлъ ли онъ причину ласкать себя онымъ съ начала своей страсти; но когда я сталъ быть ему совмѣстникомъ, то увѣренъ, что онъ за благосклонность своея любительницы, долженъ былъ деньгамъ. Я не зналъ сего тайнаго поступка, которой бы любовь мою могъ очень много ранить; и два мѣсяца былъ я столько счастливъ, что ничего о томъ не вѣдалъ: однако, наконецъ все мое благополучїе изчезло. Нѣкогда поѣхавъ къ Нинѣ, и нашедъ двѣри горницы ея заперты, любопытство побудило меня посмотрѣть въ замочную скважину, для того что послышался мнѣ въ горницѣ нѣкоторой шумъ. Я скоро объ немъ понялъ увидя на постѣлѣ, стоящей противъ самыхъ двѣрей, Нину, и Аглинскаго Лорда, въ такомъ состоянїи, что обмереть бы долженъ

былъ

былъ и не столь горячей и нѣжной любовникъ какъ я. Я въ тотъ же часъ хотѣлъ стучать, и показать измѣнницѣ моей причиненное мнѣ ее невѣрностїю смущенїе; но остатокъ горячности удержалъ меня отъ того. Я разсмотрѣлъ, какой шумъ такое приключенїе причинить можетъ, и какїя могутъ быть изъ того слѣдствїя, къ тому же знатной господинъ былъ тому соучастникъ; и такъ возвратился я домой, и написалъ къ невѣрной Нинѣ слѣдующее письмо:

ПИСЬМО

Я видѣлъ самъ вашу невѣрность: глаза мои были свидѣтелями недостойныхъ ласковостей, коими вы изобильно милорда утѣшали. Хотя я и не рожденъ быть въ такомъ блистающемъ состоянїи, въ каковомъ судьбина дала ему мѣсто; однако не хочу дѣлить сердца, съ кѣмъ бы то ни было. Прощайте. Я васъ болѣе не

упижу: и призираю пасъ столько сколько прежде любилъ.

Я точно взялъ намѣренiе выѣхать изъ Модены и оставить на всегда оперу, и невѣрную Нину: привелъ въ порядокъ все къ тому потребное, и положилъ, чтобъ на завтрее выѣхать. Три мѣсяца, которые договорился я съ директоромъ быть при театрѣ, кончились, а вновь не возобновя еще договору, находился я, въ отъѣздѣ моемъ, свободныхъ. Полученной мною, отъ моей невѣрной любительницы отвѣтъ, понудилъ меня поспѣшить въ исполненiи моего намѣренiя, ивкоренилъ въ меня еще больше къ ней омерзѣнiя. Вотъ, что она ко мнѣ писала.

ПИСЬМО.

Я думала, что сотая доля подобнаго моему сердца, долженствопалабъ удопольстпопать такого любопника какъ пы. По справедлипости надлежитъ, чтобъ пы очень мало разсужденiя имѣли, когда думаете, что я должна жертпопать болѣе памъ, нежели

ли милорду. Много было и того, что я не погнушалася вами, и имѣла благосклонность къ вашей слабости. Простите. Удаляйтеся отсюда; и чемъ скоряе тѣмъ лучше, потому что я могу извѣстить нѣкоторыхъ людей о вашемъ сумозбродномъ любопытствѣ, которые можетъ быть сыщутъ способъ привесть васъ въ раскаянїе.

Хотя я не жалѣлъ о побѣгѣ моемъ изъ семинарїи и оставленїи Флоренцїй; однакожъ не могъ избѣжать весьма печальныхъ размышленїй. Естьли всѣ женщины, говорилъ я, походятъ на Нину, то долженъ ли я былъ огорчить моихъ родителей, и ихъ оставить для того, чтобъ здѣлаться невольникомъ онаго пола, которому столь часто совѣтовали мнѣ, не ввѣряться? Въ какїя не ввергну я себя напасти, естьли только такїе нравы, каковъ Нина имѣетъ, находить буду? Возлюбленный покой, продолжалъ я, благополучная тишина, до чего вы дошли? Правда, что я во уединенїи моемъ

терпѣлъ скуку; и былъ иногда восхищаемъ мыслїю, воображая свѣтскїя веселости, но ахъ! съ коликими горестями не смѣшены онѣ; и какїя печали по нихъ не послѣдуютъ? отягченъ сокрушенїемъ, поѣхалъ я въ Парму, чтобъ сыскать себѣ тамъ какое нибудь мѣсто. Я перерядился, туда прїѣхавши, въ мое старое платье: надѣлъ опять крагенъ и рясу; и преобратился въ духовнаго человѣка. Искавъ нѣсколько времени такой должности, отъ которой бы я получаемымъ доходомъ, могъ проводить жизнь мою, вступилъ въ домъ къ Маркизу Пизано, учителемъ его сыну. Онъ былъ рабенокъ девяти или десяти лѣтъ, довольно худо воспитанъ, и весьма посредственнаго разума: однако имѣлъ двухъ сестръ, кои были столько остроумны, сколько онъ тупъ. большая была девятнатцати лѣтъ, а меньшая семнатцати. Глазъ, наипривыкшей опредѣлять превосходство въ красотѣ, имѣлъ трудность склониться

ниться, къ отданїю одной сестрѣ предъ другою преимущества. Онѣ обѣ имѣли хорошей станъ. Глаза ихъ были наполнены похитительнымъ огнемъ, могущимъ воспламенить самое нечувствительное сердце. Всѣ наружныя ихъ черты были совершенны. Толикїя красы истребили скоро Нину изъ памяти моей; однако, я еще не зналъ, которой изъ сихъ двухъ сестръ дать преимущество. Сїя неизвѣстность причиняла мнѣ несколько чувствительности; но наконецъ меньшая, именемъ Анезина одержала побѣду. Нравъ ее, казался мнѣ гораздо прїятнѣе и веселяе, нежели какъ сестринъ. Она имѣла не столько гордой и кичливой видъ; и я чаялъ примѣтить въ обхожденїяхъ ея нѣкоторую къ себѣ милость.

Лишь только я склонился совершенно въ ея пользу, то здѣлался больше несчастливъ, сердце мое, которое не имѣло ничего способнаго къ отвращенїю своей страсти, ввергнулось слѣпо въ

оную

оную, и размышленія, коими я себѣ воображалъ различіе состоянія между мною и Анезиною, и невозможность, которую чаялъ предвидѣть въ успѣхѣ любьви моей, привели меня почти въ отчаяніе. Я тотъ же часъ предпріялъ было искать моего излѣченія въ отсутствіи; хотѣлъ оставить Парму, и отъѣхать въ другой городъ; однакожъ, оное мое намѣреніе не долго продолжалось. Лишъ только зрѣлъ я глаза Анезинины, то всѣ мои вымыслы изчезали: къ перьвымъ моимъ оковамъ, присовокуплялъ я вновь другія; и не помнилъ больше о прежнемъ намѣреніи, чтобъ прекратить теченіе такой страсти, отъ которой мнѣ ничего инаго какъ только напастей ожидать долженствовало.

Я пребывалъ долгое время въ сей мучительной неизвѣстности: самъ себѣ за всегда сопротивлялся, и упражнялся безпрестанно въ преодолѣніи самого себя; но не могъ ни побѣдить, ни склонить себя къ чему нибудь.

Наконецъ

наконецЪ, разсудилЪ я отдаться слѢпо всему тому, что пріуготовляетЪ мнѢ судьбина, и дожидаться отЪ нее сохраняющихся для меня благополучій, или напастей. Я видѢлЪ за всегда Анезину и сестру ее; и обѢдалЪ сЪ ними вЪ мѢстѢ. ПослѢ обѢда, случалось утѢшалЪ я ихЪ, или разсказываніемЪ разныхЪ приключеній, или играми, кои я выдумывалЪ, чтобЪ имЪ понравиться: училЪ ихЪ на музыкѢ. СловомЪ сказать, случаевЪ у меня кЪ тому не недоставало, чтобЪ ежедневно чувствительнѢе становиться.

МаркизЪ Пизано оказывалЪ мнѢ много дружбы, и часто подавалЪ знаки своего ко мнѢ почтенія. ОнЪ весьма радовался, что опредѢлилЪ меня кЪ своему сыну, котораго старался я воспитать на илучше по моей возможности. ОнЪ почиталЪ меня не столько учителемЪ сего молодаго человѢка, сколько даннымЪ отЪ себя ему другомЪ. ВсѢ сіи, довольно изЪявляемыя отличности почтенія, дѢлали, мое

къ дочерямъ его прилѣпленіе, неважнымъ. Мое духовное платье, и различіе состоянія, не подавали ни малѣйшайшаго подозрѣнія на мое сердце.

Между тѣмъ, состояніе мое становилось ежедневно мучительнѣе. Я видалъ мою прекрасную любительницу, говорилъ съ нею; но не смѣлъ извѣстить ее о томъ, что въ сердцѣ моемъ происходило. Я боялся иногда, чтобъ и глаза мои не были нескромны, и не открыли бы того, что я скрывать усиливался. Это было не инако какъ съ трепѣтомъ, что устремлялъ я глаза на Анезину; и лишъ только ее встречалися съ моими, тогда отвращалъ я ихъ, и боялся, чтобъ они не сказали много.

Въ то время, когда робость моя и почтеніе, казалися удалять всѣ изъясненія между мною и Анезиною, любовь, которая безъ моего вѣдома, трудилася въ мою пользу, подала случай къ объявленію, которое послѣдовано было отвѣтомъ, гораздо ласковѣйшимъ нежели какова я могъ надѣяться.

Близко двухъ мѣсяцовъ, лице мое покрыто было меланхолїею сердечною: я имѣлъ печальной и опустившейся видъ. Сколько я ни усиливался, чтобъ скрыть горести мои отъ очей Анезининыхъ, но немогъ имѣть успѣха. Говоря съ нею на единѣ, многїе вздохи излетали изъ меня. Я примѣтилъ, что и она смотрѣла на мѣня иногда съ нѣкоторымъ смущенїемъ и страданїемъ, которое приписывалъ я сожалѣнїю о моихъ печаляхъ. Въ одинъ день, какъ пѣла она арїю изъ Артаксеркса, оперы положенной на музыку славнымъ Винсїемъ, не могъ я воспрепятствовать себѣ, чтобъ не устремить на нее глазъ моихъ съ большею горячностїю и продолженїемъ, нежели какъ обыкновенно бывало. Она сїе примѣтила; и бросая на меня взоры, которые казалися входить въ мои мученїя, полно пѣть, сказала она: я вижу, что вы въ умѣ вашемъ имѣете что нибудь такое, которое васъ отягощаетъ. Я не требую, чтобъ вы изъяснили

мнѣ

мнѣ причину возмущаемую покой вашъ; однако, естьли бы оная отъ меня зависѣла, то были бы вы столько счастливы, сколькобъ пожелать могли. Я увѣрена, что мысли всей моей фамилiи сходствуютъ съ моими; и никто васъ столько не почитаетъ какъ отецъ мой. Горести мои, отвѣтствовалъ я, прекрасная Анезина, суть такого роду, что не могутъ быть никому повѣрены. Я не требую отвѣчала она, вѣдать объ нихъ, и не недовольно скромна въ такихъ случаяхъ. Вы, отвѣчалъ я, одна только особа въ свѣтѣ, которой надлежитъ мнѣ открыть мою тайну. Но открытiе сiе было бы послѣдовано вашею ненавистью, а ваша ненависть смертiю моей. Я выговорилъ сiи послѣднiя слова съ такою нѣжностiю, что она совершенно уразумѣла все то, что ей сказать хотѣлъ. Не извещайте меня, говорила она мнѣ покраснѣвши. Я не хочу васъ ненавидѣть; такъ не желаю ничего и знать. Я не понимаю того, что вы

теперь

теперь мнѣ сказывали, и понимать не хочю. Выговоря сїе покинула она меня, и не дала время себѣ отвѣтствовать.

Я былъ однакожъ больше доволенъ, нежели смѣлъ надѣяться. Я ожидалъ отвѣта подобнаго громовому, удару, и чаялъ быть вѣчно изгнаннымъ. Предписанное мнѣ молчанїе, было отчасти ободряемо съ милостїю говоренными мнѣ словами. Я во весь сей день Анезины не видалъ: она прилѣжно меня убѣгала; и мнѣ казалось, что разговоры мои причинили ей больше молчаливости, нежели я думалъ. На завтрее, я встрѣтился съ нею тогда только, какъ мы пошли за столъ. она покраснѣла какъ меня увидѣла, и отвратила глаза свои. Я самъ не въ лучшемъ былъ спокойствїи; боязнь, чтобъ не подать подозрѣнїя ея фамилїи на то, что въ сердцѣ моемъ происходило, принудила меня во весь обѣдъ наибольше сколь мнѣ возможно было притворяться. Я не смѣлъ глядѣть на Анезину: взоры бы мои сверхъ воли моей говорить стали.

я много разъ примѣчалъ, что сестра Анезины разсматривала меня съ нѣкотораго времяни съ прилѣжанiемъ, и думалъ, что она легко можетъ имѣть подозрѣнiе на мои чювствы. И такъ, удвоилъ я мои старанiя, чтобъ скрыть оныя отъ всей вселенной.

По возстанiи изъ за стола, Анезина вышла изъ горницы, и пошла въ садъ прогуливаться. Спустя нѣсколько времяни, я за нею послѣдовалъ, и нашедъ ее одну въ алѣе довольно отдаленной отъ строенiя: вы избираете, говорилъ я ей, для прогулки вашей самыя уединенныя мѣста. Когда любятъ размышлять, отвѣчала она мнѣ, то ищутъ уединенiя. А кто можетъ, спросилъ я ее, причинить вамъ размышленiе? Надобно несчастливымъ, осужденнымъ на вѣчное молчанiе, облегчать свои муки во уединенiи; но вы, на высочайшемъ степени благополучiя, прекрасна, богата, рождена въ отмѣнномъ достоинствѣ, кто можетъ возмутить ваше спокойствiе? я не знаю, отвѣчала

отвѣчала Анезина; однако, всѣ сїи дары, которыми вы меня столь превозносите, съ нѣкотораго времяни стали для меня очень мало важны. Случаются и такїя минуты, гдѣбы я желала быть рожденна простою только мѣщанкою. Я не знаю источника сей особливости, да и не хочю знать его; однакожъ, печаль моя тѣмъ не уменьшается.

Что говорила мнѣ Анезина, ободряло довольно мою смѣлость къ нарушенїю предписаннаго мнѣ молчанїя. Такое то есть, отвѣчалъ я ей, непостоянство рока. Тѣ, кои не рождены въ отмѣнномъ достоинствѣ, отдали бы всю ихъ кровь, чтобъ быть достойными нѣкоторыхъ особъ, коихъ судьбина поверьхъ другихъ возставила: а оныя же особы кажутся презирать преимущества ихъ природы. Какъ бы я счастливъ былъ, продолжалъ я робкимъ и прерывающимся голосомъ, естьли бы я могъ себя ласкать......... но нѣтъ, надлежитъ быть без-

разсудительну естьли остаться съ сею мыслїю; и когда я не могу избѣжать предписанныхъ мнѣ мученїй, то буду ихъ претерпѣвать безъ жалобы ..... вмѣсто того, чтобъ остаться столь несчастнымъ какъ вы сказываете, перервала рѣчь мою Анезина, я совѣтую вамъ вдаться въ ласкательныя мысли, которыя вамъ помочь могутъ. Не должно никогда отнимать у себя надежду; случается, что при малѣйшемъ уповании получаютъ неожидаомое счастїе.

Я хотѣлъ отвѣчать Анезинѣ, и конечнобъ разговоръ нашъ безъ изъясненїя не окончился, естьли бы сестра ее къ намъ не присоединилась. Анезина была чювствительна почти столько же какъ и я, и искала только виду къ прикрытїю сего происхожденїя. Любовь ее въ молчанїи усилилась: принужденїе приумножило страсть ее; и съ сея минуты, я надѣялся, что счастїе мое перемѣнится.

Сестра Анезинина именемъ Клара, не примѣтила моего смущенія: я старался сокрыть его отъ нее; и имѣлъ втомъ удачу. Я не вѣдалъ, что она принимала во мнѣ нѣкоторое участіе; и былъ бы въ пущей мукѣ, когдабъ узналъ отомъ, что въ сердцѣ ея происходило. Я былъ ей не противенъ: она почювствовала ко мнѣ склонность; а самолюбіе, гордость, и обыкновенной ея полу стыдъ, принудили ее скрывать отъ меня свои чювствованія. Я бы ихъ и никогда не зналъ, естьли бы впредь, ревнованіе не принудило ее говорить сверьхъ воли своей, и не открыло бы ея мыслей.

Я продолжалъ оказывать преданность мою прекрасной Анезинѣ. Не имѣя смѣлости изъясняться вольнымъ образомъ, заставлялъ говорить съ нею глаза свои. Я не пропускалъ ни одного случая показывать ей, множествомъ малыхъ услугъ, состояніе моего сердца. Любовь моя не осталася долго безъ награжденія. Анезина

уже давно сопротивлялася самой себѣ. Она была молода: меня любила, и не возможно было ей, безпрестанно скрывать отъ меня страсть свою. Нѣкогда, проговоря о поэмѣ Тассовой, я вамъ признаюсь, сказала она мнѣ, что я жалѣю много эту бѣдную Армиду, любившую неблагодарнаго и непостояннаго. Вся любовь, которую Ренодъ имѣлъ къ славѣ, не извиняетъ его невѣрности. Вы говорите правду, сказалъ я ей, прекрасная Анезина: горячность Армидина стоила другой судьбины; однакожъ, вы меньше будете винить Ренода, естьли подумаете о страсти, которую онъ имѣлъ къ своей любительницѣ. Она была основана на волшебствахъ, получила бытїе свое насильными средствами. Справедливая любовь не чювствуетъ ни какого принужденїя: она раждается отъ удару ока, отъ взора; и питается единою надеждою, чтобъ понравиться, а нужды не имѣетъ въ чуждыхъ вспоможенїяхъ. Вы говорите, отвѣчала Анезина

Анезина, о любьви, подобно человѣку совершенно ее знающему; а въ столь справедливую подробность войтить не можно, не чювствовавъ того, что сказываютъ. Это правда, отвѣчалъ я, прекрасная Анезина, я любилъ, и люблю еще; да и чювствую, что ничто не можетъ погасить или убавить страсть мою; Однакожъ, обожаемой мною предмѣтъ столь прекрасенъ, столько прïятностей украшаютъ его разумъ и станъ, что какïябъ претерпѣваемыя мною муки ни были, онѣ мнѣ дороже жизни. Я знаю, что состоянïе мое претитъ мнѣ вовся имѣть надежду; одноко, я темъ не менее васъ обожаю, прекрасная Анезина. Не вооружайте, продолжалъ я, очи ваши жестокостïю. Простите мнѣ невольное преступленïе; естьли оное то, что я васъ люблю: вы принудили меня учинить его. Я не могъ сопротивляться прïятностямъ красотъ, которыя меня къ вамъ притягивали. Я стократно говорилъ самъ себѣ все то, что

казалось мнѣ способнымъ къ укрѣпленїю разсудка моего; но немогъ сыскать въ немъ употребленїя: очи ваши отняли у меня его на всегда.

Покамѣстъ говорилъ я рѣчь сїю, Анезина имѣла видъ удивленїя. Глаза ее устремленные и потупленные на землю, не смѣли глядѣть въ сторону, боясь съ моими встрѣтится. наконецъ, взялася она мнѣ отвѣтствовать. Первыя ее слова, казались изчезающими во устахъ ея: слабой и дрожащей голосъ, показывалъ движенїя происходящїя въ ее сердцѣ. Я не думала, говорила она, чтобъ вы позабыли себя даже до принужденїя меня васъ ненавидѣть: это весьма дурной способъ мнѣ понравиться, когда смѣть огорчать меня: развѣ вы позабыли раздѣляющее насъ различїе? Я не хочу васъ отяготить неправедными выговорами, и винить въ природѣ, которая не отъ васъ зависѣла; однако, сколь бы состоянїе чоловѣческое бѣдственно ни было, обычай и правы, возставили

между

между мною и вами вѣчной оплотъ. Естьли вы меня любите, то только для того, чтобъ страдать, а не изъяснять вашего мученія.

Постойте Анезина, отвѣчалъ я, престаньте предписывать мнѣ мою должность; я клянусь вамъ что я буду ей жертвою: пойду далече отъ глазъ вашихъ, и мѣста сего противнаго покою моему, искать смерти котораябъ окончила мученія мои. На завтрее же, вы болѣе не увидите предмѣта гнѣва вашего. Отсутствіе мое очиститъ вину мою; однакожъ не окончитъ оно любви моей. Что такое! отвѣтствовала Анезина: развѣ вы не можете быть съ нами, и возвратить употребленіе вашего разума? Въ какое впали вы ослѣпленіе? разсмотрите, когда бы я и небыла нечювствительна, то сколь бы мало имѣли вы надѣяться, и коликія бы напасти привлекла любовь на обѣихъ насъ. Наибольшее несчастіе могущее приключиться вамъ, было бы болшіе успѣхи ваши въ сердцѣ моемъ. Горячность

бы моя была послѣдована вашею потерею. Со всемъ темъ, не смотря на огорченіе, которое причиняетъ мнѣ изъясненіе ваше, я немогу не жалѣть объ васъ. Преодолѣвайте себя. Не убѣгайте мѣстъ сихъ. Исцѣляйтеся естьли возможно; когда же въ томъ себѣ не поможете, то будьте впредь воздержнѣе, и сохраняйте вѣчное молчаніе.

Я не могу инако послушать васъ, отвѣтствовалъ я, какъ убѣгать очейвашихъ. Сейтолькоодинъостался для меня способъ, къ сохраненію молчанія. Покамѣстъ я буду съ вами, и буду зрѣть сіи плѣняющія глаза, невозможно мнѣ будетъ преодолѣть себя. Терзаемъ за всегда скрытно, могуль я не искать нѣкотораго облегченія въ жалобахъ? Онѣ мнѣ запрещены, и свирѣпая должность принуждаетъ меня молчать; такъ лучше стану я убѣгать васъ: сокроюся далеко отъ того, что для меня всево дороже. Впротчемъ, не бойтеся, чтобъ тщетное мученіе открыло ту

тайну, которую я отъ всей вселенной скрывать хочю. Смерть, окончивъ мои страданія, предастъ вскорѣ любовь мою вѣчному забвѣнію.

Нѣтъ вы не убѣжите, говорила мнѣ съ нѣжностію Анезина: я не могу на то согласиться. Естьли вы меня любите, останьтесь: я вамъ сіе приказываю; но не толкуйте въ пользу вашу того, чего я теперь отъ васъ требую; Однакожъ, пусть, думайте о себѣ что вы мнѣ непротивны, лишъ только сихъ мѣстъ не покидайте. Я хотѣлъ отвѣчать Анезинѣ; но она, покинувъ меня, для скрытія своего смущенія, до того не допустила, и я понялъ о себѣ, что былъ меньше несчастливъ, нежели думалъ. Послѣднія Анезинины слова, возвратили спокойствіе сердцу моему: и я почювствовалъ гораздо болѣе надежды къ полученію взаимной отплаты. Не помышляя о послушаніи къ любовницѣ моей, и о скрываній чювствъ моихъ, я не терялъ ни одного случая ко изъявленію ей знаковъ наиживѣйшей горячно-

горячности. она нечювствительно привыкла къ моему обхожденію; и слушала безъ труда самые нѣжнѣйшіе разговоры. она на нихъ не отвѣчала; однако и того много было, что и терпѣла ихъ. Я примѣчалъ иногда, что она при всей своей осторожности, ими тронута быть казалася. Вздохъ, взоръ, невольная ухватка, сказывали мнѣ все то, что она смолчать хотѣла. Когда она старалася скрывать любовь свою, тогда оная показывалась; и безпрестанно измѣняла она сама себя.

Наконецъ, пришла счастливая минута, въ которую я долженъ былъ слышать изъ устъ Анезины, сердечныя ея чювствія. Я вижу, говорилъ я ей нѣкогда, что надлежитъ мнѣ, несмотря на ваше повелѣніе, оставить сіи мѣста. Я терплю въ нихъ мученія, которыхъ ничто успокоить не можетъ. боль моя ежеминутно умножается. Терзаюсь сокрушеніемъ, что не могу вамъ понравиться: преданъ въ добычу отчаянію, которое

торое внушаетъ мнѣ положенное судьбиной между нами различїе; со всемъ тѣмъ ежедневно болѣе влюбляюся: я не могу надѣяться инако помочь себѣ, какъ только убѣгая отъ глазъ меня заразившихъ. Я знаю, что отсутствїе не исцѣлитъ любьви моей; однако, можетъ быть, поможетъ оно мнѣ возвратить разсудокъ мой. Сильныя восхищенїя, коими я безпрестанно терзаюся, преобратятся въ печальныя и унылыя движенїя. Въ отдаленїи моемъ, я буду столько же влюбленъ; но нестолько отчаянїю подверженъ. Вашъ видъ питаетъ печаль мою. Мнѣ кажется, что очи ваши, упрекаютъ мнѣ безпрестанно мое состоянїе, осуждаютъ смѣлость мою, и винятъ меня, для чего я не въ столь блистающемъ рожденъ достоинствѣ, чтобъ мнѣ дозволено было законно горѣть, для нихъ. Такъ лучше освобожу я себя отъ стыда, которой по всякъ часъ меня отягощаетъ: а хотя я и не долженъ стыдиться непосто-

стоянствѣ и превратностей фортуны; однако я тѣмъ не меньше нещастливъ, когда слѣдствія оной столь для меня плачевны.

Анезина хранила молчаніе, которое устрашало меня, чтобъ она не согласилася на отъѣздъ мой, Я уже раскаявался о доведеніи ея до того, чтобъ она между мною и славою своей предѣлъ избирала; Однако, любовь одержала побѣду. Послушайте, Піетроваль, говорила она мнѣ, я теперь открою вамъ тайну, которая можетъ быть успокоитъ ваше неудовольствіе; но не надѣйтеся имѣть изъ того болѣе сей единой прибыли; и по моей искренности, узнавайте теперь обо мнѣ. Я васъ люблю. Вы уже давно мнѣ дороги. Я хотѣла передъ вами то скрывать: думала, что слава моя, достоинство, природа, и ваша собственная польза, повелѣвали мнѣ утушать столь неравной огонь; однако сколько я ни усиливалася, любовь напослѣдокъ унесла равновѣсіе; и мнѣ неможно было согласиться на отъѣздъ вашъ: не помыш-

помышляя о изгнанiи вашемъ, приказывала напротивъ того чтобъ вы здѣсь осталися. Я знаю всю мою слабость. Не ищу оправдать ее, и для успокойствiя вашего смущенiя, дѣлаю болше нежели могу, признаваяся, что люблю васъ; но кромѣ сего открытiя болѣе ничего имѣть не надѣйтеся. Подумайте, мы были бы очень безразсудительны, когдабъ воображать стали, чтобъ отецъ мой, коли нибудь могъ согласиться на бракъ могущей ево обезславить. И такъ, вы знаете то, что почтенiе и благопристойность отъ васъ требуютъ. о откровенности моей, воспоминайте только для того, чтобъ оплакивать мою и вашу судьбину. будучи оба жертвою, нашей природѣ и состоянiю, неимѣемъ инаго утѣшенiя, кромѣ безпрестаннаго стѣнанiя о нашемъ нещастiи. Естли сiе можетъ успокоить ваше отчаянiе, то я соглашаюсь жалѣть объ васъ, а естьли же любовь ваша требуетъ больше; то поѣжжайте Пiетроваль; удаляй-

удаляйтеся отъ меня; какогобъ сожалѣнія вѣчная сія разлука мнѣ ни стоила; однако честь моя, разсудокъ, и должность, снабдятъ меня вспоможеніемъ, и соберутъ можетъ быть часть тишины моей. Нѣтъ, говорилъ я, Анезина, бросившись къ колѣнямъ ея! счастіе мое очень велико, чтобъ я отъ васъ удалиться могъ. И клянусь вамъ любовію вашей, которая мнѣ дороже всево на свѣтѣ, что буду сохранять столь совершенное почтеніе, чтовы никогда, о любезнѣйшей для меня вашей откровенности, раскаяваться не будете. Держитесь же своего обѣщанія, отвѣчала съ нѣжностію Анезина; и вспомните, что мы уже довольно виноваты оба, когда не умели погрузить любовь нашу въ молчаніи.

Съ сего счастливаго дня, я видѣлъ всякой день мою прекрасную любовницу: воздыхалъ возлѣ нее: она вздохи мои обратно мнѣ отплачивала, и мы другъ друга утѣшали взаимно. Хотя любовь наша

ша была и злополучна, однакожъ тѣмъ въ нѣжности не убывала: мы позабывали иногда и несчастія наши: пріятность быть вмѣстѣ, и вольность сожалѣть другъ о другѣ, подавали намъ наслаждаться счастливыми минутами: Вы меня любите, говорилъ я Анезинѣ, каковъ бы впротчемъ рокъ мой бѣденъ ни былъ; уже онъ не несчастливъ. Всѣ мои муки, все страданія, однѣмъ изъ устъ вашихъ словомъ облегчаются; а когда терзаетъ меня отчаяніе внушающее мнѣ разность вашего съ моимъ состоянія; то, едва лишь увижу васъ, услышу пріятной разговоръ, и то что вы меня любите, считаю уже себя по верьхъ благополучія: тишина наслѣдуетъ тогда смущенію: сердце мое, тронутое единственно предстоящимъ ласкающимъ удовольствіемъ, забываетъ на время плачевное предшествіе, ему сопротивляющееся. Я могу, говорила мнѣ Анезина, нѣсколько обнадежить васъ въ ономъ предшествующемъ; а естьли

ли мнѣ не можно будетъ быть вашею, то по крайней мѣрѣ увѣряю васъ, что ни кому другому принадлежать не буду. Выборъ того, которому надлежитъ мнѣ дать руку мою, хотя и не отъ меня зависитъ; однако, я вольна отказать ее всемъ тѣмъ, кои бы могли имѣть право оную требовать. Я не стою, отвѣчалъ я, столь великаго счастія. Какъ! прекрасная Анезина, Вы хотите быть жертвою странствующему, потерять благополучное состояніе для несчастнаго Піетроваля! Я недостоинъ такому жертвованію. Милосердіе ваше уже и такъ очень много для меня здѣлало. Лучше погибнуть несчастному, нежели зависѣть отъ него вашему благополучію. Я знаю, чтобъ я ту же минуту умеръ, въ которую увидѣлъ бы счастливаго совмѣстника владѣющаго всѣмъ тѣмъ что мнѣ предпочитать осталось; однакожъ, не смотря на то я ожидаю онаго несчастія. Я знаю, что вы зависите отъ отца, что воля его должна

имѣть надъ вами полную власть, и что вы назначены быть супругою какому нибудь человѣку, въ достоинствѣ несравненно меня превосходящему. Такъ разсудилъ я; лучше погибнуть мнѣ, а вамъ остаться счастливою. Вы меня мало знаете, отвѣтствовала Анезина: монастырь, есть для меня хорошей способъ къ сохраненїю воли моей. Не могши быть вашею, не буду принадлежать другому. Да чтожъ! Пїетроваль, развѣ вы почитаете меня меньше великодушною нежели себя? могли ли вы подумать, чтобъ, открывъ вамъ любовь мою, была я въ состоянїи повиноваться другой любьви, возпалить новой огонь, и принесть супругу моему сердце наполненное вами? нѣтъ, Пїетроваль, я никогда не причиню вамъ мученїя, видѣть меня въ объятїяхъ другаго; а естьли непремѣнно захотятъ дать мнѣ супруга, то въ такомъ случаѣ намѣрена я здѣлаться старицею.

Сїи Анезинины мысли, имѣли нѣчто столь страстное и нѣжное, что, когда бы я и не столько былъ влюбленъ, какъ въ самомъ дѣлѣ, то причинили бы онѣ мнѣ наичувствительнѣйшую благодарность. Прекрасная моя любительница оказывала мнѣ всякой день новые знаки своея горячности, которые тѣмъ больше меня плѣняли, что были смѣшены съ искренностью, милосердїемъ и добродѣтелью. Я удвоивалъ съ моей стороны услуги мои: не пропускалъ ни малѣйшей вещи, которая могла служить къ оказанїю ей сколь много была она начертанна на сердцѣ моемъ. однимъ словомъ, я ничего не забывалъ къ заслуженїю любьви отъ прекрасной Анезины: между тѣмъ старался я скрывать оныя мои поступки. Клара, сестра Анезинина, сколько ни примѣчала мои дѣйствїя: однако, не могла проникнуть того что въ сердцѣ моемъ происходило; чего и я съ моей стороны въ ее не примѣтилъ.

Я обходился съ нею, въ разсужденіи даннаго мнѣ отъ нее самой дозволенія, весьма просто. Я шалилъ, шутилъ иногда; но немогъ воображать, чтобъ учтивости Кларины могли имѣть какое нибудь соотвѣтствіе съ любовію. Я остался еще нѣсколько времяни въ семъ неведеніи, которое напослѣдокъ въ Мадритѣ мнѣ открылось.

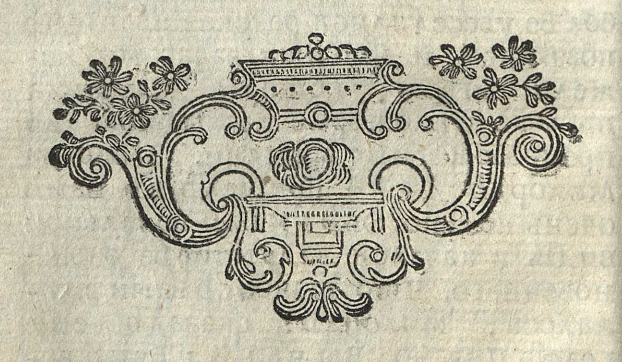
Графъ Пизано поѣхалъ со всѣю своею фамиліею поселиться въ оной городъ; по той причинѣ, что Королева Гишпанская, спустя мало времяни послѣ вступленія своего въ супружество, склонили его оставить Италію. Графъ природою былъ подданной сея принцессы. Онъ надѣялся получить, ее ходатайствомъ, великое счастіе при дворѣ Мадритскомъ, чего ради и не замѣшкался въ своемъ отъѣздѣ; и мы всѣ взяли дорогу къ Женевѣ, отъ туда пріѣхали въ Марсель, гдѣ пробыли нѣсколько дней, за приуготовленіемъ колясокъ, которые были намъ нужны для переѣзду Франціи и Гишпаніи.

Путешествіе, подавало мнѣ случай говорить съ Анезиною гораздо волняе: и мало было дней, гдѣбъ я не имѣлъ съ нею какихъ нибудь особливыхъ разговоровъ, которыхъ содержаніе, состояло единственно изъ увѣренія о вѣчной другъ къ другу любьви. Я признался Анезинѣ о природѣ моей: она знала что я былъ плодъ сокровенной страсти Графа де ла Валле; и считала меня вѣчною жертвою любьви, которая причиняя мнѣ несчастія, не произвела меня отъ знатной крови только для того, чтобъ мучился я, неимѣя способа прославиться ею. Любительница моя жалела о моей судьбинѣ. Она тѣмъ, не менее меня любила; но на противъ того, несчастія мои умножили ея горячность. Она почитала себя принужденною любить меня, и изъ жалости, и изъ благодарности. Во время, какъ были мы въ Марселлѣ, случилось одно приключеніе, которое пріобрѣло мнѣ новѣйшіе знаки

знаки любьви Анезининой, и заставило нѣчто подозрѣвать о горячности сестры ея.

Мы жили въ преогромномъ домѣ называемомъ ла розъ, въ которомъ стояли такожъ нѣкоторые Аглинскіе Лорды: они, употребляемою между путешествующими вольностію, свели скоро знакомство съ графомъ Пизано: послѣ обѣда прихаживали въ его горницу играть съ Кларою и Анезиною въ Кадриль. Я обыкновенно при оныхъ бесѣдахъ находился, гдѣ болѣе увеселялися разсказываніемъ повѣстей, и другими забавами, нежели игрою, которая служила только нѣкоторою перемѣною въ препровожденіи времяни. Нѣкогда Милордъ Д*** пришелъ къ намъ очень поздно. Онъ имѣлъ печальной видъ; и казался задумчивѣе обыкновеннаго. Что такое съ вами здѣлалось, Милордъ? сказалъ ему графъ Пизано. Вы нынѣ нѣчто невеселы. Не обеспокоилисъ ли вы? Я, отвѣтствовалъ онъ, слышалъ теперь наиужаснѣйшую исторію, и

и видѣлъ наиплачевнѣйшее приключенїе, какое только сильная страсть причинить можетъ. Мнѣ трудно было вѣрить тому, что мнѣ разсказывали; но я самъ былъ потомъ самовидцемъ, и когда я разскажу вамъ притчину печали моей, то послѣ можете вы сами испытать очевидно справедливость рѣчей моихъ.



ИСТО-

ИСТОРІЯ

о

ДѢВИЦѢ

Д' АРТО

Я Обѣдалъ сего дня у одного здѣшняго купца, съ однимъ, изъ друзей моихъ, Агличаниномъ. Мы были нѣсколько уже времяни за столомъ, какъ вдругъ услышали превеликой шумъ на улицѣ, и ужасной крикъ въ сосѣднемъ домѣ. Пригласившей меня къ себѣ купецъ, имѣя любопытство извѣдать о таковомъ шумѣ, увѣдомился, что дочь его сосѣда закололася, и что возлѣ нея нашли мертваго молодаго человѣка, которой, по видимому, такимъ же образомъ лишился жизни. Купецъ, удивляяся весьма сей вѣдомости, просилъ у меня дозволенія отлучиться на нѣсколько времяни, и побѣжалъ къ своему сосѣду: полчаса спустя,

пришелъ онъ отъ туда, проливая горькія слезы, и вздохами напрягая сердце. Я видѣлъ теперь, говорилъ онъ мнѣ, наижалостнѣйшее позорище, какое только въ свѣтѣ приключиться можетъ: то что сказывали, въ самомъ дѣлѣ есть правда. Единородная, однаго изъ друзей моихъ дочь, закололася, и любовникъ ее тому же послѣдовалъ. Услышавъ я сіе, былъ столь побужденъ любопытствомъ, что несмотря на отягощеніе, въ которомъ купецъ находился, просилъ ево, чтобъ онъ далъ мнѣ знать о особливостяхъ такого бѣдственнаго приключенія. Я тотчасъ, говорилъ онъ, покажу вамъ сколь опасно угнѣтать любовную склонность дѣтей, и сколь долженъ отецъ остерегаться, чтобъ не доводить ихъ до крайности.

Сія молодая дѣвушка, которой жизнь теперь лишъ увяла, называлася д' Арто. Отецъ ея почитается однимъ изъ богатыхъ купцовъ въ городѣ. Онъ издавна прочилъ ее въ супруги одному мо-

лодому человѣку; по правдѣ сказать богачю; но только безобразному, и преисполненному дурнымъ нравомъ. Молодая д' Арто имѣла къ нему непобѣдимое отвращенїе; больше же оное умножалося тѣмъ, что чювствовала она любовь къ одному молодому человѣку, именемъ Сентре, которой былъ весьма пригожъ, тихъ, и учтивъ. Онъ былъ любимъ всемъ городомъ. Всякой бы желалъ, чтобъ онъ былъ счастливъ. Всѣ родственники дѣвицы д' Арто, старались склонить отца ея на возстановленїе дочернина благополучїя; однакожъ онъ, будучи ослеплѣнъ великимъ богатствомъ, которое имѣлъ назначенной имъ для дочери супругъ, не могъ ни чемъ убѣжденъ быть къ перемѣнѣ своего намѣренїя. Сентре, видя, что неимѣетъ надежды смяхчить отца любовницы своей, вознамѣрился принудить его силою къ согласїю на взаимно-желаемой ими бракъ.

Онъ думалъ, похищенїемъ у него дочери получить напослѣдокъ ево согласїе. девица д' Арто отдалася намѣ-

намѣренїю своего любовника; и уже около мѣсяца, какъ онѣ взявъ всѣ къ побѣгу своему мѣры, полагали уйтить въ Авинїонъ; однако, за два часа передъ ихъ отъѣздомъ, были онѣ измѣнены однимъ слугою, котораго избрали быть своимъ повѣренньмъ. Онъ отдалъ отцу письмо писанное Сентреемъ къ своей любительницѣ, гдѣ было написано, что въ десять часовъ вечера, будетъ онъ у воротъ жилища ея, чтобъ она вышла только на улицу, гдѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, стоитъ готовая почтовая коляска. Сїи мѣры были очень надежны. Отецъ обыкновенно ложился спать рано. Любовники, могли бы ѣхать во всю ночь безъ опасности, и прїѣхали бы въ Авинїонъ прежде нежели узнали о ихъ побѣге.

Лишъ только господинъ д'Арто увѣдалъ о намѣренїи дочери своей, то заперъ ея самъ въ свою горницу, и взялъ всѣ нужныя предосторожности, чтобъ она не могла украсться; такъ что Сентре,

тре, прїѣхавъ въ десять часовъ къ воротамъ своей любительницы, нашелъ оныя заперты и заколочены. Дожидаяся нѣсколько времяни понапрасну, понялъ онъ что вымыселъ его конечно открылся, и будучи въ превеликомъ отчаянїи о неудаче своей, возвратился домой.

На завтрее сего приключенїя, господинъ д' Арто, котораго я завсегда былъ другомъ, прислалъ позвать меня къ себѣ. Онъ мнѣ разсказалъ все то, что на канунѣ произходило. Казалось, что предвидѣлъ я тогда сбытїе сего позорища. Для чего, говорилъ я ему, сопротивляетесь вы благополучїю вашей дочери? будетъ ли она тѣмъ щастливее, что немного богатѣе здѣлается? такого ли мужа вы ей дать хотите, къ которому имѣетъ она только ненависть и пренебреженїе. Сердце ее предупреждено уже въ пользу другой, отъ всѣхъ почитаемой и хвалимой, особы. будьте тронуты ихъ прозьбами. Подъ видомъ, почитаемаго

вами

вами для нее счастїя, не ввергните ее въ вѣчное злополучїе. Вить не болшїя богатства дѣлають жизнь счастливою; но согласїе и тишина сердецъ. Все что я ни говорилъ другу моему было безполезно. Намѣренїе мое уже основано, сказалъ онъ мнѣ. Надобно, чтобъ дочь моя мнѣ повиновалася. Посмотри, продолжалъ онъ, въ какихъ словахъ любитель ея, говоритъ обо мнѣ. Онъ далъ мнѣ то письмо, которое измѣнившей слуга ему вручилъ. Вотъ содержанїе онаго.

ПИСЬМО

Любезная д' Арто, притекла уже минута къ нашему освобожденїю. Станемъ ею пользоваться, и убѣжимъ утѣсняющаго насъ тирана. Онъ твой отецъ: когда нибудь будетъ и мой; однакожъ, чтобъ онъ справедливо имъ назывался, и имѣлъ бы надлежащую къ тому горячность, то надобно принудить его насильно къ уничтоженїю предпринятаго имъ намѣренїя о предачи

данiи васъ въ руки недостойнаго моего совмѣстника. Вы ни мало не должны сокрушаться о оставленiи фамилiи вашей. Вы послѣдуете за вашимъ супругомъ. Я могу имъ называться прекрасная д' Арто, когда, при призыванiи Неба въ свидѣтели, обѣщали вы мнѣ и руку вашу и сердце. вамъ не можно нарушить слова своего безъ нарушенiя своей клятвы. И такъ считаю я, что пустыя важности не заставятъ васъ перемѣнить своего намѣренiя, и что въ десять часовъ вечера вы будете у воротъ вашихъ. Все нужное къ отъѣзду запасено; и опасаться нечего. Желанiя мои поспѣшаютъ къ той счастливой минутѣ, въ которую, возмогу я быть законно совокупленъ съ вами на вѣки; теперь же каждая минута кажется мнѣ вѣкомъ, будучи отдаленъ отъ того, что я люблю сто разъ больше нежели себя,

Видите ли вы, говорилъ я другу моему, по прочтенiи сего письма, что вы несправедливо сопротивляетесь

етесь желаніямъ вашей дочери. Честь, законъ, и все подобное сему утверждаютъ, чтобъ ей не имѣть такого мужа, котораго она любить не можетъ. Вѣрте мнѣ, не принуждайте ее впасть въ прегрѣшеніе приношеніемъ предъ олтаремъ тщетной клятвы. Вы будете отвѣтствовать за дурныя поступки, въ которые она вдаться можетъ. Стараніе мое, чтобъ смягчить моего друга, было напрасно, онъ былъ непоколебимъ: приказалъ дочери своей готовиться къ принятію назначеннаго ей супруга. Слезы ея и стенанія не дѣйствителнѣе были моей прозьбы. она могла испросить у него только то, чтобъ онъ отложилъ на мѣсяцъ сіе бракосочетаніе. Но еще просила она дозволенія повидаться и поговорить съ Сентреемъ, приписывая оное послѣдней его милости. Для приведенія отца своего къ согласію на сіе свиданіе, обѣщала она ему уговорить Сентрея, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Марсельи, и чтобъ ей не терзаться

тся болѣе его присутствїемъ, которое можетъ препятствовать ко исполненїю даваемаго ею слова состоящаго въ забытїи навсегда любовника своего.

Отецъ согласился на прозьбу ее съ великимъ трудомъ. Она, дней пять или шесть назадъ, видѣла любовника своего у одной изъ своихъ сродственницъ, которую просили быть свидѣтелемъ сего разставанїя. д' Арто, въ самомъ дѣлѣ сдержала свое обѣщанїе. Сентре, говорила она ему, намъ надобно навсегда разстаться: отецъ мой сїе приказываетъ; и я должна слушать. Я надѣюсь, что впредь вы будете убѣгать меня; а естьли мнѣ васъ видѣть, то чувствую, что несмотря на предпринятое мною намѣренїе, сердце мое не возможетъ сопротивляться тому, чтобъ не искать предмѣта, которой мнѣ столь дорогъ. Напослѣдокъ просила она любовника своего удалиться; и давъ ему руку, Сентре, говорила она, воспомните что я уступаю правамъ, которыя прину-

нуждаютЪ меня сверьхЪ воли моей васЪ покинуть.

ПослѢ прошло нѣсколько дней безЪ всякой новости. ДругЪ мой похвалялся тѣмЪ, что возмогЪ нарушить столь противное для него обстоятельство и привелЪ дочь свою вЪ послушанїе. Ужé прїуготовляли брачные для дѣвицы д' Арто одежды, и не помышляли болѣе о СентрѢ, считая его удаленнымЪ отЪ Марсельи, какЪ онЪ сего утра нашелЪ случай войтить вЪ домЪ своея любительницы, перерядясь вЪ женское платье. ОнЪ вошелЪ вЪ ту горницу, гдѢ она находилась; и нашедЪ ее одну, я пришелЪ говорилЪ онЪ ей, исполнить повелѢнїе, которое вы мнѢ дали. Я узнаю тебя, сказала ему дѣвица д' Арто. МнѢ должно Сентре тебѢ признаться, что я подозрѢвала твою вѢрность. Я боялася, чтобЪ ты не испужался смерти, и не оставилЪ бы изображеннаго вЪ моемЪ кЪ тебѢ письмѢ предпрїятїя. Я оставилЪ исполненїе онаго, отвѢчалЪ Сентре, только для того,

чтобъ спасти жизнь вашу. Я не могу терпѣть, чтобъ вы умерли; и прошу не думать, чтобъ я боясь смерти моей не хотѣлъ зрѣть васъ умершею въ рукахъ моихъ. Какъ! отвѣтствовала дѣвица д' Арто, ты хочешь, чтобъ я была жертвою немилосердаго отца, и женою чудовища, котораго ненавижу. Очень изрядно, когда ты мнѣ не принесъ той помощи, о которой просила я тебя чрезъ врученное сродственницѣ моей письмо, то имѣю я другую противъ твоей слабости предосторожность; и вмѣсто яда, желѣзо не допуститъ меня впасть въ руки твоего совмѣстника. По сихъ словахъ, схватила она нарочно схороненной въ ящикѣ кинжалъ, и не давъ времяни любовнику своему помѣшать себѣ, пронзила имъ свое сердце. Лишъ только Сентре увидѣлъ текущую изъ его любовницы кровь, то бросился на кинжалъ, и закололся такимъ же образомъ. Нѣкто вошедъ въ горницу дѣвицы д' Арто, нашелъ ее

умирающую, а любовника уже умершаго у ногъ ея, которой, хотя и въ женскомъ былъ платье; однакожъ, скоро сталъ узнанъ.

На испускаемой, вшедшимъ въ горницу человѣкомъ, ужасной крикъ, прибѣжалъ мой другъ со многими изъ своихъ сосѣдей. Я пришелъ спустя нѣсколько времяни послѣ него, и слышалъ послѣднія слова сей несчастной любительницы. Любезный родитель, говорила она ему, я не упрекаю вамъ ваше безчеловѣчіе. Оно похитило у меня и жизнь и любовника моего; однакожъ, я отъ васъ зависѣла: вы имѣли судьбину мою въ рукахъ вашихъ. Клянуся вамъ, что я была бы послушною вашимъ повелѣніямъ, естьли бы добродѣтель моя могла безъ трепѣту зрѣть меня соединенною съ такимъ человѣкомъ, котораго я смертельно ненавидѣла. Рано ли иль поздно, я покорилася бы, влекущей меня къ любовнику моему, страсти. Онъ очень много любилъ меня, чтобъ мнѣ возможно было имѣть

имѣть безчеловѣчіе его ненавидѣть. Вотъ! смерть его являетъ ужѐ съ лишкомъ чрезвычайность его горячности. Это я, которая ввела его во гробъ. Я, которая желала съ нимъ видѣться только для того; чтобъ онъ могъ напоить меня ядомъ. Не помышляя послушать меня, онъ приходилъ ко мнѣ нынѣ, совѣтуя, чтобъ я осталася живою и позабыла его. Онъ умретъ, говорилъ онъ, довольнымъ, лишъ бы я жила благополучно. Прости, дражайшей любовникъ, свирѣпость злополучной нашей судьбины. Ты умеръ; и я причиною твоей смерти. Немилосердой рокъ восхотѣлъ, чтобъ я, для познанія всей твоей любьви, пережила тебя. Ты прежде скончалъ дни свои; а я напротивъ того, торопяся разстаться съ жизнію моей чтобъ не быть свидѣтелемъ твоей смерти, терплю еще и теперь мученія, на тебя взирая.

Сіи, умирающей д'Арто, разговоры, извлекали слезы у всѣхъ тѣхъ, кои ихъ слушали. Между

леблюся въ предпрїятїи моемъ. Ты имѣешь много горячности къ осужденїю меня, но много и нѣжности, чтобъ не подать мнѣ способа убѣжать отъ рукъ недостойнаго твоего совмѣстника. Естьли въ восемь или десять дней, я не получу отъ тебя ни какого извѣстїя, то буду искать надежнѣйшаго вспоможенїя въ другомъ мѣстѣ. Мнѣ нѣтъ нужды упоминать здѣсь, сколько я тебя люблю. Предпрїятїе мое довольно то тебѣ показываетъ.

Купецъ, продолжалъ милордъ Д***, по прочтенїи сего письма, началъ проливать горкїя слезы, и я не могъ воспрепятствовать себѣ, чтобъ не плакать съ нимъ вмѣстѣ. Мнѣ хотѣлося также пойтить посмотрѣть тѣла сихъ несчастныхъ любовниковъ. Я просилъ его, чтобъ онъ повелъ меня въ домъ, гдѣ плачевное сїе позорище приключилось, и изъ котораго, отца сей молодой дѣвицы обремененнаго печалїю, уже вывели, и отвели къ одному изъ его друзей. Я вошелъ въ

горницу

горницу гдѣ были тѣла сихъ двухъ любовниковъ; и видѣлъ обѣихъ ихъ положенныхъ на одной постѣлѣ, смертельномъ и плачевномъ гробѣ ихъ любви. Сїе позорище вкоренилося въ меня столь крѣпко, что трудно мнѣ истребить его изъ мыслей. безпрестанно кажется мнѣ видѣть сихъ любовниковъ, и близко трехъ часовъ представлялъ я ихъ безъ перемѣшки моимъ мыслямъ.

Всѣ бесѣдующїя удивились, слыша столь ужасную исторїю. Каждой дѣлалъ многїе вопросы Лорду. иные почитали еще происхожденїе сїе невозможнымъ, несмотря что Лордъ былъ тому свидѣтелемъ: и во все время, покамѣстъ бесѣда не нарушилась, ни очемъ болѣе не говорили какъ только о приключенїи сихъ двухъ любовниковъ.

Послѣ какъ мы одни осталися: Анезина, Клара сестра ее, и я. Что вы думаете, говорила мнѣ моя любительница, о судьбинѣ сихъ несчастныхъ? посмотрите на страсти утѣсняемыя властїю родителей

телей, какихъ напастей онѣ не причиняютъ. Ето правда, говорилъ я, что милордъ разсказалъ намъ преужасную исторію; однакожъ, сердце сея любительницы, было болѣе наполнено бѣшенствомъ и лютостію, нежели справедливою горячностію. Не должно никогда быть потерею того, что любятъ. Совершенная любовь, заставляетъ предпочитать счастіе любимаго предмѣта своему собственному. Сентре долженъ былъ извѣстить фамилію своей любовницы о ея намѣреніи. Ему надлежало, не только убѣгать ее; но и увѣрять о себѣ, что онъ былъ невѣренъ, хотя то и неправда; и тѣмъ подать ей способъ, чтобъ она въ упреки учинила то, чего не могла совершить разсудкомъ и отцовскою волѣю. Никогда не дозволяется любовнику быть невѣрнымъ; однакожъ, притворяться быть таковымъ ему дозволено, когда жизнь того, что онъ любитъ, зависитъ отъ его притворства. Я съ вами согласна, отвѣчала Анезина: да еще и больше заключаю

ключаю; и держу, что совершенная слава, честь, и разсужденіе, долженствовали воздерживать дѣвицу д' Арто. Я ее совсемъ опорочиваю; и чювствую, что, естьли бы я могла любить, то не восхотѣла бы, посредствомъ столь ужаснаго грѣха, избавиться отъ супружества съ совмѣстникомъ моего любовника. Ты говоришь сестрица, сказала Клара, не зная любьви. Естьли бы ты почювствовала страсть сію, тобъ можетъ быть тогда удивлялася меньше жестокой части, которую, осужденная тобой любовница, предпріяла. Для меня, продолжала Клара, которой любовь столько же неизвѣстна, какъ и тебѣ: будучи доселѣ свободна, я не знала ни одного изъ сихъ несчастій, коихъ поставляютъ быть столь опасными; однако чювствую, что, естьли бы я любила, тобъ не было ничего, на чтобъ я не дерзнула, для показанія моей вѣрности и постоянства. Нѣжной взглядъ, которой Клара бросила на меня по проговореніи сихъ

послѣднихъ словъ, и нѣкоторые другїя неограниченныя разговоры, кои слыхивалъ я отъ нее съ тѣхъ поръ, какъ живу въ Марсельѣ, подали мнѣ причину подозрѣвать сердце ее. Я сказалъ о томъ Анезинѣ. Она мнѣ призналася, что имѣла одно со мною помышленїе. Надлежитъ говорила она, намъ скрываться отъ нее. это весьма сердитой и ко отмщенїю склонной нравъ. Естьли она имѣетъ къ вамъ склонность, и подумаетъ, что вы меня любите, то нѣтъ такой крайности, до которой бы она себя не допустила. Она будетъ перьвая къ произведенїю подозрѣнїя во умѣ отца моего, и не будетъ тужить о погибѣли нашей, лишъ бы только удалось ей получить отмщенїе. Естьли это правда, что сердце ее тронуто, то берегитесь любопытныхъ ея взоровъ. Любовь дѣлаетъ проницательнымъ; и любовница видитъ много такихъ поступковъ, которые отъ другихъ глазъ сокровенны. Вы видите, что я не замѣшкала узнать слабость сестры моей. Она

равнымъ

равнымъ образомъ столь же хорошія имѣетъ глаза, какъ и я; и мы пропали, естьли она узнаетъ наши мысли.

То, что говорила мнѣ Анезина, заставило меня удвоить мои предосторожности. Я притворялся имѣть болѣе преданности къ сестрѣ ея нежели къ ней самой. Разговаривалъ съ любовницею моей съ воздержнымъ и важнымъ видомъ; и велъ себя такъ хорошо, что Клара со всемъ не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія на любовь мою. Мнѣ козалося наконецъ, что я обманывался, какъ подозрѣвалъ ее въ любовномъ ко мнѣ чювствованій. Она пропускала цѣлые дни не говоря со мною; и обходилася столь вольнымъ и обычайнымъ образомъ, что показалося мнѣ, будто бы я, нѣкоторые учтивости, и ласки, принималъ за знаки горячности. Намъ нечего бояться Клары, сказалъ я сестрѣ ея; и вы обманулися также какъ и я. Я могу теперь клясться, что мы имѣли пустой, и неосновательной страхъ.

Я этого желаю, сказала мнѣ Анезина; однакожъ, не увѣряйтеся въ томъ. Я знаю сестру мою лучше нежели вы. Она вѣдаетъ, хотя и молода, искуство скрывать мысли: и можетъ быть оныя холодности есть слѣдствія любви ея. Сердце у нее, не такое какъ у меня притворства и лукавства не знающее. Остерегайтеся попасться въ сіи сѣти. Можетъ быть, что уже она и подозрѣваетъ, что нибудь. И такъ, справедлива ль или нѣтъ ея несклонность, но вы себя завсегда скрывайте, и не здѣлайтеся сами виною какъ вашего такъ и моего несчастія. Совѣтъ Анезининъ служилъ мнѣ много: я не ввѣрялся любопытнымъ взорамъ Клары; и предтекущее время показало, сколь хорошо были основаны подозрѣнія Анезинины.

Графъ Пизано, пріуготовя все то, что было ему надобно, и коляски, для дороги нашей, будучи уже готовы, поѣхали мы въ Мадритъ. Переѣхавъ Провансъ и Лангедокъ, пріѣхали, спустя пятнатцать

натцать дней послѣ нашего отъѣзду изъ Марсельи, въ Каталонїю. Мы пробыли нѣсколько дней въ Барцелонѣ: потомъ продолжали путь нашъ; и послѣ многихъ хлопотъ и трудностей, которыя претерпѣли мы на Барцелонской до Мадрита дорогѣ, гдѣ очень часто недоставало у насъ всѣхъ надобностей, прїѣхали наконецъ въ сей столичной Гишпанїи городъ. Графъ Пизано, за нѣсколько дней передъ своимъ приѣздомъ, послалъ туда одного изъ своихъ служителей, для нанятїя дому; въ которомъ мы, при перьвомъ дни прїѣзда нашего въ Мадритъ, расположилися столько же покойно какъ и въ Пармѣ.

На завтрее нашего прибытїя, графъ Пизано поѣхалъ поклониться Королевѣ. Она приняла его очень милостиво: обнадежила, что онъ не будетъ раскаяваться о оставленїи Италїи, ктому же соизволила спрашивать о состоянїи его фамилїи, и приказала ему показать себѣ двухъ дочерей своихъ. Сей день, былъ перьвымъ въ которой начались

мои несчастія: и минута, вЪ которую Анезина ко двору пріѢхала, была источникомЪ кЪ произведенію сего сопряженія злополучій, кои претерпѢвалЪ я сряду четыре года, и коихЪ наконецЪ счастливая судьбина со всемЪ меня избавила, во время когда я наименьше тому быть надѢялся.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ



СЧАСТЛИ-

СЧАСТЛИВОЙ ФЛОРЕНТИНЕЦЪ,

ИЛИ

ЖИЗНЬ ГРАФА ПІЕТРО ДЕ ЛА ВАЛЛЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Графъ Пизано, не преминулъ пріуготовиться къ послушанію королевы. Онъ далъ знать дочерямъ своимъ, что сія принцесса дѣлаетъ имъ честь, соизволяя ихъ видѣть, и приказалъ имъ на завтрее, для отданія ей поклона, быть готовымъ. По предчувствованію моего несчастія, услыша вѣсть сію, почувствовалъ я

тайное оскорбленїе. Я не могЪ проникнуть причины онаго; однако тѢмЪ не менѢе былЪ печаленЪ. Вы поѢдете ко двору, говорилЪ я АнезинѢ. Несчастной Пїетроваль можетЪ ли осмѢлиться ласкать себя, что напоминовенїе обЪ немЪ послѢдуетЪ за вами вЪ столь прекрасное мѢсто? не сїя ли только, сказала она мнѢ смѢючись, причина печали вашей? естьли вы не имѢете другой кромѢ сей боязни, то обнадеживайте себя, и будьте увѢрены, что Пїетроваль, какЪ при дворѢ такЪ и во всѢхЪ другихЪ мѢстахЪ, пребудетЪ во умѢ моемЪ. Горячность моя была бы очень мала кЪ нему, естьли бы негодилася на опытЪ двумЪ часамЪ отсутствїя. Подите, продолжала она смѢючись: вы обезумели. Не уже ли вы опасаетесь, чтобЪ меня не отняли изЪ рукЪ отца моего, или какой нибудь придворной не похитилЪ бы меня внезапно изЪ чертоговЪ? Я не знаю, сказалЪ я ей, чего боюся; но сЪ тѢхЪ порЪ, какЪ отецЪ вашЪ обьявилЪ вамЪ

вамъ, что завтре повезетъ васъ къ Королевѣ, здѣлался я невольнымъ въ чувствуемомъ мною смущенiи. Вы рождены на то, чтобъ нравиться, и мудрено сопротивляться глазамъ вашимъ. Почему мнѣ знать, что вы не здѣлаете какой нибудь побѣды, которая можетъ быть будетъ причиною всехъ моихъ несчастiй.

Вы знаете, сказала мнѣ Анезина, то, что я вамъ обѣщала. Надѣйтеся Пiетроваль, естьли я не буду вашею, то и никому не достануся. Намѣренiе мое основано. Я знаю, что во время жизни отца моего, мнѣ не можно надѣяться быть соединенной съ вами. И такъ, довольна будучи вашею любовiю, не требую другаго счастiя. Вы равнымъ образомъ инаго себѣ не желайтѣ, кроме постоянства и любьви моей. Продолжайте наблюдать всегдашнiе ваши поступки, сохраняйте то почтенiе, которымъ вы мнѣ обязаны, и которое клятвою утвердили; а въ остальномъ я вамъ отвѣтствую. Отецъ мой еще

не помышляетъ о моемъ возстановленіи, и сестра моя, долженствуетъ быть прежде меня сочетана бракомъ. Мы можемъ препровесть много времяни, прежде нежели быть принужденнымъ прибѣгать къ способамъ, коими горячность моя снабдитъ меня, когда въ нихъ будетъ нужда.

Все что говорила мнѣ Анезина, не могло совершенно успокоить моего смущенія. Я старался сколько могъ себя обнадѣживать. Говоренныя мнѣ ею слова были оченъ нѣжны, чтобъ не здѣлать большаго надъ моимъ сердцемъ дѣйствія; однако, не смотря на сіе, страшное предчувствіе извѣщало меня о будущемъ со мною обстоятельствѣ: во весь остатокъ дня, Анезина смѣялася надъ моею задумчивостію. Графъ Пизано примѣтилъ, оную. Въ вечеру за столомъ, онъ спросилъ меня, не обезпокоенъ ли я чемъ нибудь. Я ему отвѣчалъ, что чувствовалъ себя отягощеннымъ великимъ въ головѣ ломомъ: я равное принесъ извиненіе и Кларѣ,

которая

которая такой же вопросъ мнѣ учинила.

Чтобъ избѣжать подозрѣнія, которое отъ вздоховъ и безпокойствъ моихъ произойтить могло, ушелъ я въ мою горницу, гдѣ запершись, пробылъ до завтрея. Во время обѣда, пошелъ къ графу Пизано, которой пріѣхалъ тогда изъ дворца съ двумя дочерьми своими. О горе! предчувствіе мое не инако какъ сълишкомъ оправдаемо было. Анезина, показалась королевѣ столь прекрасна и мила, что взяла она ее въ число своихъ фрелинъ. Услыша вѣсть сію отъ графа Пизано, я чаялъ поражень быть громовымъ ударомъ; и едва со всемъ не потерялъ употребленія чувствъ моихъ. Моя мнимая болѣзнь служила извиненіемъ смущенію моему и блѣдности. Анезина, которая находяся въ горницѣ у отца своего не могла предупредить сокрушеніе мое, и желая мнѣ подать нѣкоторое утѣшеніе, и помочь собрать разсѣянной мой разумъ, спрашивала меня, не столько

ли же я обезпокоенъ какъ вчерась; она заключила рѣчь сїю нѣжнымъ, однако и строгимъ взоромъ, которой напомнилъ мнѣ мою должность, и принудилъ меня собрать мало оставшїя мои силы, чтобъ не изъявить того, что я долженъ былъ скрывать съ большимъ старанїемъ.

Когда прекрасная моя любительница примѣтила, что перьвое мое удивленїе миновалось, то хотѣла мнѣ сказать одно дѣло могущее меня нѣсколько утѣшить; и не имѣя способа особенно говорить со мною предъ отцемъ своимъ; обратила рѣчь свою къ самому ему. Королева, сказала она отцу, дала мнѣ еще два мѣсяца времени прежде нежели вступить къ ней въ службу. Я очень рада, этому перемѣшку, въ которой мнѣ можно себя поправить отъ путешественнаго безпокойства. Я понялъ что сей разговоръ значилъ: онъ мнѣ далъ нѣкоторое малое облехченїе; и я увѣдалъ, что не тогда еще буду разлученъ съ моею пре-

прекрасною Анезиною. Ты будешь сестрица, говорила ей Клара, очень спѣсива, и ужѐ больше не захочешь меня узнать. Королева выбрала тебя; а я, и того не заслужила, чтобъ она спросила у отца моего которую онъ изъ двухъ дочерей своихъ ей отдать захочетъ. Сестрица, отвѣчала Анезина, не дѣлай мнѣ досады, подозрѣвая меня въ достойномъ смѣху тщеславiи. Есть ли опредѣленное мнѣ королевою мѣсто, причиняетъ тебѣ зависть, то я его съ радостiю тебѣ уступаю. мы попросимъ нашего родителя, чтобъ онъ поговорилъ объ этомъ сей принцессѣ, и склонилъ бы ее къ перемѣнѣ своего выбора. Я клянусь тебѣ, продолжала она взглянувъ на меня, что наибольшее мое счастiе, состоитъ въ пребыванiи вмѣстѣ съ родителемъ моимъ.

Сей разговоръ не много меня обнадежилъ. Я видѣлъ, что Анезина приставала ко двору не инако какъ съ сожалѣнiемъ, и что

помышленіе, о веселостяхъ и великолѣпіяхъ, которыя она тамъ имѣть можетъ, не истребляло меня изъ ея сердца. Клара отвѣтствовала ей съ кучливымъ видомъ, что она не завидуетъ ея судьбинѣ; и что сама не менше находитъ удовольствія быть вмѣстѣ со отцемъ своимъ. Анезина, сказалъ графъ Пизано, отъ меня не удаляется. Ни одинъ день не пройдетъ у меня безъ свиданія съ нею, когда я во дворецъ не поѣду. она не такъ много будетъ отлучена отъ моего дому, чтобъ не имѣть минуты въ день быть съ фамиліею.

Сіи послѣднія, графа Пизано, слова, смягчили скорбь мою. Придворная, Анезины, должность, стала мнѣ менше несноснѣе, когда, зная постоянство ее и искренность, узналъ я, что буду еще имѣть случаи съ нею видѣться, и что она часто ко отцу своему пріѣжжать станетъ. Мнѣ невозможно было во весь день говорить съ нею особливо: она пре-

про-

проводила его при отцѣ; и я отложилъ до завтрея открыть ей то, что происходило въ моемъ сердцѣ. Вы взяты ко двору, сказалъ я ей, прекрасная Анезина. Вотъ начало тѣхъ несчастій, которыхъ я боялся. Ужѐ рѣдко увижу васъ. Несчастной Піетроваль будетъ скрытно терзать грусть свою и проливать слезы, во время, когда прекрасная Анезина станетъ получать преданность и покорство отъ всѣхъ придворныхъ, и когда веселія и игры, полетятъ за нею. Я вѣдаю, что я долженъ былъ готовиться къ сему несчастію, и что надлежало мнѣ предвидѣть день, въ которой состояніе мое и природа, ни спустятъ на меня смертельной ударъ; однакожъ, сколь бы я готовъ ни былъ къ сему злополучію, мнѣ не можно снести его. разсудокъ мой, и крѣпость, уступаютъ единой мысли, которою познаю я о мученіяхъ приуготовляемыхъ мнѣ вашимъ отсутствіемъ. Я предвидѣла, отвѣтствовала Анезина, печаль вашу,

и естьли бы я могла сыскать ей, какое нибудь лѣкарство, тобъ сердце мое съ охотою его употребило; однако, не отъ меня зависѣло, не принять королевиныхъ милостей. Жертва природѣ моей и достоинству, я должна была благодарить ее за мучительную честь, которой она меня удостоила; однакожъ отдавъ долгъ моей должности, не печальтеся, Пїетроваль; и считайте, что ни что не возможетъ поколебать мою вѣрность и постоянство. Веселїя, коихъ вы боитеся, въ тягость мнѣ будутъ. Разговоры придворныхъ послужатъ мнѣ только къ пущему о вашей со мною бесѣдѣ, сожалѣнїю! и все то, что покажетъ мнѣ дворъ, не возможетъ ни на минуту изгнать васъ изъ моего сердца. Можетъ быть, что мы сыщемъ еще и вспоможенїе противъ несчастїй, которые съ нами приключиться могутъ, въ положенной на меня королевою должности. Она будетъ мнѣ служить отговоркою ко избѣжанїю брако-

бракосочетанія; и я употреблю, надъ отцемъ моимъ власть сея принцессы, чтобъ онъ не могъ разпредѣлять рукою, которая, не могши быть вашею, не должна принадлежать никому другому. Продолжайте только скрывать наши тайности; принуждайте себя къ тому; а въ остальномъ оставте мнѣ имѣть попеченіе.

Ваши обѣщанія, отвѣчалъ я, прекрасная Анезина, утишаютъ на нѣсколько времяни скорбь мою. Когда я васъ вижу, слышу ваши разговоры, и когда сердце мое терзаетъ ненасытно обѣщанія, которыя его столь ласкаютъ, тогда уступаю я рѣчамъ вашимъ, и изгоняю на время изъ ума моего всѣ плачевныя мысли, коими онъ наполненъ; но когда въ удаленіи отъ васъ теряю полученныя утѣшенія, тогда, печаль, скорбь, отчаяніе, наслѣдуютъ чувствуемымъ надежностямъ. Надобно однакожъ, сказала Анезина, вамъ привыкнуть препроводить многіе дни, не видаяся со мною. Я стану

пріѣжжать

пріѣзжать къ отцу моему сколь часто мнѣ возможно будетъ. Со всемъ тѣмъ, буду иногда принуждена цѣлые недѣли къ нему не показываться.

Какъ это! вскричалъ я, думаете ли вы, чтобъ я могъ снесть такое отсутствіе, которое тѣмъ мучительнѣе мнѣ будетъ, что боязнь удвоитъ скорбь мою. Напослѣдокъ, прекрасная Анезина, продолжалъ я, надобно мнѣ вамъ признаться; я ревнивъ, и ревнивъ сверьхъ воли моей. Я знаю, сколь велика ваша добродѣтель: вѣдаю постоянство ваше; но несмотря на сіе, сердце мое не меньше тѣмъ терзается тысячью мучительными подозрѣніями. Когда я разсматриваю: кто я есть, и взираю: съ какого достоинства вы нисходить соизволяете для сравненія себя съ несчастнымъ Піетровалемъ, то устрашаюся, чтобъ чрезвычайность вашихъ милостей, не прекратила ихъ. Я не столько ослѣпленъ страстію моею, чтобъ познавать не могъ, колико я недостоинъ

стоинъ счастїя быть любимымъ прекрасною Анезиною. изъ жалости, терпите, для облехченїя скорьби, которую причинитъ мнѣ ваше отсутствїе, чтобъ я могъ хотя писать къ вамъ о мученїяхъ, кои она претерпѣвать меня заставитъ. Я соглашаюся, отвѣчала Анезина, на вашу прозьбу; но только, остерегайтеся, чтобъ оная не здѣлалася намъ вредною. Потерянное, или невѣрно врученное письмо, можетъ погрузить насъ въ преужасныя злоключенїя. Я обѣщалъ Анезинѣ, имѣть надежной способъ ко врученїю моихъ ей писемъ, и къ полученїю ее отвѣтовъ, не отваживая ничего.

Сїе, данное мнѣ ею дозволенїе, много меня утѣшало; и я взиралъ на отъѣздъ ее къ королевѣ съ меньшимъ сожалѣнїемъ. Въ день тотъ, какъ поѣхала она ко двору, для вступленїя въ назначенную ей должность, здѣлала мнѣ тысячу обнадеживанїй о своемъ постоянствѣ. Не позабудьте, говорила она мнѣ, не ввѣряться сестрѣ моей. Я

ее завсегда подозрѣваю, что она имѣетъ къ вамъ склонность; и какъ скоро я больше здѣсь не буду, то станетъ она, можетъ быть, вольняе дѣйствовать. ее тщеславіе ужѐ довольно тронуто преимуществомъ, которое мнѣ дала королева: нѣтъ ничего такого, на чтобъ она не отважилась, естьли, любя васъ справедливо, узнаетъ, что я ее совмѣстница.

Какъ, съ отъѣзда нашего изъ Марсельи, Клара казалася, для меня очень холодною, то хотѣлъ было я Анезину отвратить отъ мысли, которую она объ ней имѣла. Ахъ! отвѣчала она мнѣ, я знаю сестру мою. Можетъ быть, вы увидите, коли нибудь, что я имѣла глаза лучше нежели вы. Я не долго замѣшкался увидѣть, что Анезина имѣла право: я былъ совершенно убѣжденъ втомъ однимъ разговоромъ, которой случилось мнѣ имѣть съ Кларою, спустя три или четыре дни послѣ вступленія сестры ея ко двору. Гуляя въ саду, по одной

алѣе

алѣе, которая примыкалася къ составленной изъ деревъ бесѣдкѣ, пришелъ я къ оной, и увидѣлъ тамъ Клару, читающую книгу. Я хотѣлъ удалиться, боядся отвратить ее отъ чтенія. Вы убѣгаете меня, сказала она мнѣ, Піетроваль. развѣ мы побранилися; или вы зачто нибудь на меня сердитесь? шутливой голосъ, коимъ она говорила мнѣ, не произвелъ во мнѣ ни малѣйшаго подозрѣнія. Я ей отвѣтствовалъ, что видя ее въ упражненіи, преступилъ бы должность мою, кагдабъ помѣшалъ ей. Я читаю, сказала она мнѣ, третей томъ Донъ Кишота; и дочлася до одного, весьма полезнаго мѣста. Я радуюсь смотря на Гамаша, что онъ, со всѣмъ своимъ богатствомъ, не можетъ получить преимущества передъ базилемъ, которой имѣлъ единственной только даръ быть любезнымъ. Это правда, что онъ и разуменъ; однако, въ нынѣшнемъ вѣку, находятъ столь мало таковыхъ людей, которыя бы достоинство, богат-

богатству предпочитали; что умъ уловляетъ съ превеликою радостїю примѣры заключающїя въ себѣ столь великое безприбыточество.

Обычай, отвѣчалъ я Кларѣ, кажется, истребилъ подобныя сему великодушїя, и между людьми, нѣкотораго достоинства, смотрятъ только на равенство имѣнїй и природы. Это то главнѣйшїя добродѣтели, которыя управляютъ бракосочетанїями. богатой дворянинъ предпочтенъ добродѣтельному мещанину. Гамашъ имѣлъ бы конечно преимущество передъ базилемъ, естьли бы онъ жилъ въ наше время. Вы дѣлаете обиду моему полу, сказала взглянувъ Клара, на меня съ довольною нѣжностїю. Станется, что есть еще такїя сердца, которыхъ богатство и невозможетъ тронуть. Вы видѣли весьма чувствительной тому примѣръ, въ марселѣ. Почему вы знаете Пїетроваль, что не можетъ найтиться такая особа, которой бы добродѣ-

тель была дороже нежели богатство, и которая бы почитала за утеху, любить человѣка неимѣющаго надежды понравиться изъ прибытка? можетъ быть, что сами вы, въ ту минуту, когда осуждаете весь полъ мой, находитесь обладателемъ сердца о побѣдѣ котораго никогда бы и помыслить не осмѣлились. Подумали ли вы, естьли бы я васъ любила, Піетроваль, чтобъ имѣнія или природа управляли моею склонностію? я не говорю, чтобъ это была правда; однакожъ, хотябъ вы и здѣлали меня чувствительною, тогда единая бы любовь могла извинить мою слабость. Я чювствтую, что, когдабъ я васъ любила, то съ тойже минуты, въ которую была бы обнадежена о вашемъ серце, ни что бы не могло мое у васъ похитить.

Клара изъяснялася довольно къ уразуменію моему. Я увидѣлъ, что предсказаніе Анезинино сбылося, и хотѣлъ избѣжать устращающаго меня изъясненія. Несчастной

незнакомецЪ, отвѣтствовалЪ я, такой какЪ я есмь, не могЪ бы заплатить цѣны сердца, вашему подобнаго. ОнЪ бы зналЪ, что рожденЪ служить вамЪ, а не любить васЪ. Сія слава сохранена для перьвознатнѣйшихЪ особЪ. Знаніе о его и вашемЪ состояніи, различіе которое видитЪ онЪ между собою и вами, принудили бы его молчать; а когдабЪ онЪ столько былЪ несчастливЪ, что началЪ бы любить, то принужденЪ бы былЪ скрывать оное отЪ всей вселенной, а больше еще отЪ самихЪ васЪ, боясь заслужить гнѣву и немилости. Однако естьли бы я дозволила сему несчастному, отвѣчала Клара, говорить, жаловаться, и надѣяться быть нѣкогда любимымЪ, то, что бы онЪ здѣлалЪ, по вашему мнѣнію? вы мнѣ не отвѣчаете, продолжала она, Піетроваль; и я вижу, по вашему смущенію, что вы меня разумѣли. Любьви ли мнѣ приписывать ваше молчаніе, или несклонности? говорите. Послѣ здѣланнаго мною

теперь

теперь поступка, я ничего болѣе щадить не долженствую. близко года, говорила я сама себѣ все то, что моя должность отъ меня требовала. Тщетно я предпринимала призывать горделивость мою на помощь. Она покидала меня, лишь только мнѣ васъ видѣть улучалось будучи принуждена не ввѣряться самой себѣ, старалася показываться вамъ несклонною; да можетъ быть и презирающею вами, для того, чтобъ вы не примѣтили дѣйствія, происходящаго въ моемъ сердцѣ. Я часто принуждала себя убѣгать васъ; но коликія мученія претерпѣвала въ тѣ минуты, какъ васъ покидала. Сердцу моему дорого становилось преимущество, къ удерживанію признанія о его побѣдѣ. Наконецъ, сопротивляяся болѣе года, здѣлалася нынѣ побѣжденною: движеніе, котораго я преодолѣть не могла, принудило меня сверхъ воли моей открыть мою тайну. это вашей поручено власти, чтобъ, къ мученію которое я претерпѣ-

ваю отъ преступленія моей должности, прибавить и другое видѣть мнѣ себя презрѣнною, во время, когда я унизила себя даже до того, что открыла вамъ всю мою слабость.

Я довольно зналъ жестокой и горделивой нравъ Кларинъ, чтобъ осмѣлиться пренебречь врученіемъ ея сердца. Нѣтъ чрезвычайности, кудабъ она не попустилася, для отмщенія позора, которой бы моя несклонность ей причинила. Наисчастливѣйшей тогда, для меня случай, былъ бы тотъ, чтобъ отойтить отъ графа Пизано; но я почиталъ оной за величайшее несчастіе могущее приключиться со мною. И такъ, вознамѣрился я притвориться. Слышимое мною, сказалъ я Кларѣ, кажется мнѣ столь чрезвычайнымъ: счастіе, которое уста ваши нынѣ мнѣ извѣщаютъ, есть нѣчто столь великое и неожидамое для меня; толико причинъ казалися возпрещать мнѣ въ немъ, не только надежду, но и помышленіе, что я осмѣ-

осмѣливаюсь ласкаться, что вы, въ разсужденіи моего удивленія, простите мнѣ мое молчаніе. Какими покорностями, какими услугами могъ бы я когда нибудь .... Оставимъ, сказала Клара, покорности и услуги. Я хочю только ваше сердце: оно одно будетъ мнѣ вмѣсто всего служить. Хотя слава моя стенала часто отъ смущенія моего сердца; однакожъ, какъ скоро вы меня увѣрите, что я вамъ непротивна, то любовь наградитъ меня за муки, которыя горделивость моя меня претерпѣвать заставляла. Любите меня, Піетроваль, и оставте мнѣ стараніе о вашемъ благополучіи. Почтимся скрывать тайну нашу отъ отца моего, и будемъ остерегаться сестры моей. Можетъ быть, что вы не знали бы еще чювствъ моихъ, естьли бы она была въ домѣ; но когда ее отсутствіе даетъ намъ меньше причины принуждать себя, то постораемся, чтобъ впредь, не могла она николи проникнуть нашей тайны.

Я обнадежилъ Клару о моей скромности, и молчаніи; и не имѣлъ труда сдержать ей мое слово; ибо пять или шесть дней сряду, едва осмѣливался я обращать глаза мои на нее. Я боялся и ненавидѣлъ ее, съ бывшаго въ саду разговора: и хотя я былъ тщателенъ ко убѣганію отъ особливаго съ нею пребыванія; однако имѣлъ еще два или три разговора, коихъ избѣжать не могъ. Я притворялся въ оныхъ какъ и въ перьвомъ, и старался увѣрять ее о любьви, къ чювствованію которой весьма былъ далекимъ?

Когда я находился въ столь плачевномъ состояніи, будучи отягченъ боязнію, которую вселила въ меня горделивость и жестокость Кларины, илишенъ, близко пятнатцати дней, удовольствія видѣть лябезную мою Анезину, то получилъ отъ нее слѣдующее письмо, которое ввергло меня въ наижесточайшее смущеніе.

ПИСЬМО

Любезной Пїетропаль, мнѣ случилось оказать памъ малой знакъ моей любьии. Графъ Донъ Дїего де Сан-Фуего, будучи тронутъ малымъ моимъ пригожстпомъ, старался быть пзысканнымъ отъ королепы, чтобъ получить, чрезъ локропительстпо сея принцессы, соизполенїе отца моего на бракъ со мною. Онъ предлагалъ пзять меня съ приданымъ, какое бы мнѣ дать лохотѣли; доползенъ, гопорилъ онъ, имѣть меня сулругою. Какъ это часть песьма лолезная, для моего благололучїя, то королепа, гопорила объ оной отцу моему, и бракъ мой былъ лочти заключенъ, безъ малѣйшаго моего о немъ пѣдома. Мнѣ предложили сего утра сїе позстанопленїе: я его лостоянно отказала. Отецъ мой, и королепа, не могли ни чемъ убѣдить меня; и лонуждая ло пустому, уразумѣли они, что безлолезно было болѣе гопорить мнѣ о томъ. Отецъ мой далъ мнѣ слопо не ломыш-

мышлять еще о моемъ бракосочетанiи. И такъ, я избѣжала смертельнаго удара любьви нашей. Я поѣду сего дня послѣ обѣда попидаться съ сестрою моею; и скажу вамъ сама, о многихъ другихъ вещахъ, до насъ касающихся. Будьте спокойны, любезный Пiетропалъ! намъ нечего болѣе бояться.

Сiе письмо умножило мои печали, и замешательство. Хотя Анезина и обнадежила меня, что мнѣ, новаго моего совмѣстника, болѣе бояться не оставалось; однакожъ, я мучился нетерпѣливо, видя мою любительницу поверженную глазамъ и покушенiямъ обольщающаго двора. Какъ! говорилъ я, нѣтъ еще трехъ недѣль, какъ Анезина при королевѣ находится, а я ужѐ едва ея не лишился. Невозможно мнѣ сберечь ея сердца. Что не приключилося нынѣ, будетъ завтре: отецъ не возхотя болѣе терпѣть сопротивленiя, принудитъ ее на конецъ принять супруга. Королева употребитъ власть свою, къ при-

веденію ее кЪ тому. чтожЪ буду я тогда, несчастной любовникЪ? я былЪ бы любимЪ нѣкоторое время только для того, чтобЪ лучше чювствовать всю цѣну теряемаго мною сердца. Фортуна ласкала бы меня нѣсколько времяни сЪ тѣмЪ, чтобЪ здѣлать мои мученія живяе и болѣзненнѣе.

будучи отягощенЪ сими печальными мыслями, и гуляя вЪ саду, увидѣлЪ я мою любезную Анезину, которая нашла меня. Я искала говорила она мнѣ, сестру мою по всему дому, но не могла ее найтить. Теперь пользуюсь сею минутою, чтобЪ поговорить сЪ вами наединѣ. я вамЪ не буду повторять того о чемЪ писала вЪ писмѣ моемЪ. будьте обнадежены, Піетроваль, о моей горячности: ничто не можетЪ ее у васЪ похитить, ни власть отца моего, ни воля королевина. Можно ли мнѣ отвѣчалЪ я, ласкаться симЪ счастіемЪ? будете ли вы за всегда постоянны, прекрасная Анезина? пребудете ли непрестанно великодушны предпочитая

читая несчастнаго Піетроваля знатнымЪ особамЪ, кои васЪ домогаются? я знаю, что не стою вашихЪ милостей, и что вы не принуждены имѢть никакой благодарности, за влїянную вЪ меня вами любовь. Много еще и того, что вы терпите мою горячность; но совсѢмЪ тѢмЪ, прекрасная Анезина, несмотря, что знаю сколь мало я достоинЪ вашего сердца, чювствую, что умерЪ бы, естьлибЪ вы имѢли жестокость отнять его у меня. Мое ли, это сердце, сказала нѢжно Анезина, чтобЪ его отнять у васЪ? не вамЪ ли я отдала его? нѢтЪ Піетроваль, продолжала она, ничто не можетЪ, и не будетЪ вЪ силахЪ, истребить васЪ изЪ ума моего. Успокоевайтеся отЪ страху, которой досаждаетЪ моей нѢжности. Столь горячая и вѢрная любовь, какЪ моя, не можетЪ терпѢть подозрѢнія. Простите мнѢ, отвѢчалЪ я, прекрасная Анезина, боязни, коихЪ побѢдить не могу. онѢ послѢдователи жестокой любви, которую вы вЪ меня влїяли. Я

спокой-

спокойнѣе бы былъ, естьли бы меньше былъ чювствителенъ. Ахъ! вы не вѣдаете всѣхъ терзающихъ меня горестей. Предсказанныя вами мнѣ несчастія сбылися. Ваша сестра меня любитъ. Я не могу не знать онаго. Она сама мнѣ о томъ сказала. Подумайте прекрасная Анезина, какое было мое принужденіе, какое усиліе надлежало мнѣ чинить надъ собою, для ласканія проклинаемой мною страсти. Благополучная судьбина и напоминовеніе о васъ, помогли моему притворству. Я былъ дватьцать разъ въ намѣреніи признаться Кларѣ, что сердце мое было къ ней нечювствительно; однако видѣлъ, что таковое открытіе, было бы послѣдовано моею потѣрею или ссылкою. Находяся въ необходимости, либо принуждать себя, или на всегда васъ потерять, я подумалъ, что мнѣ дозволено было притворяться.

Я вамъ сказывала, отвѣчала Анезина, что сестра моя имѣла къ вамъ склонность; и знала, что не обманывалася. Сказываемое теперь

вами

вами меня не удивляетъ. Вы продолжайте лишъ притворяться, такъ, какъ начали. Клара имѣетъ много тщеславія, чтобъ любить васъ постоянно. Она въ состояніи жертвовать вашею и своею любовью малѣйшему блеску величества. Я знаю, что отецъ мой помышляетъ о ея возстановленіи. И такъ, мы скоро не будемъ ее болѣе бояться. Прощайте, я васъ покидаю, и опасаюся, чтобъ должайшей разговоръ не здѣлалъ насъ подозрительными. Я восемь дней васъ не увижу; однако буду къ вамъ писать: пойду теперь, продолжала она смѣючись, повидаться съ моею совмѣстницею. Можетъ быть она уже пришла въ свою горницу.

Анезина покинула меня, и я не имѣлъ силы ей отвѣтствовать. Я почювствовалъ стесненнымъ сердце мое, и не могъ сыскать употребленія въ голосѣ. Предчувствіе того, что со мною свершиться долженствовало, дѣлало меня какъбудто не подвижнымъ:

едва обладалъ я чювствами. О горе! несчастія коихъ я устрашался притекли во многочисліи. Клара спрятавшаяся въ туже бесѣдку, гдѣ я познaлъ ее горячность, узнала любовь мою къ сестрѣ своей, и клялася отмстить оную. Анезина, не нашедъ ее, возвратилася къ королевѣ; а я пошелъ запереться въ мою горницу, и отдаться моей задумчивости. Я не пробылъ тутъ двухъ часовъ, какъ увидѣлъ двухъ человѣкъ, которые, приставя мнѣ пистолетъ къ горлу, приказывали не чинить ни какого супротивленія. Они связали мнѣ крѣпко руки и ноги; и не сказавъ причины о здѣланномъ со мною ругательствѣ, заперли меня въ моей горницѣ, и оставили въ томъ состояніи, въ которое меня заключили. Я сталъ искать причины моего несчастія. Я не поставлялъ Клару быть тому виновною, не зная, что она мой разговоръ слышала; но думалъ, что перехватили какое нибудь отъ Анезины ко мнѣ письмо. Она

мнѣ

мнѣ подробно не отвѣтствовала, и я не имѣлъ старанія спросить о числѣ писемъ, которыя она ко мнѣ писала.

Я былъ въ сей смертельной неизвѣстности, какъ Графъ Пизано вошелъ въ мою горницу. Злодѣй, говорилъ онъ мнѣ; надобно, чтобъ я тебѣ здѣлалъ заслуженное тобою воздаяніе. Какъ! за всѣ мои милости, ты хочешь здѣлать стыдодѣйницѣю дочь мою Анезину? недостойная Анезина, обольщенная твоими разговорами, безчеститъ свою фамилію, и преступаетъ самой себѣ. Для сохраненія своей горячности къ несчастному холопу, она отказываетъ Дону Діегу де Сан-Фуего: дѣлается недостойною королевиныхъ милостей. Я не знаю, отвѣчалъ я, какія упрекаете вы мнѣ, преступленія: мнѣ несвѣдомо, какое я могу имѣть соучастіе въ возстановленіи Анезины. Мнѣ, ее любить! а кто могъ вамъ сказать . . . . Молчи, чюдовище безпокойствія, вскричалъ графъ, змей

змей котораго я воспиталЪ вЪ моемЪ домѢ, бѢдной скитающейся . . . . Вы мнѢ даете, отвѢчалЪ я, имена, которыхЪ не приучили меня слышать. МожетЪ быть, естьли бы вы больше меня знали . . . . . А что ты хочешЪ, сказалЪ графЪ, перервавЪ рѢчь мою, чтобЪ я зналЪ и видѢлЪ? не холопЪ ли ты, злодѢй; твое достойнсто, и состоянїе, не долженствовали ли заставлять тебя чювствовать разность, имѢющуюся между тобою и Анезиною? но я накажу сїю недостойнойную дочь, и твоя жизнь будетЪ мнѢ отвѢтствовать о ея послушанїи,

Во время, когда графЪ говорилЪ сїи послѢднїя слова, Анезина вошла вЪ горницу. ОтецЪ ее посылалЪ за нею, и она не знала происходившаго случая. Разсудите о ея изумленїи, когда она меня увидѢла вЪ состоянїй, вЪ которомЪ я находился. Она тотЪ же часЪ узнала, вЪ чемЪ состояло дѢло. Подойди сюда, говорилЪ ей графЪ, подойди, недостойная дочь. Я знаю

твое

твое преступленіе: мнѣ извѣстны твои мысли, не надѣйся смяхчить меня, и склонить на то, чтобъ тебѣ въ монастырь итти. Надобно тебѣ согласиться: или вступить завтре въ супружество съ графомъ донъ Діегомъ де Сан-Фуего, или видѣть любовника своего умирающимъ предъ твоими глазами, и израненнымъ кинжаломъ. Злодѣй погибнетъ, когда твое послушаніе не даруетъ ему жизни: а ты не надѣйся, послѣ сего, избѣжать справедливаго моего гнѣва. Я сыщу способы здѣлать жизнь твою столь горкою и несносною, что накажу тебя достойно по винѣ твоей, за безчестіе, которое ты изливаешь на всю твою фамилію.

Слезы Анезинины, были единымъ облехченіемъ, которое она въ своихъ несчастіяхъ найтить могла. Моя жизнь зависѣла отъ ея невѣрности, и она не могла склониться на смерть мою. И такъ, обѣщалася исполнить все то, чего отъ нее хотѣли. Лишъ бы мнѣ дали

дали волность. Меня развязали; и приказали тужъ минуту вытти изъ дому. Я пошелъ изъ онаго въ отчаяніи и бѣшенствѣ. Я былъ столь смущенъ, что не зналъ, куды итти: шатался какъ безумной по всѣмъ Мадритскимъ улицамъ. Наконецъ, пристигла меня ночь; но я не помышлялъ искать себѣ пристанища: я препроводилъ ее въ тягчайшей мукѣ, на одной каменной лавкѣ, поставленной въуглу перекрестка, не подалеку отъ жилища Анезины. Мнѣ не можно было удалиться отъ мѣста, гдѣ я видѣлъ ее въ послѣднѣй разъ. День показался, и приумножилъ мое отчаяніе. Я много разъ покушался окончить дни мои; но не знаю какою силою супротивлялся движеніямъ моего бѣшенства. Напослѣдокъ, будучи утомленъ и изнуренъ печалію, сталъ искать пристанища, чтобъ терзать на единѣ скуки мои. Я вошелъ въ одинъ вольной домъ, не подалеку отъ жилища Графа Пизано; и перьвой чаловѣкъ,

со мною тутъ встрѣтившейся, былъ Анезининъ лакей, къ которому она имѣла много певѣренности. Государь мой, говорилъ онъ мнѣ, я радуюсь что вы мнѣ такъ счастливо попались. Мнѣ надлежало бы искать васъ по всѣмъ вольнымъ домамъ Мадритскимъ; а я нахожу васъ въ перьвомъ. Вотъ письмо, которое приказано мнѣ вамъ отдать; но берегитесь въ Мадритѣ показываться: здѣсь дни ваши состоятъ въ опасности. Я поцѣловалъ съ восхищеніемъ врученное мнѣ слугою письмо. Оно пришло отъ моей дражайшей Анезины; и вотъ, что она ко мнѣ писала.

ПИСЬМО

Естьли Пїетропаль справедлиknown любилъ меня, то онъ будетъ зберегать дни, къ которымъ и мои присоединены. Спустя отъ нынѣ восемь дней, приходите поутру въ исходѣ девятаго часа, въ Кармалитскую церковь. Старайте-

ся

ся сносить ваши мученія до онаго дня, въ которой я сама повидаюся съ вами, для вашего утѣшенія; но не отъ меня будетъ зависѣть, чтобъ вы не были менше несчастливы. Берегитесь больше всего показываться въ городѣ. Вы имѣете непріятелей, которые гораздо опаснѣе, нежели отецъ мой. Мнѣ нечего болѣе сказать вамъ. Не пишите ко мнѣ; и приходите конечно на назначенное свиданіе.

Я обнадежилъ слугу, которой вручилъ мнѣ сіе письмо, о исправности моей въ послѣдованіи Анезининымъ повелѣніямъ, и спрашивалъ его, не учинилъ ли отецъ противъ ея какой нибудь жестокости. Съ вашего отсутствія, сказалъ мнѣ оной слуга, графъ Пизано говорилъ съ нею очень воздержно и ласково; однако, кажется мнѣ, что она весьма сердита на сестру свою. Онѣ нѣсколько и спорили; но я не умѣю вамъ сказать, для какой причины. Мнѣ не трудно было отгадать оную: я тотъ же часъ себя почелъ причиною ихъ ссоры.

Между тѣмъ, я разсудилъ слѣдовать совѣтамъ, которые мнѣ давала Анезина. Я сказалъ хозяину, чтобъ онъ далъ мнѣ особливой покой: кушанье велѣлъ бы ко мнѣ носить, и ни ково бы не становилъ со мною въ товарищество. Такимъ образомъ препроводилъ я, предавъ себя уединенїю и наипечальнѣйшимъ размышленїямъ, тѣ восемь дней, кои Анезина мнѣ предписала. Въ послѣдней день, боятся не свидѣться съ моею прекрасною любительницѣю, пошелъ я въ исходѣ осмаго часа поутру въ Кармалитскую церковь. Я стоялъ нѣсколько времяни, не видя ни одного человѣка; однакожъ, на конецъ, Анезина показалася провожаема тѣмъ однимъ лакѣемъ, которой вручилъ мнѣ письмо ее. Она прошла въ особливой предѣлъ, куды и я за нею послѣдовалъ. Ну Пїетроваль, говорила она мнѣ, вотъ, чемъ окончилась та горячность, которую судьбина намъ даровала. наинѣжнѣйшая и искрѣннѣйшая любовь не могла отвратить отъ насъ величайшїя несчастїя. Я васъ

поте-

потеряла на вѣки; и вы не имѣете болѣе надежды обладать моимъ сердцемъ. Мнѣ надобно сказать, любезной Піетроваль: я вступила въ супружество. Вступила въ супружество, вскричалъ я. Ахъ! что вы мнѣ сказываете, Анезина? какъ! вы принадлежите другому; вы, которая клялася мнѣ вѣчною вѣрностію! Надобно было отвѣчала она мнѣ, спасти жизнь вашу; а я не могла инако оное исполнить, какъ давъ руку вашему совмѣстнику. Ахъ! говорилъ я ей, лучше бы вы мнѣ умереть дали. Для чего сохранять жизнь, которая становится мнѣ въ тягость? Вы уже не мои: я навсегда теряю васъ; и другой владѣетъ симъ сердцемъ, которое мнѣ предано было? Ахъ! колико старанія ваши и вспоможенія, были для меня мучительны! для чего не оставили вы меня погибнуть.

Какъ! ты мнѣ пѣняешь, отвѣчала Анезина, за мое, ради тебя, жертвованіе, безчеловѣчной! такъ по этому ты хотѣлъ, чтобъ я видѣла отца моего обагряющагося

гося кровїю всего того, что я любила? что бы я сама повторяла ево удары? неблагодарной! когда надлежитъ тебѣ жалѣть обо мнѣ тогда ты винишь меня. Ахъ! дражайшая Анезина, отвѣчалъ я ей, простите моему отчаянїю. Я васъ люблю, вы меня любите, и я теряю васъ! могу ли я, въ столь ужасномъ несчастїи, сохранить употребленїе моего разума? Злополучїя мои похитили его у меня. Толико повторенныя удары приводятъ меня въ бѣшенство. Ахъ! кто не былъ бы въ смертельномъ отчаянїи, претерпѣвая судьбину мою? Съ верьху славы и благополучїя, въ какую ужасную пропасть низверженъ я! однакожъ, пожалуйте| прекрасная Анезина, научите меня о всѣхъ моихъ несчастїяхъ. Дайте мнѣ знать о сокровенномъ недругѣ, которой погубилъ насъ. Какимъ образомъ отецъ вашъ узналъ наши мысли? Любовь злой сестры моей, отвѣчала Анезина, погубила обѣихъ насъ. Она была въ бесѣдкѣ тогда

какъ

какъ мы въ саду послѣднѣй разъ разговаривали. И слыша всѣ наши тайности, открыла ихъ изъ зависти и отчаянія отцу моему, которой будучи чувствительно тронутъ, что я осмѣлилася отказать графу де Санъ-Фуего, предпріялъ жестокость, либо тебя лишить жизни, или принудить меня къ перемѣнѣ моего намѣренія. Онъ тѣмъ больше побужденъ былъ слѣдовать сему предпріятію, которое присовѣтовала ему сестра моя, что еще Дону Діегу де Санъ-Фуего никакого подлиннаго отвѣта не учинили; но къ чему служитъ, Піетроваль, воспоминать намъ наши несчастія? онъ супругъ мой, и я повинна позабыть тебя. Ужѣ три дни, какъ я должна ему сердцемъ моимъ и всѣми моими желаніями. Я предъ Олтаремъ ему ихъ обѣщала; и пришла теперь сказать тебѣ прости на вѣки. Я вѣдаю твои мученія: не хочу и своихъ скрывать отъ тебя; однако, должность моя осуждаетъ

меня молчать. И такъ, призовемъ на помощь нашъ разумъ. Да здѣлаетъ онъ надъ нашими сердцами то, что уже добродѣтель здѣлала. Она повелѣваетъ намъ разстаться, а онъ поможетъ намъ со временемъ излечиться совершенно.

Мнѣ! васъ позабыть, вскричалъ я, Анезина! мнѣ! изгнать васъ изъ моей памяти! нѣтъ; и смерть не причинитъ сего дѣйствія. Напоминовеніе о васъ последуетъ во гробъ за мною. Но ты безчеловѣчная, позабудешь ли то, что я былъ тебѣ дорогъ? Откажешь ли несчастному Піетровалю горькое утѣшеніе, быть когда нибудь предстоящимъ твоимъ мыслямъ? а чтожъ! Анезина, повелѣваетъ ли добродѣтель быть безчеловѣчною? она повелѣваетъ изгнать тебя изъ моего сердца, говорила она мнѣ: однакожъ, я чувствую, что всѣ мои усилія не возмогутъ втомъ имѣть успѣха; но онымъ ты не будешь счастливѣе. Слава моя при-

приказываетъ мнѣ не зрѣть тебя болѣе; и это послѣдней разъ, что я здѣсь говорю съ тобою. Поѣжжай, оставляй Мадритъ, убѣгай съ сего же дня твоихъ непріятелей. Я сіе тебѣ приказываю всею властію, которую могу еще имѣть надъ тобою. Вотъ дарую тебѣ кошелекъ съ тысячью пистолями, и драгоцѣнной камень. Не пищи никогда комнѣ: а естьли случишся ты въ бѣдности, то пиши къ одному денежному переводчику, къ которому надпись изображена на положенной въ кошелекъ бумажкѣ. Онъ будетъ пещися снабдить тебя въ твоихъ нуждахъ. Прощай, Піетроваль. Я чувствую, что сердце мое очень смягчается. Проливаемыя мною слезы не невинны; и естьли я ихъ удержать не могу, то по крайней мѣре отъ тебя скрывать долженствую.

Анезина вышла вонъ, и я не могъ ей отвѣтствовать. Я стоялъ близь часа въ семъ предѣлѣ, не зная, что предпріять. Напослѣ-

докъ вознамѣрился слѣдовать совѣтамъ дражайшей моей Анезины. Не могши пребывать въ Ишпаніи, и не хотя удалиться совсемъ отъ Анезины, поѣхалъ я тотъ же день въ Лисабонъ. Я чаялъ, что могу быть, въ ономъ городѣ, незнакомымъ и въ безопасности отъ моихъ непріятелей. Я боялся ярости и отмщенія Кларина: зналъ, что горделивость ея и ненависть, не простятъ меня никогда. Она находилася принужденною погубить меня, для скрытія своей тайны. И такъ, послѣдовалъ я приказаніямъ Анезины; и терзаяся за всегда моею любовію, нося безпрестанно съ собою пронзившей меня образъ, пріѣхалъ я въ Лисабонъ, восемь дней послѣ отъѣзда моего изъ Мадрита.

Я не имѣлъ никакого знакомства въ Португаліи; а чтобъ прекратить гоненіе тѣхъ, которые похотѣли бы покуситься на мою погибѣль, перемѣнилъ я имя свое; и назвался Маринеро. Я жилъ

столь

столь уединенно: толико былЪ объятЪ печалїю, что первые три мѣсяца, препроводилЪ единственно вЪ напоминанїяхЪ о Анезинѣ; не думая ни мало о томЪ, что со мною будетЪ, и какую часть избирать мнѣ для себя надлежало. НаконецЪ, понѣкоторомЪ облехченїи муки моей, вознамѣрился я возвратиться вЪ Италїю, и присоединиться кЪ моей фамилїи; но лишЪ только хотѣлЪ выѣхать, то таже причина, для которой я вЪ ЛисабонЪ прїѣхалЪ, меня удержала. Я не могЪ склонить себя на удаленїе отЪ Анезины, и на потерянїе навсегда надежды сЪ нею увидѣться; чего ради взялЪ другїя мѣры. Я сталЪ пользоваться дарованїями, коими натура меня снабдила; и чтобЪ не безпокоить Анезину, и не имѣть, кЪ денежному переводчику, прибѣжища, здѣлался учителемЪ музыки, и нашелЪ скоро множество учениковЪ. У меня оставалося еще много денегЪ; и изЪ тысячи пистолей, которые мнѣ дала моя прекрасная

лю-

любительница, едва издержалъ я двести: я сберегалъ оную сумму почитая еѣ полезною для меня въ то время, когда другихъ лишуся вспоможенїй.

Между особами, коихъ я пѣть училъ, была одна молодая и весьма пригожая монахиня, которая вступила въ монастырь, болѣе силою, нежели хотѣнїемъ; она была весьма веселаго нраву, и я не могъ понять, что какъ, любя столь мало свое состоянїе, могла она однакожъ быть столь веселою. Хорошей ее нравъ вдругъ перемѣнился: она здѣлалася печальною и задумчивою; и едва слышала то, что ей говорили. Очень часто, задавая ей уроки, видалъ я глаза ее къ проливанїю слезъ готовыми. Сердце ее, напряженное вздохами, не могло скрывать ея горестей. Я не могъ воспрепятствовать себѣ, чтобъ не спросить у нее причину печали ея. Вы кажетеся мнѣ, говорилъ я ей, весьма перемѣнившеюся съ нѣкоторыхъ дней, что съ вами здѣлалось,

Донна

Донна Серафина? могу ли я безъ нескромности спросить у васъ причину печали вашей? несчастія мои, отвѣчала она, есть такого роду, что не могутъ инако быть повѣрены, какъ подъ печатію самой тайны: и естьли вы мнѣ клятвою утвердите, никогда не говорить о томъ, что я вамъ сказать могу, то разскажу вамъ случаи, въ поправленіи которыхъ вы мнѣ пособить можете. Удивляяся речамъ Серафининымъ; говорите безъ боязни, сказалъ я ей: наибольшее мое веселіе состоитъ въ вспоможніи несчастнымъ. Ахъ! воскликнула Серафина, всякой, находящейся въ подобномъ моему злополучіи, стоитъ того, чтобъ возбудить жалость въ сердцѣ, которое не оставило человѣчества: но я, попалася въ руки безчеловѣчному чудовищу, погрузившему меня въ бездну несчастій.

Слезы перервали рѣчь Серафинину: она столь была объята скорбію, что потеряла употребленіе голоса. Я старался утѣшать ее: обѣщалъ

обѣщалъ ей, чтобъ она меня, во всѣ надобности, по своему хотѣнїю употребляла; и что я буду ей служить, не щадя жизни. Конечно, говорилъ я ей, любовь есть причиною вашихъ несчастїй. Я самъ нахожуся въ подобномъ вашему состоянїи. Говорите, подавъ вамъ всѣ зависящїя отъ меня вспоможенїя, окажу оными только часть благодѣянїй, кои я получилъ отъ другой особы, которая мнѣ еще по нынѣ дороже, нежели все добро на свѣтѣ.

Когда любовь вамъ извѣстна, отвѣчала Серафина, то вы конечно простите мнѣ мои слабости. Я разскажу вамъ, сколь далеко оныя простиралися къ одному неблагодарному, которой покидаетъ меня нынѣ, и къ которому горячность причинила всѣ мои злополучїя.



ИСТОРІЯ
ДОННЫ
СЕРАФИНЫ, и АНТОНІЯ БЕЛЛУГИ.

Фамилія моя: Новега. Я происхожу изъ древняго дома сего Королевства: и когдабъ имѣла столько богатства сколько знатности въ природѣ, то можетъ быть была бы меньше несчастною, нежели нынѣ есмь. Я имѣла брата, которой очень много меня любилъ. Онъ мнѣ завсегда дѣлалъ ласки и угожденія. Посредствомъ его, наслаждалася я вольностію величайшею предъ той, которую обыкновенно имѣютъ дѣвицы въ Португаліи. Я часто видала одного изъ его друзей, именемъ Антоніо беллуга. Онъ рѣдко пропускалъ дни, чтобъ не быть въ нашемъ домѣ. Мой братъ любилъ его столь много; и онъ толико

лико дружбы показывалъ брату моему, что я считала иногда любовь соучастницѣю въ его посѣщенiяхъ. Напослѣдокъ, въ предтекущее время увидѣла я, что глаза его искали встрѣтиться съ моими, и что онъ испускалъ многiя вздохи, которые какъ будто мнѣ сказывали, что не одинъ мой братъ былъ причиною его частыхъ посѣщенiй. Сiя мысль ласкала меня прiятно. Образъ Дона Антонiя не имѣлъ ничего ненравящагося. Умъ его казался мнѣ любезнымъ, и наполненнымъ прiятностiю, которая нечувствительно обольстила мое сердце. Я ужѐ его любила, не зная онаго; а какъ начала я вѣрить, что онъ имѣлъ ко мнѣ склонность, то чувствовала, что буду въ смертельномъ отчаянiи естьли обманусь въ томъ. Я не знаю зналъ ли Донъ Антонiо то, что въ сердцѣ моемъ происходило; но только здѣлался онъ смѣлѣе и услужливѣе. Онъ говорилъ мнѣ нѣкоторыя рѣчи, которыя обнадежили меня, что я не обманывалася

валася. И хотя я притворялася не разумѣть оныхъ; однако чувствовала радость, къ сокрытїю которой, мнѣ трудно было преодолѣть себя.

Видъ, которой являла я, слушая Антонїя, вознамѣрилъ его обьявить мнѣ свои чувствованїя. Онъ надѣялся получа мое сердце, довольно имѣть власти надъ своею фамилїею, чтобъ привесть ее къ согласїю на его бракосочетанїе; и былъ увѣренъ, что братъ мой не отказался бы склонять на то отца моего; и такъ заключалъ онъ, что едва лишь будетъ имѣть любовь мою, то все его желанїя свершатся скоро. Какъ трудно ему было, говорить со мною на единѣ, и имѣть время изъясниться; то вздумалъ писать ко мнѣ. Въ одинъ день, стоя возлѣ него, избралъ онъ минуту, въ которую отецъ мой не имѣлъ обращенныхъ на меня глазъ, и взявъ у меня руку, положилъ въ нее бумажку. Я поняла, что это письму быть надлежало; но не смѣла

отказать его, бояся, чтобъ отецъ мой, естьли бы я оное принять противилася, того не примѣтилъ. Я положила его въ карманъ; и едва лишь очутилася одна, то и прочла его. Вотъ содержанїе онаго.

ПИСЬМО

Уже болѣе года, прекрасная Серафина, какъ я отъ любви умираю, и не смѣю изъясниться въ томъ. Двадцать разъ покушался я открыть вамъ мои чувствованїя; но столько же разъ боязнь потребляла рѣчь мою на устахъ моихъ. Я не могу удержать долѣе моего признанїя, что васъ обожаю. Простите мнѣ страсть, которую не возмогъ принудить къ молчанїю. Подумайте, каково есть мученїе для любовника, которой видитъ завсегда, то, что любитъ, а неможетъ изъясниться. Я лучше хочу умереть, естьли то надобно, отъ вашей несклонности, нежели отъ неизвѣстности въ коей нахожуся. Скажите мнѣ, прекрасная Сера-

Серафина, чего мнѣ ожидать должно: не лишите меня, хотя однимъ словомъ, вашего отвѣта. Я почту за ненависть ваше молчанїе; и мысль, быть отъ васъ ненавидимымъ, будетъ мнѣ стоить жизни.

Сїе письмо причинило мнѣ удивительное возмущенїе. Нѣтъ, ты не умрешь, говорила я, Антонїо. Это то рѣчи всѣхъ любовниковъ; но я не должна и не могу писать къ тебѣ. Ты употребляешь дружбу брата моего, мнѣ во огорченїе: имѣешь смѣлость изъяснять мнѣ, что меня любишь. Развѣ ты не знаешь, что я завишю отъ отца, и что сердце мое невластно отдать себя? однако, продолжала я, естьли не стану отвѣтствовать Дону Антонїю, то помыслитъ онъ, что я презираю его и не навижу. Сїе послѣднее помышленїе, безмѣрно меня опечалило: я не могла терпѣть, чтобъ онъ почелъ меня способною его ненавидѣть. Увы! неблагодарной былъ уже мнѣ очень дорогъ, а я искала сокрыть у са-

мой себя мою слабость, которой не могла уже сопротивляться. Я буду отвѣтствовать, говорила я, Дону Антонію, такимъ образомъ, что должность моя не будетъ тронута. Я дамъ ему знать, что требованіе его меня огорчаетъ, и что я не разрѣшаю его вольности. Моя любовь искала виду, которой бы могъ извинить поступки мои, и я старалася обманывать самое себя. Вотъ, отвѣтъ мой Дону Антонію.

ПИСЬМО

Требованіе ваше меня удивляетъ, и я не знаю, что могло ободрить васъ, и понудить писать ко мнѣ. Развѣ вы не знаете, что я завишю отъ отца, и что побѣда надъ сердцемъ моимъ, безъ его соизволѣнія безполезна вашему счастію? для чего же открывать мнѣ страсть, которую я ласкать не въ состояніи? вы угрожаете мнѣ вашею смертію; но я довольно человѣколюбива, чтобъ пове-

повелѣть вамъ живымъ остаться. Я васъ не ненавижу; и для чего быть вамъ мнѣ противнымъ? вы другъ брата моего, котораго я очень люблю. Онъ много разъ мнѣ сказывалъ, что вы достойны любви, и обладаете множествомъ добродѣтелей. Я вѣрила ему: и теперь еще вѣрю. Такъ это ли ненавидѣть васъ? правда: естьли вы впредь будете писать ко мнѣ, то можетъ быть помышлю я, что вы меньше скромны, нежели онъ обнадеживаетъ; но со всемъ тѣмъ, я не возмогу васъ ненавидѣть; и все то, чтобъ я здѣлала вамъ въ наказанїе, было бы: единое неотвѣтствованїе.

По написанїи сего письма, хотѣла я изодрать его. Оно казалося мнѣ очень нѣжнымъ. Какъ это, говорила я, естьли бы я Дона Антонїя любила, тобъ должна была писать къ нему таковымъ образомъ; но не имѣя ни какой склонности; какъ пошлю я къ нему, сей отвѣтъ? нѣтъ: надобно мнѣ инымъ образомъ ему изъ-

ясниться. Напослѣдокъ по долгомъ съ самой собою сраженіи, и по развертываніи много разъ письма, вознамѣрилася я отдать ему оное таковымъ, какъ было приготовлено. На завтрее, пришелъ онъ къ намъ въ домъ; и я, съ покраснѣвшимъ лицемъ, отдала ему письмо мое такимъ же образомъ, какимъ и онъ мнѣ свое вручилъ. Онъ пожалъ мнѣ руку, принимая оное; я и сама, не знаю какимъ то побужденіемъ, которое не въ моей было волѣ, у него пожала. Глаза его, являли мнѣ чувствуемую имъ отъ того радость, и удовольствіе; чтожъ до меня касалося, то была я въ такомъ замѣшательствѣ, и столь не вольна въ самой себѣ, что имѣла всѣ на свѣте трудности къ сокрыванію моего смущенія предъ отцемъ моимъ, которой съ минуту послѣ того, обратилъ взоръ свой на меня. Поѣдешъ ли ты, сказалъ онъ мнѣ, Серафина, къ вечерней молитвѣ? Я слышалъ отъ Дона Филиппа, что музыка будетъ очень хороша. Это правда, отвѣ-

чалъ

чалъ мой братъ, и я совѣтую сестрицѣ не пропустить онаго празднованія. глаза Дона Антонія, встрѣтившіяся въ сію минуту съ моими, склонили меня ѣхать въ Церковь. Я поняла, что онъ во многочисліи людей, которые тамъ будутъ, надѣялся имѣть способъ говорить со мною: по пробитіи шести часовъ я и поѣхала къ вечерней молитвѣ.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ моего прибытія въ церковь, Донъ Антоніо пришелъ, и сѣлъ возлѣ меня. Онъ разговаривалъ со мною во все время молитвы; и сердце мое не имѣло силы приказать ему болѣе не писать ко мнѣ. Онъ благодарилъ меня, нѣжнѣйшими и живностью преисполненными словами, за данное мною ему дозволѣніе, испрашивать меня у отца моего себѣ въ супружество, кое почиталъ онъ совершеннѣйшимъ себѣ благополучіемъ. По выходе изъ церкви, вручилъ онъ мнѣ письмо: я приняла оное, не смотря на предпринятое мною, за нѣсколько часовъ до сего случая, намѣреніе.

Сей, имѣющейся у меня съ Дономъ Антоніемъ, послѣдней разговоръ, окончилъ побѣждать всю мою гордѣливость. Ослѣпляющая меня завѣса, вдругъ упала: я познала, что люблю, и что любовь вкралася нечувствительно въ сердце мое. Пріѣхавъ домой, заперлася я въ мою горницу, и прочла Донъ Антоніево письмо. Онъ писалъ его, ѣхавъ въ церковь, крандашемъ, въ отвѣтъ тому, которое я передъ выѣздомъ ему вручила. Оное письмо было гораздо нѣжняе перьваго.

ПИСЬМО

Прекрасная Серафина. Естьли къ благополучію моему нужно только согласіе отца вашего, то я смѣю надѣяться, что счастіе мое будетъ совершенно. Онъ знаетъ мое имянованіе: знаетъ назначенныя мнѣ имѣнія, и конечно не откажетъ руку вашу; но коликобъ оная ни была для меня драгоцѣнна; то однакожъ, причинитъ мнѣ меньше удовольствія, естьли вы не

не обнадежите меня, что горячность Ваша не отъ повеленія родительскаго зависѣть будетъ. Дайте мнѣ услышать отъ самихъ васъ, что я вамъ непротивенъ. Хотябъ мнѣ отъ радости и умереть надлежало; однако не уничтожте сего моего желанія. Естьли нѣжная, горячая, и постоянная любовь, можетъ быть сего достойна, то вы должны изъявить мнѣ оное. Не бойтеся, чтобъ я возло употребилъ вашу милость. Сей только единой разъ буду я отъ васъ требовать, чтобъ вы сказали мнѣ, что я вамъ не противенъ.

Чево онъ хочетъ, говорила я, чтобъ я ему сказала? увы! то что я люблю его, больше нежели есть правда. Вольность моя изчезла. Сердце мое, воспитанное въ спокойствѣ и тишинѣ, терзается множествомъ скучливостей. Не самъ ли онъ знаетъ мою слабость? писала ли бы я къ нему такимъ образомъ, естьли бы любовь, сверьхъ воли моей, не управляла моею рукою? чего желать ему

болѣе? не можетъ ли онъ быть щастливъ, естьли не будетъ совершенно наслаждаться своею побѣдою? нѣтъ, продолжала я, онъ не получитъ того чемъ себя ласкаетъ. Вотъ мой къ нему отвѣтъ

ПИСЬМО

Я уже много здѣлала Донъ Антонїо, и вы неблагодарны. Я къ вамъ писала, да и еще пишу; чегожъ вы желаете болѣе? пишутъ ли когда нибудь къ такому, къ которому имѣютъ отвращенїе? вы надѣетеся по напрасну, чтобъ я вамъ болѣе на то сказала. Думайте что хотите; но непринуждайте меня признаться предъ вами въ томъ, что скрывать ищу. Я, начиная сїе письмо, хотѣла написать оное въ ваше наказанїе; но оканчивая его, нахожусь готовою извинить васъ. Простите. Думайте, ежели хотите, что я люблю васъ; я оное вамъ тогда скажу, когда отецъ мой ободритъ мои рѣчи.

Я считала здѣлать, Дону Антонїю, великой ударъ симъ отвѣтомъ. Я была столь предупреждена любовїю, что не знала болѣе силы словъ; и думала много здѣлать, не признаваяся, что столько же люблю, сколько и сама была любима. Донъ Антонїо, получа мое письмо, разсмотрѣлъ лехко всю живность чювствъ моихъ. Онъ увидѣлъ, что былъ справедливо любимъ; и думалъ только о полученїи согласїя отъ фамилїи своей, и отъ отца моего, на его бракосочетанїе. Но къ чему служитъ, продолжала Серафина, разсказывать мнѣ вамъ случаи, которыхъ воспоминанїе тѣмъ больше мнѣ мучительно, что причинили оне все мои несчастїя? и такъ, дозволте мнѣ вступить лехкимъ образомъ въ повѣствованїе несчастной части сей моей исторїи. Донъ Антонїо, тщетно ласкалъ себя получить согласїе отъ своей фамилїи. По трехъ мѣсячныхъ старанїяхъ и трудахъ, увидѣлъ онъ, что невозможно ему было склонить ее; и про-

проливая слезы, сказалъ мнѣ сїю горькую вѣдомость. Онъ имѣлъ способъ говорить со мною, потому что съ тѣхъ поръ, какъ началъ онъ стараться о полученїи меня въ супружество, я почитала его за супруга; и помощїю моей служанки, онъ приходилъ всякой вечеръ говорить со мною съ улицы. Я схаживала въ одинъ нижняго этажа покой; и изъ окна, могла съ нимъ разговаривать, не опасаясь чтобъ разговоръ нашъ былъ слышанъ. Онъ предложилъ мнѣ: меня похитить. Хотя я его любила много; однако не могла на то согласиться. Мы теряемъ себя, сказалъ онъ мнѣ, пустою нѣжностїю. Послѣдуя мнѣ, вы послѣдуете за супругомъ, которой васъ обожаетъ. Фамилїя моя, увидя что нѣтъ больше способа къ препятствованїю моему браку, будетъ принуждена на оной согласиться. Вашъ отецъ упуститъ вамъ проступокъ причиненной любовїю: а братъ, очень много имѣетъ ко мнѣ дружбы, чтобъ осудить дѣ-

ю, которое утверждаетъ благополучіе моей жизни.

Все то, что могъ говорить мнѣ Донъ Антоніо, не возмогло поколѣбать меня. Нѣтъ, отвѣчала я ему, какую ли любовь я къ вамъ ни имѣю; однако не могу возвамѣриться покинуть мою фамилію. Таковое предпріятіе изліяло бы стыдъ и на нее и на меня. Вы бы нѣкогда сами раскаялись о вступленіи въ супружество съ такою женщиною, которая имѣла малодушіе учинить таковой поступокъ. Употребили ли вы, продолжала я, все способы у своей фамимиліи? не одного ли изъ оныхъ не остаеться? я потерялъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, всю надежду. Не насытимая скупость моихъ родителей, не можетъ быть побѣждена. Они согласуються, что природа ваша, красота, и добродѣтель, стоятъ высочайшаго достоинства; однакожъ почитаютъ васъ не чрезвычайно богатою: и это для нихъ такой порокъ, которой не можетъ быть поправленъ. Такъ положите

же на меня, говорила я Дону Антонїю, вашу и мою судьбину. Утвердите мнѣ клятвою, продолжала я, что вы будете завсегда обо мнѣ помнить, и не здѣлаетеся невѣрнымъ. Чего вы отъ меня требуете, вскричалъ Донъ Антонїо. Ахъ! прекрасная Серафина, развѣ не можете вы безъ клятвы быть увѣрены о моемъ постоянствѣ? Я клянуся, продолжалъ онъ, любовїю вашею, и самими вами, что ни что не возможетъ вырвать васъ изъ моего сердца. Пусть, всѣ, вьмѣстѣ соединенныя несчастїя, отягчатъ меня, и Небо накажетъ мое клятвопреступленїе, естьли буду я когда нибудь невѣрнымъ. Довольно, сказала я ему. я знаю какъ здѣлаться намъ счастливымъ, и возвратить тишину въ наши сердца. Подите завтре въ одиннатцать часовъ, въ церковь С. Францыска; и тамъ моя служанка, подастъ вамъ отъ меня письмо, въ которомъ я назначу то, что вамъ дѣлать надобно. Донъ Антонїо, много меня принуждалъ сказать

сказать ему мое намѣренїе; но я просила его: сего отъ меня не требовать; и просила такимъ образомъ, что онъ не смѣлъ болѣе говорить мнѣ о томъ. Я все буду дѣлать, отвѣчалъ онъ мнѣ, по вашему повелѣнїю; однакожъ, подумайте Серафина, нѣтъ лутчаго способа, къ приведенїю фамилїю мою въ согласїе на наше бракосочетанїе, какъ общаго побѣга. Естьли способъ, сказала я ему смѣючись, которой я употреблю, будетъ не удаченъ, то тогда мы посмотримъ, будутъ ли полезнѣе ваши совѣты. По выходѣ отъ меня Дона Антонїя, я прїуготовляла все нужное къ исполненїю моего вымысла; и здѣлавъ служанку мою моею повѣренною, написала письмо, котороеотдала ей, для врученїя, Дону Антонїю.

ПИСЬМО

Естьли вы справедливо меня любите, то и я васъ люблю съ не меншею нѣжностїю; и часть, которую

торую избрала я для себя, будетъ вамъ въ томъ непреоборимымъ опытомъ. Мой отецъ хотѣлъ было меня сочетать бракомъ, и я принуждена бы была принять супруга, котором у бы не могла отдать сердца вамъ врученнаго. Вы были бы несчастливы, видя меня въ рукахъ совмѣстника; а я бъ еще больше была несчастливѣе, потерявъ возможность ощущать къ вамъ сердечную любовь, и быть принужденною чувствовать оную къ человѣку, причинившему бы мнѣ всѣ мои злополучїя. И такъ, желая сохранить, сердцу моему, прїятность любить васъ невинно во всю жизнь мою, пошла я въ учебной монастырь. Я небуду тамъ отяхчаема строгимъ законопредписанїемъ. Мнѣ завсегда можно будетъ говорить вамъ, что вы мнѣ дороже самой себя. Естьли хотя это не то великое счастїе, которое мы взаимно другъ другу обѣщали, то

однакожъ

однакожъ оно можетъ завсегда называться благополучіемъ для добродѣтельнаго сердца, которое въ отплату за любовь требуетъ только тойже любви. Старайтеся, получа письмо мое, принуждать себя, и не изъявлять никому, вашимъ отчаяніемъ, причинъ заставившихъ меня итти въ монастырь. Вы можете чрезъ два дни туда притти со мною видаться; а до тѣхъ поръ, имѣйте терпѣніе. Прости любезной Антоніо. Вы будете завсегда обладателемъ моего сердца; и дабы его для васъ сохранить оставляю я свѣтъ.

на другой день вошла я въ самомъ дѣлѣ въ монастырь. Начальница онаго была изъ моихъ родственницъ. Я поѣхала къ ней подъ видомъ препроводить съ нею утро; но лишъ только въ монастырь пріѣхала, то открыла ей мое намѣреніе о вступленіи въ монахини; и отписала къ отцу моему письмо, которое послала съ

монастырскою служанкою, увѣдомляя его въ ономъ о своемъ намѣренiи. Хотя онъ и много меня любилъ; однако не сожалѣлъ, что я избрала оную для себя часть. Не будучи гораздо богатъ, заключалъ онъ, что состоянiе, въ которое я вступаю, увеличивало, наслѣдственное имѣнiе брата моего, одною третью, послѣ меня остающеюся. Они оба ко мнѣ прiѣхали: отецъ мой совѣтовавъ, чтобъ я, прежде нежели исполню желанiе мое, хорошенько отомъ подумала, и увидя меня разположившеюся не выходить болѣе изъ монастыря, согласился оставить меня слѣдовать моей волѣ. Мой братъ старался также отвратить меня отъ моего намѣренiя; но не имѣя успѣху, согласовался съ родителемъ. Три часа послѣ вступленiя моего въ монастырь, было все столь тихо и спокойно въ моей фамилiи, что какъ будто ничего чрезвычайнаго не учинилось.

Между тѣмъ, Донъ Антоніо получилъ письмо мое. Онъ чаялъ умереть отъ скорби. Моя служанка мнѣ сказала, что она имѣла чрезвычайно великія трудности къ помѣшанію ему притти въ монастырь, и меня изъ онаго исторгнуть. Онъ хотѣлъ иттить, говорилъ онъ, просить обратно своея супруги. Онъ озлобился съ безмѣрною жестокостію противъ безчеловѣчія своей фамиліи. Моя служанка, подала напослѣдокъ разумѣть ему, что, естьли всѣмъ извѣстно будетъ о страсти, которую онъ ко мнѣ имѣлъ, то трудно ему будетъ имѣть со мною свиданіе. боязнь потерять меня, принудила его умѣрить свое озлобленіе. Слезы послѣдовали за его бешенствомъ; и я, услыша о его отчаяніи, почувствовола сердце мое пронзеннымъ тысячью ударами. Я готовилася, при перьвомъ съ нимъ свиданіи, утѣшить его наибольше сколь мнѣ возможно будетъ. Онъ не преминулъ притти

тить въ монастырь въ назначенной ему мною день; и имѣлъ столь плачевной и опустившейся видъ, что я почти раскаялася о причиненіи ему сея горести. Я боялася чтобъ онъ не повергся подъ тяжкимъ бременемъ своея скорьби. Послушайте меня, Донъ Антоніо, говорила я ему, и вы увидите себя меньше несчастливымъ, нежели думаете.

Письмо, которое я къ вамъ писала, увѣдомило васъ о причинахъ, кои ввели меня въ монастырь. Рано ли или поздо, мнѣ надлежало бы истребить васъ изъ моего сердца. Оставшись въ свѣтской жизни, отецъ бы мой сочеталъ меня бракомъ; такъ разсмотрите, не лучше ли вамъ видѣть меня монахинѣю, нежели въ рукахъ совмѣстничьихъ. Я имѣю вольность говорить съ вами безъ принужденія. Вы можете всякой день приходить сюда. Мы будемъ здѣсь меньше въ неволѣ и принужденіи нежели у отца моего. Я вѣдаю, что ваша любовь

не долженствуетъ болѣе ожидать кромѣ нѣжной и искренней дружбы; но когда бы я и въ свѣтской жизни осталася, то добродѣтель моя, завсегда бы вамъ таковыя же права предписывала. И такъ, разсмотрите, Донъ Антоніо, должны ли вы заключеніе мое почитать за несчастіе. Естьли сердце мое дѣлало ваше благополучіе, то вы завсегда равно счастливы, потому что я люблю васъ, и не отрекаюся въ томъ вамъ признаваться. Успокоевайте же вашу скорбь: возвратите тишину свою; и дайте мнѣ, какъ надъ собою такъ и надъ поведеніемъ вашимъ, столько власти, сколько я до сихъ поръ оной имѣла.

Вы хотите, отвѣчалъ мнѣ Донъ Антоніо, чтобъ я жилъ, и былъ спокоенъ; а отягчаете меня наилютейшими мученіями. Вы отнимаете у меня на всегда надежду быть вашимъ супругомъ. Я теряю васъ во время когда найтить надѣялся.

увы! почто судьбина соединила два сердца, не определя ихъ одно для другаго? бѣдственная жестокость рока! тщетное и мучительное сердецъ согласіе! наша взаимная горячность причинила намъ всѣ наши злополучія. не можно уже перемѣнить сего, прекрасная Серафина, продолжалъ онъ. Я самъ послѣдую вашему примѣру: оставлю свѣтъ, и убѣгу отъ сребролюбивой фамиліи, которую проклинаю. Я вамъ оное запрещаю, сказала я ему: я хочу чтобъ вы, ни состоянія ни достоинства не перемѣняли. Ваши причины имѣютъ съ моими разность. ничто не можетъ принудить васъ вступить въ обязательство, могущее отнять у меня ваше сердце. Вы имѣя вольность не вступать въ бракосочетаніе, можете остаться на свѣтѣ, и сохранить мнѣ вашу вѣрность, утвержденную клятвою.

Я имѣла нѣкоторую трудность, продолжала Серафина, получить

получить отъ Дона Антонія то, чего желала; но наконецъ, онъ согласился на все то, чего мнѣ хотѣлось. Я успокоила мало по малу умъ его. два мѣсяца послѣ вступленія моего въ монастырь, онъ былъ доволенъ принятою мною частію. Онъ приходилъ всякой день къ решеткѣ со мною видѣться. Въ оном монастырѣ, какъ вы видите, наслаждаются большею вольностію; и я могла, безъ принужденія, признаваться Дону Антонію, что его любила. Неблагодарной казался въ оное время стоить моей слабости; и я клялася бы, что онъ платилъ любовь мою наичювствительнѣйшею благодарностію. Мое счастіе продолжалося два года; но восемь дней назадъ, узнала я, что Донъ Антоніо былъ невѣренъ. Онъ измѣнилъ мнѣ для одной молодой старицы сего монастыря, съ которою, нѣсколько мѣсяцовъ назадъ, познакомился. Я не вѣдала его тайности, и ни когдабъ ее не знала, естьли бы

сїе заплутавшееся письмо, которое прошу васъ прочитать, но открыло мнѣ его измѣны.

ПИСЬМО

Я не знаю на что вы жалуетесь. естьли не чаще съ вами видятся; то вините въ томъ необходимость требующую притворствовать и не ввѣряться примѣчателямъ. Вы виновны завидуя судбинѣ Серафининой. хотябъ она была любима; однако я осмѣлюсь вамъ сказать, и клясться, что и вы не меньше ее любимы. Вѣрьте въ томъ человѣку которой во всю свою жизнь, упражнялся въ искренности.

ДОНЪ АНТОНІО

Смотрите, продолжала Серафина, возможно ли простирать далѣе безстыдїе и невѣрность. Неблагодарной клянется, что меня любитъ; а то же говоритъ другой

другой: онъ еще больше дѣлаетъ: почитаетъ меня за безпокойнаго шпіона; но я свиданіе съ нимъ, навсегда нарушила: онъ не будетъ болѣе насмѣхаться моему легковѣрію. Съ тѣхъ поръ, какъ я открыла его невѣрность, онъ приходилъ два раза съ желаніемъ меня видѣть; я ему постоянно въ томъ отказала. Онъ не не знаетъ, что проступокъ его мнѣ извѣстенъ; однако я нехочу подавать ему веселіе утѣшаться моимъ отчаяніемъ. Я отослала къ нему нынѣ одно изъ его писемъ, не хотя прочесть оное; и сказала принесшему его ко мнѣ слугѣ, что я ни какихъ переписокъ, съ его господиномъ, болѣе имѣть не желаю. Вотъ, господинъ Маринеро, причина моей печали. Я все оставила, для сохраненія моего сердца неблагодарному; но смотрите какой плодъ отъ того собираю.

Слезы Серафинины, помѣшали ей продолжать свои жалобы: рыданія, перервали рѣчи ея. Я былъ

тронутъ ея состоянїемъ: ее несчастїя, мои мнѣ напомнили. Не благополучныя сердца гораздо удобнѣе тронуть, нежели тѣ, которыхъ ласкаетъ счастїе. Въ чуждыхъ злополучїяхъ, утѣшаются облехченїемъ своихъ собственныхъ. Я старался уговаривать Серафину. Мнѣ казалося, что Донъ Антонїево письмо было написано двоякимъ разуменїемъ, и что въ содержанїи онаго, причиняющаго неудовольствїе, могло быть больше заблужденїя нежели невѣрности. Я спрашивалъ Серафины, какимъ случаемъ письмо сїе попалось въ ея руки. Тотъ, отвѣчала она мнѣ, которому поручили отдать его Доннѣ Розалинѣ, ошибся. Какъ онъ приношивалъ ко мнѣ письма, то думалъ, что и оное мнѣ вручить надлежало. Онъ, ни имени ни надписи написанной господиномъ его, не примѣтилъ. Я не могу вамъ точно сказать, какъ это приключилося; но только подлинно вѣдаю, что письмо писано Донъ

Анто-

Антонїевою рукою, и надписано къ Доннѣ Розалинѣ.

Дозволите ли мнѣ, сказалъ я Серафинѣ, донесть вамъ то, что я думаю о семъ приключенїи? мнѣ кажется, что Донъ Антонїо меньше виновенъ, нежели вы заключаете. Письмо его не столь яснымъ мнѣ кажется, сколь вы о немъ воображаете. Изъяснитеся съ нимъ: терпите, чтобъ онъ могъ оправдать себя. Да что можетъ онъ сказать, отвѣчала Серафина, для извиненїя своей невѣрности? я не знаю что онъ скажетъ, отвѣчалъ я; но только почитаю его меньше виновнымъ, нежели вы думаете. Ахъ! Естьли бы была правда, вскричала Серафина, и когдабъ Донъ Антонїо виноватъ не былъ...... Но нѣтъ: я имѣю непреоборимые тому опыты; и по толь недостойной его измѣнѣ, не должна имѣть слабости простить его. Я его не увижу; и не могу, господинъ Миринеро, слѣдовать вашему совѣту.

Сколь, Донна Серафина, ни была намѣрена не видѣть болѣе Дона Антонія; однакожъ я столь сильно изображалъ, что ей, для своего удовольствія, прежде нежели оставить своего любовника, справедливые опыты о его не вѣрности имѣть надлежало, что она склонилася на мои разсужденія, и согласилася къ нему писать. Я взялся отдать ему оное письмо и помогать въ изъяснении сея тайности.

Серафина не раскаялася о слѣдовании моимъ совѣтамъ. Любовникъ ее былъ вѣренъ; а одна только дружба, которую онъ имѣлъ къ Графу Порто, причинила его несчастія. Оной Графъ издавна былъ влюбленъ въ Донну Розалину, и принужденъ наблюдать великія осторожности. Его родители, знающіе о его страсти, были въ отчаяніи, что она, многіе благополучныя для него возстановленій, уничтожила. Онъ не могъ видѣть толико часто свою любезную Розалину, колико

ему

ему желалося. Она жаловалася о томъ Дону Антонію, которому Графъ Порто здѣлалъ повѣренность въ своей любви, и написала къ нему слѣдующее письмо.

ПИСЬМО.

Я посылаю вамъ, Донъ Антоніо, письмо къ Графу. Я боюсь что не неполучилъ ли онъ последнее мною писанное, на которое ни чего мнѣ не отвѣтствовалъ. Я въ смертельномъ отчаяніи. Уже шесть дней какъ я его не видала. Неблагодарной не любитъ меня болѣе: я въ томъ увѣрена. Увы! для чего онъ не такъ постояненъ, какъ вы? Сколь бы я была счастлива, естьли бы была любима въ половину противъ Серафины.

Донъ Антоніо, показывая письмо Донны Розалины, получилъ лехко прощеніе; и я возвратилъ спокойствіе и тишину въ сердца сихъ двухъ любовниковъ. Но ахъ! мое безпрестанно было

было терзаемо печалїю. Напоминовенїе, о моей дражайшей Анезинѣ, возобновляло завсегда скорбь причиняющуюся ея отдаленїемъ. Я былъ изнуренъ подъ бременемъ моей горести. Донъ Антонїо, съ которымъ я познакомился, и которой, по примиренїи съ Серафиною, ощущалъ ко мнѣ много дружбы, примѣтилъ мою печаль. Онъ спросилъ меня о причинѣ оной съ столь прїятнымъ видомъ, что мнѣ показалося не должнымъ, скрывать отъ него мои несчастїя. Онъ вошелъ въ оныя, и утѣшалъ меня наилучше сколь ему возможно было. Надобно, говорилъ онъ мнѣ, стараться вамъ веселить себя, и удалить отъ вашего ума память прошедшихъ вашихъ злополучїй. Я вамъ не присовѣтую позабыть на всегда Анезину. Я знаю, что насилїе сїе не можетъ быть съ успѣхомъ; однакожъ, старайтеся дѣлать употребленїе изъ вашего разума. Разсуждайте, что вамъ не возможно обладать вашею любовницѣю

ницѣю. Считайте ее какъ будто уже умершею. Напоминавенїе о ней, превозносите подобно оставшейся единой тени. Анезина, въ разсужденїи васъ, во гробѣ пребываетъ. Союзы, кои присоединяютъ ее къ своему супругу, отдѣляютъ ее отъ васъ столько, сколько смерть отдѣлить можетъ. Въ вещи, къ полученїю которой не имѣютъ болѣе никакой надежды, можно лехко себя утешить. Думаете ли вы, чтобъ ваши мученїя были полезны вашей любительницѣ? Она ихъ не знаетъ; а хотябъ и знала, тобъ они ни къ чему болѣе не служили, какъ ко умноженїю таковыхъ же ей. И такъ, забудьте страсть, которая причиняетъ вамъ всѣ несчастїя. Начните жить по прежнему. обходитеся съ друзьями вашими: живите съ ними: употребляйте дни, Небомъ вамъ данныя, на какоэ нибудь полѣзное упражненїе; и не уязвляйте теченїе вашей жизни пустыми

сожалѣніями, немогущими перемѣнить вашей судьбины.

Я сперьва мало пользовался Донъ Антоніевыми совѣтами. Рана моя была очень велика, чтобъ я могъ укрѣпить себя такъ скоро. Въ послѣдующее время, они здѣлали больше дѣйствія надъ моимъ сердцемъ: Хотя и не возвратили спокойствія, но по крайней мѣрѣ утишили движенія бѣшенства, коими оно было часто волнуемо. Уныніе, смѣшенное съ задумчивостію, наслѣдовало моему отчаянію. Донъ Антоніо, которой, не смотря на свою природу и достоинство, почиталъ меня за искренняго друга, употребилъ въ пользу мое состояніе. Вамъ бы должно, говорилъ онъ мнѣ, удалиться отъ Гишпаніи. Мадритская окресность вамъ вредительна. Она содержитъ огонь, которой совершенно погаснетъ едва лишь вы переѣдете Пиринейскія горы. Я знаю, что ваше имѣніе и фортуна, не дозволяютъ вамъ спокойно путешество-

шествовать; однакожъ, естьли вы вознамѣритеся ѣхать во Францію, то я познакомлю васъ съ однимъ изъ моихъ друзей, котораго, одно приключеніе, принуждаетъ предпріять сей путь, и которой, радуяся имѣть такого товарища, какъ вы, всевозможные благосклонности вамъ оказывать будетъ. Вы будете больше другъ его нежели присвоенникъ. Вознамѣртеся; продолжалъ Донъ Антоніо. Другъ мой завтре на разсвѣтѣ отъ ѣжжаетъ. Онъ спрятанъ въ замкѣ отдаленномъ на две мили отъ Лиссабоны. Я въ нынѣшнюю ночь, поѣду съ нимъ проститься, и васъ могу взять съ собою. Я принялъ Донъ Антоніево предложеніе, и согласился ѣхать во Францію. Другъ, говорилъ онъ мнѣ, которому я васъ препоручить хочю, есть одинъ изъ наибогатѣйшихъ Португальскихъ велможъ, а именно маркизъ де Говего. Я очень удивлялся Донъ Антоніевымъ рѣчамъ. Какъ! отвѣчалъ я, это маркизъ де Говего, съ которымъ

я буду путешествовать? А какая же тому причина, что онъ Португалію оставляетъ? одинъ случай, сказалъ онъ мнѣ, которой съ нимъ, дни за два, приключился. Его почитаютъ уже гораздо отдаленнымъ; и онъ на всегда бы былъ потерянъ, естьли бы знали, что онъ еще въ королевствѣ. Я просилъ Дона Антонія извѣстить меня о приключеніи маркиза де Говего. тотчасъ отвѣчалъ онъ мнѣ, я вамъ о немъ разскажу.



ИСТОРІЯ

ИСТОРІЯ
О
МАРКИЗѢ
ДЕ
ГОВЕГО.

Вы знаете Донну Мендозу де блуензу. Она то причиняетъ побѣгъ и несчастія Маркизу де Говего. Съ самой нѣжной молодости, онъ любилъ сію женщину. Его родители препятствовали сей страсти. Они почитали Донну Мендозу маловажною для него долѣю. Великія имѣнія, которые Маркизъ долженствовалъ нѣкогда наслѣдоватъ, дѣлали его браку помешательство. онъ никогда не могъ смягчить отца своего; и Донна Мендоза вступила въ супружество съ графомъ де блуэнза. бракъ не истребилъ въ ея сердцѣ во-

спаленныхъ Маркизомъ де Товетомъ огней. Она завсегда напоминовенїе о немъ драгимъ почитала. Любовникъ ее, восхотѣлъ пользоваться настоящимъ ея состоянїемъ. Онъ удвоилъ свои ей услужливости. Вольность, которую сїи два любящїяся, при дворѣ имѣли будучи прилѣплены къ оному должностїю, подавала имъ тысячу случаевъ къ безопасному, между собою, свиданїю. Они, минуты столь драгоцѣнныя, въ пользу употребляли, и искавъ продолженїя оныхъ, для взаимнаго многихъ часовъ препровожденїя, подкупили живущаго во дворѣ лакѣя. Маркизъ и Донна Мендоза, подъ видомъ прїѣзда ко двору, прїѣжжали въ его горницу, и тутъ, будучи ни отъ кого не свѣдомы, пребывали спокойны, и не опасались ни какого приключенїя.

Оныя свиданїя продолжалися нѣсколько мѣсяцовъ; но третьего дни, Маркизъ и Донна Мендоза

Мендоза, будучи, повидимому, нѣсколько утомлены любовными упражненіями, и отягощены лѣтнимъ жаромъ, уснули въ лакеѣвой горницѣ. Настала полночь: они проснулися, и пришли въ болшее удивленіе, видя, что спали пять или шесть часовъ сряду. Маркизъ побѣжалъ къ воротамъ посмотрѣть, дожидается ли еще карета Донны Мендозы. Онъ увѣдомился, что мужъ ее будучи въ нетерпѣливости, пріѣжжалъ самъ во дворецъ искать своей жены, и что не нашедъ ее, приказалъ кучеру домой возвратиться. Маркизъ сказалъ сію печальную вѣдомость своей любительницѣ, которая, зная ревнивой нравъ своего мужа, поняла вскорѣ, что была потерянною. Отчаяніе ее гораздо болѣе прибавилось, когда увѣдала она, что мужъ ее ужѐ зналъ что видѣли ее, при выходе изъ королевиной галлереи, провожаему графомъ де Говего. Сохраните мнѣ жизнь мою, говорила она ему, любезной Маркизъ

кизъ. Сыщите мнѣ способъ оставить Португалію, и убѣжать во Францію въ монастырь. Я по всюду за вами послѣдую, отвѣчалъ Говего, и самъ готовъ отвесть васъ во Францію. Я, слѣдуя за вами, оставляю мое отечество безъ сожалѣнія. будучи доволенъ счастіемъ васъ видѣть, пребуду благополученъ, находясь вмѣстѣ съ вами.

Сіи два любящіяся, взявъ намѣреніе ѣхать во Францію, сочли; что въ разсужденіи извѣстнаго ихъ приключенія, надлежало имъ не мѣшкавъ помышлять о своей безопасности. Они имѣли довольно во мнѣ повѣренности, чтобъ попросить меня имъ помочь въ ихъ проступкѣ, и приѣхали ко мнѣ въ часъ по полуночи. Лишъ только я узналъ о состояніи, въ которомъ они находилися, отвезъ ихъ въ одинъ принадлежащей мнѣ замокъ, гдѣ мнѣ лехко было и отъ всего свѣта ихъ сокрыть. Въ городѣ и при дворѣ, разговариваютъ о сихъ

двухъ любовникахъ сумнительнымъ образомъ: одни говорятъ, что они моремъ отправились: другïе, что поѣхали по Мадритской дорогѣ. Между тѣмъ, я велѣлъ приготовить подставныхъ лошадей по глухимъ дорогамъ; и въ меншее, дватцети четырехъ часовъ, время, выпровожу ихъ вонъ изъ королевства.

Графъ де Блуенза, кажется мало тронутъ отъѣздомъ своея супруги. Онъ притворился, по тщеславïю, не желать того, чтобъ писменно повелѣли остановить ее; но со всемъ тѣмъ я, всѣ нужные взялъ предосторожности, для совершеннаго сокрытïя ея убѣжища. Я поѣду, лишъ только настанетъ ночь, къ симъ любовникамъ: и когда вы вознамѣрилися быть имъ товарищемъ, то препоручу васъ самъ Маркизу де Говего.

Я послѣдовалъ за Донъ Антонïемъ, и былъ доволенъ приемомъ учиненнымъ мнѣ Маркизомъ де Говегомъ. Онъ казался мало тронутымъ

тымъ о оставленіи своего отечества. Донна Мендоза, занимала мѣсто всѣхъ для него благополучій. Чтожъ до нее касается: стыдъ имѣлъ болѣе участія въ ея скорби, нежели вѣчное изгнаніе, на которое она была осуждена. Веселіе, слѣдовать за своимъ любовникомъ, и оставить мужа, съ которымъ сочетаться бракомъ по неволѣ ея заставили, награждало ея потерю; но разговоры, кои будутъ о ея побѣгѣ, дѣлали ей отягощеніе. Видно было, что она, между веселіемъ быть въ волности съ Маркизомъ, и преступленіемъ оставляя мужа, была колеблема. Какъ жизнь ея зависѣла отъ побѣгу, то она оной напослѣдокъ предпріяла, и утѣшилася, горячностію своего любовника, о потерѣ своея славы. Это правда, что естьли наинѣжнѣйшая и искреннѣйшая любовь, можетъ занимать всего мѣсто, то Донна Мендоза обрела, все то, что потеряла, въ Маркизѣ де Товего.

Сіи

Сїи два любовника приѣхали благополучно во Францїю. Я жилъ нѣсколько времяни съ ними въ Парижѣ не бывъ освобожденъ отъ моей меланхолїи, и завсегда упражняемъ напоминовенїемъ о моей прекрасной Анезинѣ. Напослѣдокъ, будучи терзаемъ мученїями причиненными мнѣ ея отсутствїемъ, и дѣлая тщетные опыты къ возобновленїю моей вольности, вознамѣрился я возвратиться въ Ишпанїю, и умереть у ногъ дражайшей моей Анезины. Я просилъ Маркиза де Говего о соблаговоленїи на отъѣздъ мой въ Мадритъ. Онъ удивился моему намѣренїю. О чемъ вы думаете, говорилъ онъ мнѣ. разумъ ли вы потеряли? отдаться ли вы хотите вашимъ наижесточайщимъ неприятелямъ? Думаете ли вы, чтобъ Графъ Пизано, Клара, и супругъ Анезининъ, не разставили сѣтей для васъ? будутъ ли они терпѣть, чтобъ вы возмутили спокойствїе ихъ фамилїи? истребите напоминовенїе опаснаго пред-

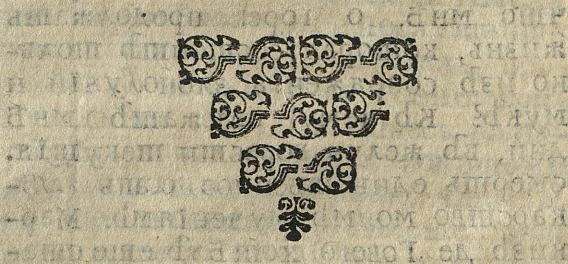
пріятія. Остантесь вЪ ПарижѢ. Кто можетЪ повелѢть вамЪ изЪ онаго выѢхать? кто можетЪ принудить васЪ погрузиться вЪ величайшія несчастія? Почему вы знаете, что Анезина кЪ вамЪ не переменилася? Кто можетЪ обнадежить васЪ, что вы завсегда пребываете вЪ ея сердцѢ? можетЪ быть она васЪ уже и позабыла. ДобродѢтель, должность, отсутствіе, все долженствуетЪ устрашать васЪ, чтобЪ ея мысли не перемѢнилися. Послушайте меня, любезной Піетроваль, продолжалЪ МаркизЪ де Говего: принуждайте себя, остантесь вЪ ПарижѢ; и пользуйтесь совѢтомЪ друзей вашихЪ. Я знаю, что вы сЪ трудностію пріемлете мои разсужденія: вѢдаю всю любовную власть надЪ чювствительнымЪ сердцемЪ; и вхожу вЪ ваши сокрушенія; однакожЪ, опасности, которымЪ, какЪ вижу я, вы себя предадите, не оставляютЪ мнѢ вольности, ни сокрыть предЪ

вами то, что думаю, ни изыскивать смягчить оную.

Всѣ разсужденія Маркиза де Говего, не могли перемѣнить моего хотѣнія. Намѣреніе въ томъ уже предпринято, отвѣчалъ я ему. когда надобно, чтобъ умеръ я въ Парижѣ отъ мученія, такъ лучше желаю я умереть въ Мадритѣ подъ ударами моихъ неприятелей, и видѣть еще разъ мою дражайшую Анезину. Ни что не можетъ меня остановить. Почто мнѣ, о горе! продолжать жизнь, которая состоитъ только изъ сопряженія злополучий и мукъ? къ чему служатъ мнѣ дни, въ желчи горести текущія. смерть единственное есть лѣкарство моимъ мученіямъ. Маркизъ де Говего хотѣлъ еще стараться отвратить меня; но видя, что ни чего не выигрывалъ надъ моимъ упрямствомъ, такъ я васъ прошу, говорилъ онъ мнѣ, принять то, чемъ вамъ помочь можно въ вашемъ путешествіи. Онъ мнѣ подарилъ сто пятдесятъ

сятЪ пистолей, кои, такЪ сказать, принудилЪ меня принять насильно, и далЪ мнѢ письма кЪ одному изЪ своихЪ друзей, которой оказалЪ мнѢ вЪ МадритѢ великiя услуги.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ



СЧАСТ-

СЧАСТЛИВОЙ ФЛОРЕНТИНЕЦЪ,

или

ЖИЗНЬ ГРАФА ПІЕТРО ДЕ ЛА ВАЛЛЕ

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

Я имѣлъ много желанія свидѣться съ Анезиною, чтобъ быть долго въ дорогѣ. Я пріѣхалъ въ Мадритъ двенатцать дней послѣ отъѣзда изъ парижа. Мое перьвое стараніе было: освѣдомиться о моей прекрасной любительницѣ: я чрезвычайно уди-

удивился, узнавъ, что мужъ ея, за два мѣсяца назадъ, умеръ, и что она уединилася въ монастыре, гдѣ долженствовала постричься, и тамъ навсегда остаться. Сія вѣдомость показалася мнѣ весьма удивительною: я столь былъ тронутъ, слыша, что Анезина была вольна, что я тогда инаго не воображалъ, кромѣ того, что меня пріятно ласкать могло; но когда начиналъ я размышлять, что она будетъ старицѣю, и что навсегда ее теряю, то впадалъ въ мое прежнее состояніе. Что такое! вскричалъ я, не для того ли только фортуна ласкала меня нѣсколько времяни, чтобъ погрузить опять въ наимучительнѣйшія злополучія? какое же это варварство моего рока, когда надобно, чтобъ блескъ, показывающагося мнѣ счастія, служилъ только къ приращенію моей муки.

Мои сожалѣнія еще болѣе приумножилися, когда мнѣ сказали что Анезина претерпѣвала много отъ своего мужа, и что, однакожъ,

всена-

всенародно была похваляема, за свои порядочныя поступки. Я не сумнѣвался, чтобъ злая Клара не искала отмщенія надъ своею сестрою, объявяея мужу страсть, которую я, къ ней имѣлъ. Я винилъ себя будучи причиною всѣхъ несчастіи моей дражайшей Анезины, это я, говорилъ, которой навлекъ на нее ненависть отъ ея мужа; и которой, можетъ быть, принуждаетъ ее избирать впредь приемлемую ею часть. По среди сихъ печальныхъ мыслей, остатокъ чувствуемой мною надежды помѣшалъ мнѣ отдаться со всемъ моему отчаянію. Я чаялъ, что естьли бы мнѣ можно было говорить съ Анезиною, тобъ перемѣна моей фортуне не была невозможною. Я освѣдомился о монастырѣ, въ которой она вошла; и вознамѣрился сыскать способъ, съ нею свидѣться такъ, чтобъ она не скоро меня узнать могла, дабы перьвое ея изумленіе не измѣнило моей тайны.

Я

Я переодѣлся въ монашеское платье, и пошелъ къ решеткѣ объ ней спрашивать. Я не былъ счастливъ въсемъ первомъ предпріятіи: привоготница мнѣ отвѣтствовала, что Донна де Санъ Фуего уже два дни назадъ заключилася; и что прежде окончанія осмины къ решеткѣ не придетъ. будучи въ отчаяніи о столь дурной удачѣ и о неимѣніи разговора съ моею прекрасною любительницѣю, жаловался я на ее благоговѣніе: злобился на монастырь и на всѣхъ монах нь; и впалъ въ мою обыкновенную горесть. Время Анезинина заключенія, препроводилъ я только въ стенаніи. какъ это! говорилъ я, она еще не старица, а уже вдалася въ величайшее благоговѣніе. Несчастія конечно, обратили сердце ее къ молитвѣ. будучи отягощена злополучіями и суетами въ свѣтѣ, склонность ко уединенію предупредила ее желаніе къ монастырской жизни. Ахъ! продолжалъ я, для чего разумъ не имѣетъ, столько надо

мною сколько надъ Анезиною силы? я вѣдаю, что мнѣ надобно гораздо болѣе любить нежели самому любиму быть, потому что меня забыть можно, но мнѣ не возвратить моего спокойствія.

Лишь только время заключенія Анезинина, миновалося, пошелъ я опять въ монастырь. Какъ при перьвомъ моемъ туда приходѣ, примѣтилъ я, что у решетокъ людей было мало, и по большой части были онѣ пусты, то не разсудя переодѣваться, я и не надѣлъ монашескаго платья: но какое было мое удивленіе когда пришедъ въ монастырь, услышалъ я, что Анезина находилася въ церьквѣ, гдѣ уже совершаютъ надъ ней таинство постриженія. По полученіи сей плачевной вѣдомости, потерялъ я употребленіе моихъ чювствъ: здѣлался неподвижнымъ; и уже не инако какъ спустя нѣсколько минутъ, почювствовалъ въ себѣ довольно силы иттить въ церьковь. Я нашелъ оную наполнену людьми. Одинъ проповѣдникъ говорилъ про-

повѣдь предслѣдуемую совершенїю пострижения. Анезина, убранная великолѣпно, и украшенная подобно животному приуготовленному въ жертву на заколенїе, сидѣла возлѣ решетки. Я не могъ продраться сквозь кучу людей, чтобъ подойтить къ ней ближе, и былъ принужденъ дожидаться окончанїя проповѣди. Какїя движенїя не происходили въ моемъ сердцѣ! какою скорбїю не былъ я волнуемъ въ оное время, устремивъ глаза непоколебимо на Анезину! сїе то, говорилъ я, суть концемъ ея плачевному заключенїю, ахъ! естьли бы я могъ говорить съ нею прежде нежели она уединилася въономъ, то можетъ быть перемѣнила бы она свое намѣренїе. Она была въ вольности: ни отъ кого не зависѣла. Для чего бы ей не восхотѣть вручить мнѣ свое сердце и руку, которую отецъ ее, не имѣлъ болѣе въ своей власти? несчастливъ я! живучи тщетно въ Парижѣ. безчеловѣчной Маркизъ де Говего, колико твоя дружба и твое предвидѣ-

видѣніе мнѣ злополучны! мнѣ не остается болѣе надежды, и мой жестокой рокъ, дабы увеличить всѣ мои мученія, возвратилъ меня въ Мадритъ; только для того, чтобъ я былъ свидѣтелемъ церемоніи, которая свершаетъ мои несчастія.

Во время моихъ печальныхъ размышленіи, проповѣдникъ окончалъ свою проповѣдь, и въ церькве народъ началъ шевелиться, посредствомъ чего имѣлъ я способъ приближиться къ олтарю, предъ которымъ, повежренная Анезина долженствовала начинать приносить клятвы, кои насъ, другъ отъ друга, разлучатъ на вѣки. Она была въ готовности выговаривать сій, плачевныя нашему благополучію, слова, какъ я, небывъ болѣе обладателемъ моей скорьби, упалъ въ безпамятствѣ. Шумъ, которой люди, поспѣшающія мнѣ помочь, причинили, понудилъ Анезину обратить взоръ свой на мою сторону. Едва лишь она меня узнала, то скорбь и удивленіе

вленіе, привели ее въ равное моему состояніе. Она упала, и потеряла чювства. Думали, что жаръ, причиненной множествомъ находящагося въ церквѣ народа, привелъ ее въ оное состояніе. Ее вынесли вонъ изъ церкви и церемонія прервалася. Дожидалися, чтобъ она совершенно пришла въ память; и потомъ хотѣли окончить церемонію; но въ какое пришли удивленіе зрители, священники, и монахи, когда Анезина опамятовавшись, сказала вдругъ, и съ не малою крѣпостію, что она намѣреніе свое перемѣнила, и не помышляла болѣе о постриженіи. Сказали священнику, долженствуещему принимать отъ нее клятвы, сію вѣдомость, которая вскорѣ по всей церкве пронеслася; и я, лишь только оную услышалъ, то почювствуемая мною отъ того радость, возвратила спокойство моимъ чювствамъ. Ни кто, по счастію, не узналъ меня въ церквѣ. Клара, и отецъ Анезининъ, не хотѣли быть при оной церемоніи, для

того

того что Анезина, постригалася противъ воли всей своей фамиліи, которая хотѣла, чтобъ она опять вступила въ супружество съ однимъ господиномъ, которой природою и имѣніемъ, превосходилъ перьваго ея мужа.

Я вышелъ изъ церкви въ гораздо отмѣнномъ состояніи предъ тѣмъ съ которымъ вошелъ въ нее. Все заставляло меня надѣятся быть счастливымъ. естьли бы Анезина, говорилъ я, не зберегала мнѣ свое сердце, то по что бы ей вдругъ перемѣниться въ намѣреніи, меня увидя? Почтобы быть смущенною? для чего бы, на послѣдокъ, возжелать ей вступить въ состояніе, которому она себя предать хотѣла? все меня увѣряетъ, что безнадежность со мною видѣться, склонила ее здѣлаться монахинею; а познавъ, что я могъ ей принадлежать, и перемѣнила свое намѣреніе.

будучи преисполненъ сими пріятными мыслями, покушался я иттить просить дозволенія говорить съ Анезиною; Но уразумѣвъ, что ни время, ни случай, къ тому

му не способствовали, и что большею невоздержностїю, могу вредить мое благополучїе, отложилъ до завтрешняго дня; къ уничтоженїю же всѣхъ подозренїи, выдумалъ я одинъ способъ, котораго исполненїе было удачливо.

Я пошелъ къ одному купцу, у котораго купилъ многїя, изъ разнаго каменья, вещи, часы, табакерки, и протчїя. симъ подобныя для щегольства уборы. Я склонилъ его, чтобъ, давъ ему нѣкоторую сумму денегъ, взялъ онъ назадъ все тѣ покупки, кои я ему отдать пожелаю. Совершивъ сїе, понесъ я ихъ самъ, разложа хорошенько въ коробочкѣ, въ монастырь, я едва лишь пришелъ къ решедкѣ, то любопытство привело вскорѣ многихъ ко мнѣ монахинь, и другихъ живущихъ тутъ на своемъ содержанїи учениць. Анезина не показывалася, и я началъ ужѐ терять надежду ее видѣть, какъ одна молодая ученица, увидя хорошїя часы, просила меня дать ей ихъ разсмотрѣть. разсмотря съ прилежанїемъ, повѣрите ли вы, говорила она, мнѣ ихъ на минуту

нуту. Я хотѣла бы ихъ показать одной женщинѣ, которая можетъ купить, естьли онѣ ей понравятся; а я сумнѣваюся, что бы кто нибудь изъ насъ, кромѣ ее, имѣли довольно денегъ, для покупки оныхъ, которыя думаю очень дороги. Я тотчасъ помыслилъ, что женщина, о которой ученица говорила, не могла быть другая кромѣ Анезины. Вы можете, отвѣчалъ я ученицѣ, держать у себя часы столько времени, сколько вамъ угодно; но я одолженъ бы былъ вами, естьли бы вы сію даму сюда привести изволили; будучи столь богата, какъ вы о ней сказываете, я не сумнѣваюся чтобъ она у меня и многія вещи не купила. Я пойду, отвѣчала молодая дѣвица, показать ей ваши часы; и вы можете быть обнадежены, что не отъ меня зависѣть будетъ, чтобъ она не пришла сама покупать у васъ вещи, кои ей понравятся.

Я не замѣшкался почувствовать дѣйствіе данныхъ мнѣ молодою ученицею обѣщаній. Анезина

зина

зина пришла съ нею вмѣстѣ. Она казалася весьма печальною, и опустившеюся. Она послѣ мнѣ сказывала, что наивеличайшее ее безпокойство состояло въ сыскании способа узнать о мнѣ, и о себѣ дать извѣстие. Не смотря на мое преобращение, она скоро меня узнала, и усиливалася не оказать монахинямъ своего смущения, которое столь искусно сокрыла, что я почелъ ее: меня не узнающею; однако вскорѣ увидѣлъ сему противное.

Я имѣлъ на пальцѣ перстень, которой она мнѣ дала въ плачевной день моего, въ Лиссабонъ, отъѣзда. Вы имѣете на вашей рукѣ, говорила она мнѣ, хорошей камень. Не хотите ли его продать? Все то, что есть во вселенной, отвѣчалъ я, не наградитъ меня за потерю сего перстня. Онъ достался мнѣ отъ особы, которая мнѣ столь любезна, что я толико и живу, колико не чаю быть ей противнымъ. Сия особа, говорила Анезина, была бы очень виновна естьли бы не соотвѣтство-

ствовала дружбѣ или любьви столь нѣжной. Хотя я и не знаю: чемъ вы прилеплѣны къ ней; однакожъ не сумнѣваюся о взаимной ее вамъ отплатѣ; и не возможно, чтобъ не былъ кто чувствителенъ, зря столь великую къ себѣ преданность ударъ ока, данной мнѣ Анезиною, увѣрилъ меня со всѣмъ, что она меня узнала, и что я былъ счастливъ. Какъ минута въ которую долженствовалъ я употребить мою хитрость въ дѣйство, ужѐ настала, товынулъ я изъ моей коробочки весьма хорошей ящичекъ, въ которой было положено слѣдующее письмо.

ПИСЬМО

Чего долженъ я надѣяться, прекрасная Анезина? умереть ли мнѣ, или живымъ остаться? вы находитеся въ вольности. Могу ли я ласкаться получить сердце, которое вы мнѣ обѣщали, и которое вы у меня отняли только по принужденїю? я жду

рѣшенїя долженствующаго опредѣлить навсегда мою судьбину. извлеките меня изъ неизвѣстности: сомнѣнїе, въ которомъ нахожуся, мнѣ мучительнѣе смерти.

Когда часы, сказалъ я Анезинѣ, вамъ нравятся, такъ дозвольте мнѣ сверхъ торгу, вручить вамъ сей ящичекъ. То, чемъ онъ обитъ, покажетъ вамъ ево настоящую цѣну. Она легко поняла знаменованїе моихъ словъ. *Я* пойду, отвѣчала она мнѣ, принесть вамъ надлежащїя за покупку деньги: зайду лишъ въ мою горницу, и черезъ минуту возвращуся. Опасаяся, чтобъ Анезинѣ не было помѣшательства мнѣ отвѣтствовать, сказалъ я ей, что завтре опять приду, и что въ моихъ деньгахъ не сумнѣваюся. Нѣтъ, нѣтъ, говорила она: *я* теперь хочу ихъ вамъ заплатить; и увѣряю васъ, что вы оными будете довольны.

Голосъ, коимъ Анезина произносила говоренныя ею слова, и отказъ учиненной моему завтрешнему приходу, заставили меня заключить,

что

что она хотѣла ползоватся временемъ, въ которое всѣ монахини будучи у решетки въ упражненїй, подавали ей совершенную вольность мнѣ отвѣтствовать. Четверть часа спустя возвратилася она назадъ, и вручила мнѣ надлежащую по договору сумму денегъ, которая была запечатана въ бумагѣ. Вотъ говорила она, подавая мнѣ оную въ руки, заплата за ваши вещи; и щетъ оной положенъ въ сей бумагѣ. Я догадался, что сїе значило. Я совершенно зналъ, сколь для меня было важно разсмотрѣть ево особенно; и едва лишъ принялъ запечатанную бумагу, то и положилъ въ карманъ, бояся чтобъ чего нибудь не подумали, когдабъ развертывая деньги, увидѣли письмо вмѣсто щета.

Пробывъ еще нѣсколько времени у решетки, Анезина пошла въ свою горницу: а я, находяся въ нетерпѣливости знать то, что она ко мнѣ писала, пробылъ не долго съ другими монахинями; и завернувъ мои товары, возвратился

тился, наискоряе сколь мнѣ возможно было, въ мою квартиру. Пришедъ въ оную, развернулъ данныя мнѣ Анезиною деньги, и вотъ письмо, которое было положено въ бумагу.

ПИСЬМО

Естьли вы столь вѣрны и постоянны, какъ сказываете, то я наисчастливѣйшая женщина на свѣтѣ. Знайте любезной Фетрофаль, что Небо дозволяетъ мнѣ располагать по моей волѣ моею рукою. Я наслѣдовала по смерти моего мужа весьма великое имѣнїе: хотя онъ, во время своей жизни, и заставлялъ меня претерпѣвать многїя горести, происходящїя отъ ненависти сестры моей питающей свою ревность; однакожъ, при смерти желая облегчить часть сихъ горестей, оставилъ меня единственною своею наслѣдницею. Наслѣдство мною преобрѣтенное, причинило мнѣ новыя гоненїя. Мой отецъ *хотѣлъ, чтобъ я вс-*

тупила

тупила въ супружество съ Донъ Франциском де Медранасъ. Достоинство и природа сего господина, ласкали его честолюбiе, и сестры моей, которая хотя уже нѣсколько мѣсяцовъ и замужемъ; однакожъ не оставляла еще гнать меня. Не смотря на принужденiя, прозьбы, угрозы, и повелѣнiй моей фамилiи, я познамѣрилася сохранить вамъ обѣщанное мною сердце, кое отнять у васъ насильно меня принудили. Я писала въ Лисабонъ, дабы получить о васъ извѣстiе: но послѣ многихъ сыскиванiи, не получа ни единаго, предпрiяла вступить въ монахини. Остатокъ моей исторiи вамъ извѣстенъ: отъ васъ зависѣть будетъ, чтобъ конецъ оной былъ благополученъ. Послѣ завтре по полудни въ два часа, придите къ Маркизѣ Кастель-Федѣ: скажитеся тамъ вашимъ справедливымъ имянемъ; а остальное мнѣ управлять поручите. Въ Мадритѣ показывайтеся наименьше сколько возможно: убѣгайте со тщанiемъ Клары и отца моего.

Сїе письмо причинило мнѣ радостныя восхищенїи, коимъ мнѣ трудно было сопротивляться: я чаялъ умереть отъ радости. какъ! вскричалъ я, возможно ли, чтобъ Анезина мнѣ отдана была: такъ по етому мнѣ можно будетъ наслаждаться счастїемъ, которое почиталъ на всегда пропадшимъ. Не уже ли оно, было отсрочено только для того, чтобъ быть лучше и непоколебимѣе. При сихъ прїятныхъ мысляхъ, чувствуемыя мною муки, были уже истреблены изъ моей памяти. Едва приводилъ я на мысль мои прошедшїя несчастїя. Я объятъ только былъ ласкающею меня надеждою: почиталъ себя приплывшимъ уже къ пристани, и не боялся болѣе новыхъ бурь.

По приближенїи назначеннаго къ свиданїю у Маркизы де Кастель Феде дня, я больше полетѣлъ нежели пошелъ туда; и нашелъ тамъ мою прекрасную Анезину. Она была одна, а маркиза другъ ее, нехотѣла быть свидѣтелемъ нашего свиданїя, боясь отяготить насъ принуж-

принужденїемъ. Я бросился къ ногамъ моей дражайшей любительницы, и взявъ у нее руку, омочалъ ее моими слезами. Такъ можно мнѣ, говорилъ я ей, клясться предъ вами, что вы никогда не выходили изъ моего сердца, и увѣрять васъ о моемъ постоянствѣ и вѣрности. Я знаю о себѣ, Анезина, продолжалъ я, что не заслуживаю вашей любьви: вѣдаю сколь мало достоинъ милостей, которые вы ко мнѣ имѣете; однакожъ могу васъ увѣрить, что, естьли вся горячность и вся благодарность справедливо чувствительнаго сердца, могутъ занимать мѣсто нѣкотораго достоинства, то я долженъ надѣяться не быть вамъ противнымъ. Вы и не есть таковымъ, отвѣчала Анезина: учиненной мною для васъ поступокъ, долженъ быть вамъ въ томъ несумнѣннымъ защитникомъ. Ваше отсутствїе заставляло меня претерпѣвать теже муки, какїе и мое вамъ причиняло. Но напослѣдокъ, любезной Пїетроваль, судьбина сжаляся на наши взаимныя несчастїя, соединила

нила насъ во время, когда мы чаяли навсегда другъ съ другомъ разлучиться. будемъ стараться сыскать способы, кои подали бы намъ совершенную тишину, и определили бы навсегда жить неразлучно. Мой отецъ уведавъ о моемъ пременении, не знаетъ чему его приписывать. Онъ думаетъ, что будучи готовою къ клятвоприношенію, которое меня на веки отъ света удаляло, я устрашилася, вообразя предпріемлемую мною жизнь. Онъ уже опять ласкается надеждою уговорить меня къ вступленію въ супружество съ Графомъ Донъ Франциско де Медранасъ. Моя сестра, будучи гораздо лукавее нежели онъ, не знаетъ начемъ утвердиться. Она делаетъ тысячу разныхъ заключеній; но досихъ поръ, не иметъ ни какого подозренія на настоящее дело. Почему знать то, что можетъ впредь случиться? и такъ, предупредимъ несчастія, кои могутъ еще разлучить насъ. Я, какъ вамъ уже и сказывала, нахожусь обладательницею не малаго именія

нія, которое ни кто у меня отнять не можетъ. Мое вдовство даетъ мнѣ право опредѣлять руку мою по моей волѣ. Поѣдемъ въ Италію: убѣжимъ сихъ мѣстъ, которыя были намъ столь плачевны. Я возьму съ собою довольно вещей и денегъ, чтобъ по пріѣздѣ ничего у насъ не недоставало: что же до остающагося здѣсь имѣнія касается, то Маркиза де Кастель-Феде будетъ стараться пересылать намъ доходы во всѣ мѣста куды мы пожелаемъ.

Чемъ, говорилъ я Анезинѣ, могу я заплатить вашу любовь? Мнѣ осталося вамъ оказывать единую только благодарность, которая однакожъ, въ разсужденіи являемыхъ мнѣ вами милостей, есть слабой подарокъ. И такъ въ знакъ чувствительности, приношу вамъ клятвы о моей вѣрности: я знаю что сердце, подобное вашему, болѣе сего не требуетъ; и вѣдая ваше великодушіе, стыжуся меньше невозможности моей заслуживать ваши благодѣянія. Я ты-

сячу разъ болѣе должна вамъ моею благодарностїю, любезной Пїетроваль, говорила Анезина. Вы мнѣ ни чемъ не обязаны за чинимое мною ради васъ. Любовь платитъ мнѣ за то во сто кратъ болѣе. Ваша горячность, постоянство, и вѣрность: вотъ безцѣнныя для меня сокровища. Сердце ваше единственной есть подарокъ достойной моей нѣжности. Она находитъ безконечное удовольствїе въ ощущенїи къ вамъ любьви, и въ исполненїи для васъ всего того, чему слѣпая фортуна препятствовала. Я съ радостїю исправляю ея непостоянства. Хотя вы и были рождены, Пїетроваль, къ незнаменитому состоянїю; однакожъ, сердце ваше и добродѣтели, уничтожаютъ вашу природу. Любовь, опредѣлившая вамъ несчастїя при произведенїи васъ въ свѣтъ, награждаетъ наконецъ оныя нынѣ.

Рѣчи Анезинины имѣли нѣчто столь трогающее: я зрѣлъ въ ее мысляхъ толико нѣжности и искрен-

искренности, что объявшая меня радость не дала мнѣ возможности ей отвѣтствовать. Я бралъ только у нее руки, и жалъ ихъ моими: взгляды, вздохи, и слезы мои, говорили гораздо краснорѣчивѣе, нежели бы я языкомъ могъ изъясниться. Надобно, говорила мнѣ Анезина, намъ изготовиться въ сїю ночь отъѣхать. Я все приуготовила въ прошедшїя, послѣ отданїя вамъ моего письма, два дни. Всѣ препятствїя, могущїя насъ остановить, уничтожены. Я велѣла сказать монахинямъ, что поѣду на два или на три дни въ загородной домъ съ Маркизою де Кастель-Феде: тоже велѣла объявить и моей фамилїи. И такъ, мы будемъ имѣть время отправиться въ Барцелону, и туда прїѣхать, прежде нежели увѣдаютъ о моемъ отъѣздѣ.

Маркиза де Кастель-Феде вошла къ намъ въ горницу во время, какъ я увѣрялъ Анезину о своей готовности слѣдовать ея повелѣнїямъ. Ну, любезная Анезина

зина, говорила она ей, скоро ли мы съ вами разстанемся? Сія ночь освободитъ ли васъ отъ тиранства вашей фамиліи. Въ разсужденіи удовольствія, которое являетъ мнѣ вашъ видъ, я не могу сумнѣваться, чтобъ вы, вѣрностію Піетровалевою, столько довольны не были, сколько долженъ онъ почитать себя счастливымъ, будучи любимъ такою прекрасною особою. Однакожъ, продолжала она, день начинаетъ ужѐ проходить, и думаю что надлежитъ всякою минутою пользоваться. Моя карета готова, и мы можемъ пріѣхать при наступленіи ночи къ перьвой почте, куда ваши сундуки перевесть уже приказала. Я велѣла туда отправить двумѣстную коляску, черезъ слугу, которой поѣдетъ съ вами до Италіи, и которой имѣетъ вашу повѣренность.

Мы послѣдовали совѣтамъ Маркизы де Кастель-Феде, и тогда же отправились къ мѣсту, гдѣ намъ почтовыхъ лошадей взять над-

надлежало. Все было столь порядочно расположено, что мы въ четвертой день прибыли въ Барцелону. Мы ѣхали почти день и ночь; и Анезина терпѣла дорожное безпокойство съ большею твердостiю. Едва лишъ мы въ городъ въѣхали, то приказалъ я приготовить одно изъ тѣхъ малыхъ судовъ, кои только изъ Барцелоны до Женевы ходятъ, и на ономъ, спустя двѣнатцать часовъ послѣ прiѣзда, въ путь отправился. Время казалося быть согласнымъ съ нашими желанiями, и хотѣло способствовать любьви нащей. Мы были, въ меньшее дватцети четырехъ часовъ время возлѣ Нисы, и мнили прiѣхать скоро въ Женеву, какъ тихая погода принудила насъ стоять почти два дни на одномъ мѣстѣ. Какъ мы имѣли завсегда благополучной и легкой вѣтеръ, то Анезина боялася моря очень мало. Я былъ любопытенъ вѣдать, какiя были муки причиненныя ей Кларою; а о ревнивости ея мужа говорить еще

не осмѣливался. Я изъявилъ ей тогда мое любопытство. Я разскажу вамъ, говорила она мнѣ, такія происхожденія, въ коихъ бы вамъ трудно было увѣриться, естьли бы вы не знали совершенно дурной нравъ моей сестры.



ИСТОРIЯ

о

АНЕЗИНѢ,

и

ДОНЪ ДIЕГО

де

САНЪ-ФУЕГО.

Ненависть, которую Клара ко мнѣ возчувствовала, не прекратилася вашимъ изгнанiемъ. Я не вѣдала: она ли открыла наши тайны моему отцу. Но какъ заключала она, что послѣ случившагося съ вами приключенiя, вы не осмѣлитеся остаться въ Мадритѣ, и что, естьли я скажу родителю о ея къ вамъ любьви, и о наговорѣ которой единственно

отъ ея ревнивости происходитъ, мнѣ не повѣрятъ; то сказала мнѣ съ горделивымъ видомъ, что она была причиною вашихъ и моихъ несчастій. Ты должна, говорила она мнѣ, благодарить меня зато, что помѣшала тебѣ впасть въ безчестіе. это я, которая открыла отцу моему недостойную горячность оказываемую тобой Піетровалю. будучи приведена сими словами въ крайнее раздраженіе, невозможно мнѣ было себя преодолѣть. Тебѣ надлежало бы, говорила я ей, не столько поносить страсть, которую ты можетъ быть больше чувствуешь, нежели я. О, о! я разумѣю тебя отвѣчала она мнѣ съ неограниченною смѣлостію. Я знаю, что ты хочешь сказать. Я слышала ту сказку, которую разсказалъ тебѣ твой дражайшей холопъ. Для уваженія своей горячности, онъ дѣлалъ предъ тобою сердце мое мнимою себѣ жертвою. Я еще не помышляла сказать сіе родителю. Ты должна за это меня благо-

благодарить. Онъ конечно бы склонился наказать измѣнника, которой одну изъ его дочерей посрамлялъ, а другую злословилъ.

Безстыдство Кларино привело меня въ такое удивленіе, что я не имѣла силы ей отвѣтствовать. Между тѣмъ, мой родитель приказалъ смотрѣть за мною въ домѣ, не спуская глазъ: я не имѣла болѣе вольности выѣжжать. Онъ поѣхалъ къ королевѣ, и донесъ ей, что вознамѣрился отдать меня въ супруги графу Донъ Діегу де Санъ Фуего. Онъ извинилъ отсутствіе мое лехкою болѣзнію; и я ко двору возвратилася уже тогда, какъ вступила въ супружество. Я имѣла столь печальной и опустившейся видъ, что удобно было разсмотрѣть, что склонность и вкусъ не согласовалися на отданіе руки моему супругу. Онъ самъ примѣтилъ мое обремененіе, и не зная совершенно тому причины, дѣлалъ съ начала все то, что могъ, ко истребленію моихъ печалей.

онъ оказывалъ мнѣ множество ласковостей; и хотя я не могла ощущать къ нему любьви; однакожъ, являла ему все мое почтенїе; но сего не довольно было для Донъ Дїега де Санъ-Фуего. Онъ меня любилъ; и заключалъ, что и я долженствовала платить горячность его моею. Онъ много разъ жаловался на мою холодность. Какъ онъ былъ мой супругъ, то почла я, что должность моя заставляла меня успокоивать, по всей моей возможности, причиняющїя мною ему муки. И такъ притворилася я имѣть къ нему болѣе преданности нежели прежде: однакожъ несмотря на мое притворство, ласки мои казалися столь принужденными, что умножили Донъ Дїеговы сокрушенїя. Онъ вознамѣрился навѣдаться отъ сестры моей о причинѣ моей холодности. Злая Клара употребила сей случай въ пользу, для отмщенїя за учиненной мною ей выговоръ. Она столько меня ненавидѣла,

что отдала бы все добро, которое бы получить надѣялася, для моей погибѣли. И такъ сказала она моему мужу все то, что знала, наполнивъ повѣсть свою множествомъ лукавыхъ и ядовитыхъ словъ, которые только Донъ Дїеговою смертїю окончились. Онъ былъ тихаго сложенїя: однакожъ, ревнивость здѣлала его неусмиримымъ; и я не замѣшкала почювствовать плачевныя слѣдствїя злобы, моей недостойной сестры.

Мой мужъ перемѣнилъ совсѣмъ свою жизнь: велѣлъ за мною смотрѣть, повсюду куда я ѣздила; и я безпрестанно была окружена лозутчиками. Онъ едва говорилъ со мною; и не имѣлъ ужѐ болѣе ко мнѣ своей перьвой горячности. Признаюся вамъ, что я премѣнившїяся мужа моего мысли, почла тогда же себѣ за счастїе: онѣ лишали меня принужденїя въ обхожденїи; и состоянїе, въ коемъ ноходилось мое сердце, утѣшалося болѣе его холодностїю,

не-

нежели горячностію, которая безпрестанно мнѣ казалася упрекающею меня, запитаемой мною пламень, которой бы мнѣ гасить надлежало. Въ предтекущее время, ревнивость Дона Діего столь сильно умножилась, что здѣлалася мнѣ несносною. Онъ отнималъ у меня всѣхъ находящихся при мнѣ служителей. Лишъ только ему казалося, что я кому ни будь изъ нихъ дѣлала отмѣну, то тотъ же часъ выгоняли таковаго изъ дому. Я не знаю думалъ ли онъ, что вы въ Мадритѣ были скрыты; но только былъ тронутъ даже до того, что вознамѣрился оставить дворъ, и повесть меня въ одинъ, изъ пренадлежащихъ ему, замокъ.

Нѣкоторыя слова; говоренныя мнѣ моимъ мужемъ во время, когда онъ не могъ преодолѣть себя, подали мнѣ узнать причину его ревнивости. Я подозрѣвала, отъкуда простирался ударъ, меня во умѣ его теряющей, но не могла совершенно быть въ томъ увѣрена.

рена. Между тѣмъ, какъ почитала я славу мою обязанною оправдать меня передъ моимъ мужемъ, не входя въ изъясненія, кои бы могли огорчить насъ обѣихъ, была первою къ понужденію его ѣхать въ замокъ.

На канунѣ нашего отъѣзда, случилося смѣшное приключеніе, произшедшее отъ одного изпужавшагося служителя. Оно причинило на нѣсколько минутъ много печали моему мужу. Онъ велѣлъ приуготовить связки изъ разныхъ вещей, для перевезенія ихъ въ замокъ, въ которой мы ѣхать сбиралися; но до тѣхъ поръ, пока оныя приберутся въ телеги, разложили ихъ по сенямъ и по лесницѣ. Одинъ слуга, напившейся во время дня пьянымъ, и ночью еще отъ хмѣля не освободясь, всталъ съ своей постели, и пошелъ пить воды къ колодезю, которой былъ на дворѣ. Идучи черезъ сени, задѣлъ онъ за одну изъ тѣхъ связокъ; и будучи слабъ на ногахъ, упалъ

упалъ на полъ; а связка на него повалилася. Онъ подумалъ что, это былъ воръ, и началъ кричать изъ всей силы. Ворочаяся подъ связкою, сбросилъ онъ ее въ сторону: и чая уже быть себя освобожденнымъ отъ схватившихъ его рукъ, ушелъ въ горницу къодному изъ своихъ товарищей; и обнадежилъ его, что былъ атакованъ воромъ. Весь домъ вскорѣ пробудился. Всякой вооружался перьвою вещїю, какая кому въ руки попадалася. Поворъ бралъ вертело: кучеръ имѣлъ прибѣжище къ виламъ; и такъ каждой былъ вооруженъ сходственно съ своимъ званїемъ. Мой мужъ не послѣднѣй былъ въ поспѣшенїи на сїю тревогу: ревнивость увѣрила его, что сей человѣкъ, коего ищутъ, былъ сокровенной и переодѣтой въ чужее платье любовникъ. Онъ взялъ свои пистолеты, обѣгалъ весь домъ, будучи послѣдуемъ служителями, и осмотрѣвъ прилѣжно всѣ мѣста̀, даже до погреба и житницы,

ницы, и не нашедъ ничего, разспрашивалъ о томъ слугу, которой имѣлъ со мнимымъ воромъ побоище, и хотѣлъ видѣть мѣсто, гдѣ происходило сраженіе. Упадшая связка, половину растрепанная, открыла то, чего не знали: и нѣсколько палкою ударовъ, данныхъ Донъ Діегомъ, въ запалчивости, причинителю сего смущенія, окончили сію комедію.

Пріѣхавъ въ за́мокъ, избранной мужемъ моимъ, для нашего жилища, я не спокойнее была городскаго. Его ревнивость, удаленіемъ моимъ отъ Мадрита не убавилася. Онъ безпрестанно ходилъ дозоромъ около дома: ночью, вставалъ очень часто, и осматривалъ, были ли, двери, окны, и все что ни есть, заперто: А днемъ съ утра до вечера стоялъ на часахъ. Мнѣ не можно было гулять итти безъ его сотоварищества; и въ ономъ за́мкѣ, посреди лѣса построенномъ, я ничего невидѣла кромѣ

мы обѣдали, и вынувъ кинжалъ, съ маленькою скляночкою яда, полно мнѣ принуждать себя, говорилъ онъ Капуцину, ты уже и такъ очень долго утѣшался грѣхомъ твоимъ. Небо отдаетъ тебя моему мщенію; и я имѣю удовольствіе возмочь наказать тебя предъ глазами недостойной твоей любительницы. Избирай, желѣзо, или ядъ. Я оставляю еще тебѣ волю умереть отъ самаго ли себя чрезъ сей ядъ, или отъ сего кинжала въ рукѣ моей, которой я готовъ вонзить въ твое сердце.

Доброй Капуцинъ и я, пришли въ толь великое удивленіе, что оба потеряли голосъ; и нашъ ужасъ былъ для Дона Діего подлиннымъ знакомъ совершеннаго убѣжденія. Ну, говорилъ онъ Капуцину, соглашайся поскоряе: я стражду умѣдляя и минутою мое отмщеніе. Капуцинъ, будучи побуждаемъ столь безчеловѣчнымъ образомъ, скрѣпился и отвѣчалъ ему: государь мой, я не знаю чего

чего ради вы хотите умертвить меня. Я ни чего не разумѣю изъ чинимыхъ вами мнѣ упреканій. Я бѣдной Капуцинъ, которой, три года назадъ живетъ въ Францисканскомъ Кардельскомъ монастырѣ. Мои начальники были завсегда мною очень довольны; и они могутъ васъ извѣстить о моемъ непорочномъ поведеніи. Въ протчемъ, государь мой, я вамъ доношу что я священникъ, и что вы будете изключены изъ числа сыновъ церкви, съ той же самой минуты какъ жизнь мою у меня отнять отважитесь. Сіи притворные разговоры, отвѣчалъ Донъ Дiего, не обольстятъ меня. Я знаю твои намѣренія: знаю любовь твою: неблагодарность твоя къ графу Пизано мнѣ извѣстна, и я вѣдаю, какимъ образомъ заставили тебя отказаться отъ обладанія твоей любезной Анезины.

То, что говорилъ мой мужъ, изъяснило мнѣ совершенно несправедливыя его досадованія, и

подлинную причину столь плачевнаго приключенія. Мнѣ разсудилося, не позабыть ни чего къ сохраненію моей славы, и дней невиннаго. Постой, говорила я ему, Донъ Діего: я вѣдаю твое заблужденіе. Естьли бы ты мнѣ сказалъ сію плачевную тайну, я могла бы успокоить твою пустую ревнивость. Правда, что прежде нежели дала я тебѣ руку, мое сердце было чувствительно къ несчастному, котораго добродѣтели привлекали къ нему мое почтеніе и жалость; однакожъ, злая моя сестра, описывая тебѣ страсть мою, долженствовала бы сказать, что съ самого того дня, какъ я стала твоею супругою, единственное мое попеченіе было то, чтобъ истребить напоминаніе о бывшемъ для меня драгомъ любовникѣ, и стараться тебѣ уступить заниманное имъ въ сердце моемъ мѣсто. Естьли я не могла имѣть къ тебѣ ту горячность, которую ты требовалъ, то по крайней мѣрѣ

мѣрѣ желанія мои, почтеніе, покорность ко исполненію твоихъ повелѣній, долженствовали являть тебѣ, что сердце, моему подобное, могло быть несчастливо; но невиновно. Мнѣ столько же извѣстенъ, сколько и тебѣ сей священникъ, котораго ты столь не кстатѣ принимаешь за твоего совмѣстника. Я подавала ему иногда милостыню. Такъ, естьли это грѣхъ; и ты почитаешъ добродѣтели за злодѣянія, то пронзай меня перьвую! сокрой меня, о варваръ! отъ зрѣнія таковаго чудовища, какъ ты, которой въ необычайнѣйшія крайности вдаться можетъ. Когда я тебѣ давала руку, не знала тогда твоего бѣдственнаго праву: однакожъ, дабы удалить твоего совмѣстника отъ мѣстъ, мною обитаемыхъ, единая любовь была довольною меня на то вознамѣрить. Я не знаю, что съ нимъ здѣлалось; но только вѣдаю, что онъ презираетъ твоимъ бешенствомъ, и не боится твоего гнѣву.

Твердой и благонадежной видЪ, сЪ которымЪ я Дону Дїегу говорила, привелЪ его вЪ размышленїе. ОнЪ началЪ вѣрить, что могЪ обмануться. НапослѣдокЪ, доброй КапуцинЪ убѣдилЪ его вЪ томЪ совершенно: онЪ бросился кЪ колѣнямЪ моего мужа: вынулЪ изЪ кармановЪ множество шапелетовЪ, и молитвенникЪ. Государь мой, говорилЪ онЪ моему мужу, я не имѣю здѣсь сЪ собою грамоту на мое священство; но вотЪ вещи, которые могутЪ васЪ увѣрить, что я подлинной КапуцинЪ. ВЪ протчемЪ, я никогда не видывалЪ вашу супругу, кромѣ, когда она мнѣ изЪ милосердїя милостыню подавать изволила. Естьли ето причиняетЪ малѣйшее безпокойство, то клянуся вамЪ, государь мой, что болѣе никогда не приду вЪ вашЪ замокЪ. Прежде нежели попускаться вЪ послѣднїя крайности противЪ священника, разсмотрите дѣло по прилѣжнѣе.

Рѣчи и слезы сего Капуцина, отвратили совершенно завѣсу покры-

крывающую глаза Дона Дїего. онъ узналъ свое заблужденїе. Любезная супруга, говорилъ онъ мнѣ по прошествїи моей спыльчивости, я знаю, что я приумножилъ то омерзѣнїе, которое ты ко мнѣ имѣла; однакожъ, я буду стараться, чтобъ ты не терпѣла болѣе отъ ревнивости, которая не въ моей была волѣ. батюшка, продолжалъ онъ говоря капуцину, прошу васъ извинить мое дурачество, и простить меня. вотъ дарую вамъ сорокъ пистолей; пожалуйте предайте молчанїю сїе бѣдственное приключенїе; а я, въ награжденїе, обѣщаюся вамъ служить всѣмъ тѣмъ, что отъ меня зависѣть будетъ. капуцинъ, неожидавшей чтобъ оное происшествїе столь прїятно окончилось, обѣщалъ все то, что хотели, и здержалъ въ самомъ дѣлѣ свое слово; но можетъ быть боязнь, чтобъ не узнали въ монастырѣ, что у него въ карманѣ лежитъ сорокъ пистолей, имѣла много участїя въ его скромности.

Съ сего времяни, Донъ Дiего имѣлъ ко мнѣ гораздо болѣе почтенiя; однакожъ вдался въ превеликую меланхолiю, и вдругъ занемогъ опасно. болѣзнь его, отъ печалей ли причинилася, или отъ нѣжнаго сложенiя; но только вскорѣ дошелъ онъ до крайности, и умеръ два мѣсяца спустя послѣ Капуцинова приключенiя. Попеченiя, кои я о немъ имѣла во время его болѣзни, истребили изъ него со всемъ тѣ дурные обо мнѣ мысли вкорененныя злою моею сестрою. Я хочю, говорилъ онъ мнѣ, Анезина, умираючи удовлетворить чинимыя мною тебѣ во время моей жизни муки. Я оставляю тебя моею единственною наслѣдницѣю. Прости мнѣ тѣ горѣсти, кои моя ревнивость тебѣ причинила: я смѣло предъ тобою клянуся, что сколь ли они тяжелы ни были, то однакожъ, ты никогда изъ моего сердца не выходила. Посреде восторговъ моего бешенства, я чувствовалъ, что тебя любилъ сто разъ больше

нежели себя. Твоя сестра причинила твои и мои несчастія. Прости ей, любезная супруга. Твоя добродѣтель возможетъ сіе учинить; но только никогда не вѣряйся сестрѣ своей.

Столь нѣжныя чювствованія заставили меня жалѣть о смерти Дона Діега. Лишъ только моя фамилія узнала, что я овдовѣла и была наследницѣю всего мужнина имѣнія, то возжелала согласить меня на новое знатное востановленіе, которое давало мнѣ много покровительства. Донъ Франциско де Медранасъ искалъ меня себѣ въ супружество съ большимъ стараніемъ; но я далека была къ слушанію его предложеній. Я размышляла, какъ бы васъ здѣлать счастливымъ, любезной Піетроваль: приказывала писать въ Португалію и Италію, надѣяся получить о васъ извѣстіе. Наконецъ, потерявъ надежду въ извѣданіи, что съ вами здѣлалось, вознамѣрилася я, свѣтъ на всегда оставить. Въ протчемъ

вы знаете остатокъ моей исторіи; и какъ, во время когда теряла я васъ на вѣки, столь счастливо съ вами увидѣлась.

Повѣсть, о мученіяхъ, которые претерпѣвала моя дражайшая Анезина, явила мнѣ новыя опыты ея горячности. Къ благополучію моему того только не доставало, чтобъ пріѣхать поскоряе въ Женеву. Насталъ способной вѣтеръ: тишина престала, и мы не были за дватцать миль отъ сего города, какъ увидѣли Алжиркой галіотъ, которой гнался за нами. Мы тщетно старалися доплыть до перьваго порта. Турки нагнали насъ въ тритцати миляхъ отъ Савоны. Мы хотѣли обороняться; однакожъ, всѣ наши усилія были безполезны. По получасовомъ сраженіи, Турецкой галіотъ обладалъ нашимъ судномъ, и мы всѣ взяты были въ полонъ, и отведены въ Алжиръ.

Я не могу изъяснить, какое было мое и Анезинино отчаяніе. Намъ оставалася та только единая

ная надежда, чтобъ увѣдомить Маркизу де Кастель-Феде о нашемъ состоянiи, дабы прислала она намъ изъ Мадрита довольную сумму денегъ къ нашему освобожденiю. По счастiю, Анезина, съ начала сраженiя, спрятала въ свое платье многiя драгоцѣнныя каменья. Она бросила въ море большую часть своихъ денегъ, боясь, чтобъ изобилiе найденныхъ Турками сокровищъ, не заставило насъ купить гораздо дорожее нашу вольность.

Я сказалъ о себѣ Турецкому капитану, что я Каталонской купецъ: Анезина назвалася моею супругою; и сей разбойникъ, будучи не столько безчеловѣченъ, сколько бываютъ обыкновенно тѣ, кои состоятъ въ одинакой съ нимъ професiи, поступалъ съ нами довольно милосердо. У Анезины носимое ею платье отнято не было; довольствовалися только обыскомъ; однако по счастiю, она столь хорошо каменья спрятала, что никогда не могли ихъ увидѣть.

По пятидневномъ путешествіи, пріѣхали мы въ Алжиръ. Насъ вели чрезъ весь сей городъ, для показанія Дею. Идучи по одной улицѣ, Тринитеръ (*) Флорентинской уроженецъ, пріѣхавшей въ Алжиръ для выкупу Христіанскихъ невольниковъ, былъ жестоко тронутъ Анезининымъ несчастіемъ. Онъ освѣдомился подробно: какимъ образомъ взята она въ полонъ, и гдѣ ее отечество. Хотя и не могъ онъ узнать, имени ея и природы, однакожъ не сумнѣваяся, чтобъ она не была знатной природы, которую злополучіе ее скрывать принуждаетъ, вознамѣрился, естьли возможно будетъ, избавить ее отъ неволи.

Пройдя весь городъ пришли мы, будучи послѣдуемы множествомъ народа, къ Дею, которому насъ

(*) Тринитеры: общество старцевъ, коихъ должность состоитъ въ выкупѣ у невѣрныхъ Христіанскихъ невольниковъ.

насъ представили. Онъ выбралъ для себя изъ всѣхъ невольниковъ меня и Анезину; и увѣдомяся, что мы были сопряжены бракомъ, спросилъ меня: что я умѣлъ дѣлать? Я слыша, что докторское искусство было въ великомъ, между сими варварами, почтенiи, сказалъ ему о себѣ, что былъ докторъ. А какое намѣренiе влекло тебя въ Италiю? говорилъ мнѣ Дей. Я ѣхалъ, отвѣтствовалъ ему, къ одному Германскому принцу, при которомъ быть обязался. Когда то такъ сказалъ Дей, такъ отъ тебя будетъ зависѣть, чтобъ тебѣ и здѣсь столькоже быть счастливу какъ въ Италiи. Пекись о моемъ здоровье, а я буду о тебѣ пещися. Въ перьвой знакъ моей дружбы, не разлучаю тебя съ твоею супругою. Живи съ нею въ покояхъ, которые велю тебѣ отвесть; и естьли я буду доволенъ твоими услугами, то можетъ быть награжу ихъ когда нибудь твоею, и жены твоей вольностiю.

Я не ожидалъ таковаго себѣ благополучія. Я всякую минуту опасался чтобъ не разлучили меня съ моею дражайшею Анезиною. Сіе помышленіе меня ужасало; а какъ узналъ я, что разлученъ не буду, то всѣ муки неволи моея казалися мнѣ ужѐ прошедшими. Я жилъ три мѣсяца, безъ всякой счастію моему премѣны: ходилъ обыкновенно два раза въ день къ Дею: щупалъ у него пульсъ съ весьма постояннымъ видомъ, и обнадеживалъ его, что онъ находился въ добромъ здоровье. Я дѣйствительно не ошибался, потому что никогда не видывалъ такого твердаго и мужественнаго здоровья, какъ Деево. Исполненіе докторской при немъ должности было наилегчайшее; со всѣмъ тѣмъ пришелъ случай мнѣ вступить въ дѣйство, и показать пространство моего знанія. Одинъ изъ Деевыхъ сыновей, молодой дитя лѣтъ пятнатцати, занемогъ очень больно. Меня тотчасъ къ нему спросили.

Извѣдая

Изведая прежде, какъ онъ живетъ, мнѣ легко было познать, что его болѣзнь состояла только въ безсилiи. Ему учредили мѣсяца три назадъ сераль; и онъ, по молодости являлъ излишнюю горячность одной Сицилiанской невольницѣ, которую называли его фавориткою. Я сказалъ, что ему надлежало перемѣнить воздухъ: кушать бульонъ и пить вино. Такимъ образомъ, я совершенно чрезъ два мѣсяца его вылѣчилъ. Сицилiанка во все сiе время съ нимъ не видалася. Она можетъ быть была недовольна употребляемымъ мною лѣкарствомъ, для ея чувствъ столь скучливымъ; однакожъ Дей возъимѣлъ ко мнѣ полную повѣренность. Я почитался у него съ сихъ поръ наискуснѣйшимъ Докторомъ изъ Европы. Я нестолько помышлялъ о его милостяхъ, сколько о помѣшательствѣ, которое онѣ причиняли моему освобожденiю. Я объявилъ мое намѣренiе Анезинѣ. Она на оное много соглашалася; но

но боязнь быть открытымъ и поиманнымъ, насъ устрашала. Мы бы пропали, естьли бы наша выдумка была неудачлива: и мы ужасалися предпріять оную. Мы писали къ Маркизѣ де Кастель-Федѣ о присылкѣ намъ для нашего выкупу денегъ; однакожъ, я видѣлъ, что докторское званіе, которое мнѣ служило много къ неразлукѣ съ Анезиною, чрезмѣрно будетъ мнѣ мѣшать, когда за хочю купить мою вольность; и я почти былъ увѣренъ, что Дей мнѣ ее откажетъ, и не согласится потерять человѣка, къ коему онъ имѣлъ столько повѣренности.

Сіи размышленія заставили меня склоняться на Анезинины мысли: она понуждала меня выѣхать изъ земли, гдѣ мы завсегда ожидали претерпѣвать наивеличайшія несчастія. Драгоцѣнныя каменья, которые она зберегла въ платьѣ, давали намъ способъ имѣть столько денегъ, сколько потребно было для нашего спасенія.

Единая трудность состояла въ томъ, чтобъ ихъ тайно продать было можно: къ чему благополучная судьбина и подала намъ случай познакомиться съ однимъ человѣкомъ, которому мы всѣ наши наитайныя намѣренія открыли съ благонадежностію.

Тринитеръ, видѣвшей насъ тогда какъ мы ведены были къ Дѣю, и осведомившейся съ большею точностію о нашихъ имѣнахъ и природѣ, думалъ что я въ самомъ дѣлѣ былъ докторъ, а Анезина моя супруга. Ласковое Дѣево со мною обхожденіе, и отправляемая мною при немъ должность, заставили сего добраго монаха потерять надежду меня выкупить. Онъ желалъ однакожъ со мною видѣться, и подать мнѣ всѣ зависящія отъ него утѣшенія. Я, думая, что ничего не отважу ввѣря себя столь смиренному человѣку, открылъ ему мое намѣреніе что, хочу избавиться неволи, и пользоваться имѣющеюся при мнѣ вольностію, чтобъ уйтить изъ Алжира.

жира. Я хвалю, сказалъ онъ мнѣ, вашъ вымыселъ; но надобно его управлять съ благоразуміемъ. Вашъ побѣгъ единственной есть способъ могущей окончать вашу неволю. Повѣренность, которую Дѣй имѣетъ къ вашимъ наукамъ, и имъ ощущаемая къ вамъ дружба, не допустятъ его согласиться ни на какія предложеніи; и деньги не помогутъ возвращенію вашей вольности. Такъ старайтеся употребить другія средства; но остерегайтеся, чтобъ онѣ не здѣлалися вамъ злополучными, въ случаѣ когда ихъ откроютъ. Отъ васъ зависѣть будетъ, отвѣчалъ я монаху, чтобъ ни кто не могъ препятствовать моему побѣгу. Вотъ драгоцѣнныя каменья, которые прошу продать; прикажите, чрезъ какого ни будь купца снарядить Французское судно; и какъ скоро оно готово будетъ къ выходу въ море, то я сыщу способъ на ономъ отправиться, безъ свѣдома.

Монахъ взялся исполнить оное дѣло; и восемь дней спустя послѣ нашего разговора, одно Марсельское судно было со всемъ снаряжено, и готово иттить въ Ливорну. Доброй монахъ пришелъ мнѣ сказать, что оно, при наступленіи ночи, въ путь отправится; посредствомъ чего, могу я употребить болѣе пятнатцати часовъ въ мою пользу прежде нежели узнаютъ о моемъ побѣгѣ. Я поблагодарилъ его за употребленныя имъ старанія: предлагалъ ему всѣ зависящія отъ меня услуги; и просилъ его, принять драгоцѣнной камень; но онъ не хотѣлъ оной взять. Я, говорилъ онъ мнѣ, довольно заплаченъ за мои труды, когда могъ оказать вамъ нѣкоторые услуги, кои вамъ были нужны. Вы породою Флорентинецъ, продолжалъ онъ; въ разсужденіи чего я, какъ христіанинъ и соотечественникъ, долженъ былъ помогать вамъ. Вы также изъ Флоренціи, говорилъ я ему? пожалуйте, скажите мнѣ вѣсти о одной особѣ,

въ которой я принимаю много участія: какъ находится графъ де ла Валле? а что! развѣ вы его знаете? отвѣчалъ монахъ. близко двухъ лѣтъ назадъ, продолжалъ онъ, здѣлалося у него много перемѣны. Графиня де ла Валле, первая его супруга, умерла. Онъ уединился въ одной изъ своихъ маетностей, и тамъ вступилъ въ супружество съ дочерью своего садовника, которую давно любилъ. Вся Тоскана не опорочивала его выборъ. Фіора, новая его супруга, исправляетъ свою природу толикими добродѣтелями, что все радовалися о ея возвышеніи. Графъ де ла Валле, былъ бы совершенно счастливъ, естьли бы онъ не жалѣлъ о сынѣ, котораго прежде сего имѣлъ отъ своей дражайшей Фіоры и о которомъ не могъ получить ни единаго извѣстія. Онъ освѣдомлялся о немъ во всей Европѣ; но не могъ узнать живъ ли онъ или умеръ.

Во время разговариванія сего монаха чювствовалъ я движенія, которыя мнѣ доселе были неизвѣстны. Я видѣлъ себя наконецъ достой-

нымъ

нымъ моей дражайшей Анезины: находилъ отца и мать, которыхъ могъ вовсенародно называть родителями. Моя природа меня не стыдила, но напротивъ того честь дѣлала; и мнѣ оставалося желать только того, чтобъ присоединиться къ моей фамиліи. Тринитеръ очень удивился видя у меня глаза наполненные слезами. Что съ вами зделалось? сказалъ онъ мнѣ: вы проливаете слезы. Какой случай причиняетъ вамъ печаль? я плачу, отвѣчалъ я ему, отъ радости и горячности. Вы сказываете мнѣ вѣсти, которые счастливятъ мою жизнь. Я тотъ сынъ Графа де ла Валле, о коемъ онъ столь много печалится. Вы меня преисполняете радостїю вскричалъ монахъ. Какъ! не уже ли я столько счастливъ, что могу оказать графу де ла Валле, столь важную услугу! такъ это вы, котораго сей господинъ ищетъ съ такою прилѣжностїю. Ахъ! поѣзжайте, убѣгайте сихъ мѣстъ. Я нынѣ гораздо болѣе прїем-

млю въ васъ участія нежели прежде. После сего, сей доброй монахъ обнявъ меня дружелюбно, пошелъ со мною къ порту.

Я, въ вечеру въ исходе осьмаго часа, въ путь отправился. Анезина и я, одѣлися въ матрозское платье. Вѣтеръ былъ весьма способной; и мы, въ меньшее пяти часовъ время, уѣхали изъ виду отъ Алжирскихъ береговъ. Не имѣя болѣе опасаться нашихъ непріятелей, Анезина одѣлася въ свое прежнее платье; и радость, освободяся неволи, покрывала лице ее новыми пріятностями. Судьбина, говорилъ я ей, поправляетъ напослѣдокъ свои несправедливости. Я уже не не достоинъ, прекрасная Анезина, руки вашей; и Небо, награждая вашу горячность, даетъ вамъ такого супруга, котораго природа, стыда вамъ не здѣлаетъ. Я не буду болѣе страдать зря неисчетныя ваши ко мнѣ милости, и возмогу совершенно ими наслаждаться, не ощущая сокрушенія, которое

которое причинялося отъ воображенія о неравенствѣ нашихъ состояній. Вашъ отецъ, дражайшая Анезина, не будетъ уже порочить страсть, которая, честь его, ни чемъ не можетъ трогать, и ваша злая сестра познаетъ, что Небо приведенное въ жалость добродѣтелію, умѣетъ награждать ее и защищать отъ всѣхъ ископанныхъ ей рвовъ. Я очень радуюсь, отвѣчала Анезина, вашему благополучію любезной Піетроваль: однакожъ, не думайте, чтобъ слава или честолюбіе заставляли меня брать въ немъ участіе. Я васъ столько же любила и тогда, когда вы не графомъ де ла Велле, но только Піетровалемъ назывались. Моя любовь утѣшалася болѣе имѣя многимъ вамъ жертвовать; а днесь, единое только сердце мнѣ отдать вамъ остается. Оно уже давно ваше, оно любило васъ въ несчастіи, и любить будетъ съ тою же постоянностію, въ какомъ бы вы состояніи ни

были. Его горячность не будетъ зависѣть никогда отъ причинъ чинимыхъ слѣпою фортуною.

Притекло напослѣдокъ время, въ котороевсѣ мои несчастія долженствовали совершенно окончится. Вѣтры были намъ благополучными до самаго нашего въ Ливорну пріѣзда. Я столь торопился ѣхать въ Флоренцію, съ тѣхъ поръ какъ услышалъ вѣсти, что едва лишъ на берегъ со всемъ выбрался, то учредилъ все надлежащее къ завтрешнему отъѣзду; и пошелъ искать подводъ, какъ вдругъ увидѣлъ Маркиза де Говего гуляющаго на большей площади. Удивляяся, видя его въ Италіи, побѣжалъ я обнять его. Какъ это! говорилъ онъ мнѣ любезной Піетроваль, неуже ли счастіе ваше перемѣнилося: и вы вознамѣрилися напослѣдокъ оставить Ишпанію? я извѣстилъ Маркиза о моемъ благополучіи. Онъ удивлялся скорости, съ которою я, изъ наинесчастливѣйшаго состоянія, до-

стигъ до величайшаго благополучія. Чтожъ до меня касается, говорилъ онъ мнѣ, мои несчастія только умножились: и я толико жалокъ колико вы счастливы.

ПОСЛѢДОВАНІЕ ИСТОРІИ МАРКИЗА ДЕ ГОВЕГО

Спустя нѣсколько времяни послѣ того какъ вы меня оставили, продолжалъ Маркизъ де Говего, Донна Мендоза впала въ превеликую меланхолію. Я дѣлалъ все то что могъ, для истребленія ея горести. О чемъ вы печалитеся, говорилъ я ей? она усиливалася скрывать отъ меня то, что происходило въ ея сердцѣ, и дѣ-

лала тому причиною болѣзнь, которую приписывала Парижскому воздуху. будучи завсегда ищательнымъ предупреждать желанія моей дражайшей любовницы, оставилъ я сей городъ, и поѣхалъ въ Ліонъ. Я думалъ, что Донна Мендоза тамъ успокоится: однакожъ, вскорѣ увидѣлъ, что перемѣна воздуху не здѣлала ни какого дѣйствія: она столько же была задумчива въ Ліонѣ, какъ и въ Парижѣ. Пришедъ въ нетерпѣливость, зря ее въ такомъ состояніи, подумалъ я что конечно она меня болѣе не любитъ, и печаль ея приписывалъ непостоянству. Скажите мнѣ, говорилъ я ей въ одинъ день, любезная Мендоза, любите ли вы меня. Я устрашаюся: непотерялъ ли я вашего сердца. Можетъ быть дѣлаете вы меня виною вашихъ несчастій. Сія мысль меня отягощаетъ. Естьли вамъ я противенъ, то надобно мнѣ умереть, и смертію успокоить муки мною вамъ причиненныя

ныя. Для чего скрывать вамъ отъ меня ваши мысли? Должны ли вы имѣть тайны для любовника, которой васъ обожаетъ? ваши упреканія, отвѣчала Донна Мендоза, усугубляютъ мои горести; Небо мой свидѣтель, любезной Маркизъ, что вы никогда болѣе любимы не бывали. Но я не въ состояніи преодолѣть горесть, меня отягчающую. Не знаю какое то тайное ощущеніе, превосходящее силы моего разсужденія, удерживаетъ мою печаль; и я, когда стараюся истребить ее, тогда болѣе ее умножаю. Дайте вольное теченіе моимъ сокрушеніямъ: онѣ нечувствительно изчезнутъ; и не могутъ быть продолжительны, потому что источникъ оныхъ мнѣ извѣстенъ.

То, что говорила мнѣ Донна Мендоза, утѣшило меня нѣсколько. Я чаялъ что она со временемъ будетъ опять веселою: въ самомъ дѣле, она мнѣ несколько времяни таковою и казалася: но увы! мое несчастіе, коего не

могъ

могъ предвидѣть, ежеминутно умножалося. Въ одинъ день послѣ обѣда, пошелъ я гулять за городъ, возвратяся домой, увѣдомился, что Донна Мендоза выѣхала; и одинъ лакей подалъ мнѣ сїе мучительное письмо.

ПИСЬМО

Простите мнѣ, любезной Маркизъ, что я васъ сверхъ моей воли оставляю. Честь, должность, законъ, сопротивляются нашему сообщенїю. Каждой день, каждая минута, умножали наши преступленїя. Я иду въ монастырь; и буду тутъ дожидаться либо смерти, или постриженїя, естьли нѣтъ уже въ живыхъ моего мужа. Я васъ люблю сто разъ болѣе нежели сказать могу; но со всемъ тѣмъ, состоянїе, въ которомъ провождала жизнь мою, показалося мнѣ ужаснымъ. Небо соблагоизволило просвѣтить меня. Я увидѣла пожираемую меня бездну; и восхотѣла избавиться

нитъся оной. Вы можете разсудить о моей горячности чрезъ упорство, кои чинила я противъ Небеснаго вдохновенія. Я сопротивлялася близъ шести мѣсяцовъ его милостямъ. Моя задумчивость, уныніе, печали, свидѣтельствуютъ вамъ муку причиненную мнѣ нашею разлукою; но напослѣдокъ, я нарушила союзъ могущей потерять мою душу. Богъ соизволилъ даровать мнѣ возможность къ превзойденію моея любви. Я для него васъ покидаю. Не печальтеся о моемъ отсутствіи. Помните обо мнѣ. Я всякой день буду приносить мольбы къ Богу о вашемъ сохраненіи. Прошу здѣлать расположеніе, чтобъ я могла получать деньги, когда мнѣ въ нихъ будетъ нужда; но только въ монастырь не приходите, потому что я вознамѣрилася не имѣть уже болѣе съ вами свиданія, коимъ, не отвратя меня отъ намѣренія, будете только лучше терзать мое сердце.

Я не послѣдовалъ, продолжалъ Маркизъ де Говего, повелѣніямъ Донны Мендозы. Я побѣжалъ въ монастырь; но только тщетно. Она ни когда не хотѣла притти къ решеткѣ; и отказала получать отъ меня письма. будучи отягченъ премѣною ея состоянія, отослалъ я къ ней все ее платье, бриліанты, и четыре тысячи ишпанскихъ пистолей: приказалъ моему денежному переводчику давать ей завсегда столько денегъ, сколько она пожелаетъ; а самъ поѣхалъ въ Римъ, въ намѣреніи, чтобъ облехчить мое отчаяніе путешествіями. Я ѣздилъ по всей Італіи, пребывая завсегда изгнаннымъ изъ Португаліи, куда не смѣлъ возвратиться: нынѣ ѣду расположить мое жилище въ Мадритѣ, и тутъ окончить жизнь, которая пришла мнѣ въ тягость потерею Донны Мендозы.

Утѣшивъ наилучше сколь мнѣ возможно было Маркиза де Говего, хотѣлъ я, чтобъ онъ видѣлъ мою

дражайшую Анезину. Я показалъ его ей. Она его просила, что какъ ѣдетъ онъ въ Мадритъ, то отвезъ бы къ Графу Пизано отцу ея письмо. Маркизъ взялъ его съ радостїю, и обѣщался помирить насъ съ нимъ. Я увѣдомлю его, говорилъ онъ, о природѣ и имѣнїи Пїетровалевомъ; и надѣюся имѣть успѣхъ въ порученномъ вами мнѣ дѣлѣ. Потомъ простился онъ съ Анезиною; а я поѣхалъ съ нею въ Флоренцїю. Приѣхавъ туда, обрелъ я отца своего и мать, которыя приняли меня съ восхищенїями наиживѣйшей горячности. Ихъ радость была совершенна тѣмъ, что имѣли они столь богатую и любезную сноху какъ Анезина. Наше бракосочетанїе было торжествуемо спустя нѣсколько дней послѣ нашего прiѣзда: къ совершеннѣйшему же нашему благополучїю, получили мы письма отъ графа Пизано, которой прощалъ своей дочери то, что она безъ его дозволѣнїя отъ него удалилася, и радовался

о

о ея благополучномъ бракѣ. Маркизъ де Говего сдержалъ мнѣ свое слово, и имѣлъ удачу въ порученномъ нами на него дѣлѣ.

Съ сего времяни, я жилъ изобилуя имѣнїемъ и счастїемъ: ничего не недостаетъ моему благополучїю; и напоминовенїе претерпѣнныхъ мною несчастїй служатъ только къ лучшему его совершенству.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.



